

ИУДИН ХЛЕБ

Книга 4

ВРЕМЯ ДЛИННЫХ ТЕНЕЙ

Часть 2

ГЛАВА 1

Лето сорок второго года ничем не удивило сибиряков: жаркие и засушливые дни сменялись днями с короткими, но обильными дождями. Раньше, в довоенное время, рабочие шахты порой задерживались около установленного репродуктора напротив здания комбината, чтобы услышать по радио сводку погоды на ближайшие дни, и расходились довольные, если прогноз отвечал их чаяниям. Впрочем, и сейчас мужики и бабы стояли, застыв с высоко поднятыми головами у репродуктора на шахтовой площади, да только теперь их волновала не погода, а вести с фронта. А там, как и в природе, не было ни стабильности, ни однообразия, и вслед за горькими вестями о поражениях и отступлении наших войск нет-нет да раздавались на всю шахтовую

39

округу, сея радость и надежды, слова о наших первых и ещё редких победах, но потом всё возвращалось на круги своя. Казалось, побили фашиста под Москвой, отогнали от столицы, а он подсобрал силёнок и продолжает удерживать смертельной хваткой блокадный Ленинград. А то навалился на Кавказ и свои главные войска двинул на Волгу. Именно там, под Сталинградом, и назревала в ту пору будущая великая битва. Слушал народ московские сводки и сокрушался. Мужики поминали врага самыми крепкими словами, а бабы украдкой плакали. Впрочем, украдкой теперь не получалось: то в одной комнатке барака рёв стоит – знать, похоронку получили с фронта, то всю смену какая-то прачка роняет слёзы в бачки с бельём: оплакивает своего мужа или сына. Видит всё это Алёна Ивановна, крепится, утешает как может более молодых работниц, а себе держит на уме: «Нет, жив Никита! Придёт пора, и отзовётся коротеньким письмецом». И отозвался. Уже по зиме Кузьма Иванович Сидоров снова принёс в прачечную солдатский треугольник и незаметно передал его Алёне Ивановне. Не стала она читать его на людях, дабы не расстраивать солдаток, ещё не пришедших в себя от горя. Ведь тут недавно вся шахта чуть не остановилась из-за этих похоро-

* Продолжение. Начало читайте в журнале «Огни Кузбасса», № 4, 5 за 2008 г.; № 4–6 за 2011 г.; № 3–5 за 2014 г.; № 3 за 2018 г.

нок: встал участок погрузки, не принимает уголь из шахты. Сам директор разбирался с причинами остановки. Как потом разнеслось по шахте: поднялся он на эстакаду, транспортная лента загружена углём, а по обе стороны её сидят породовыборщицы и рёвом режут. Страшные, как черти: слёзы размыли угольную пыль, а утереться не могут – руки грязные, да и горе душит женщин. Кинулся он к ним: «Бабоньки, родимые, что с вами?!» А они ещё пуще. «Товарищи женщины, шахта встанет, план добычи сорвём!..» А одна из них, что покрепче, так и сказала начальнику: «Это не шахта стоит, товарищ директор, а наша душа остановилась! Разве вы не знаете, сколько похоронок вчера пришло на шахту? Пусть бабы выплачутся...»

Может быть, эти горькие слёзы женщин и их самоотверженный труд помогли выстоять шахте в такой трагический момент, и как вызов самой судьбе в конце сорок второго прозвучал рапорт коллектива «Пионерки» – годовой план добычи угля перевыполнен в три раза!

Только дома развернула письмецо сыновнее Алёна Ивановна и вместе с внуком прочитала. Оно оказалось больше, чем те два, что раньше пришли. А писал Никита, что после боёв за Смоленск и Москву теперь он держит оборону со своим полком под Сталинградом. Про ранение – ни слова, зато, как бы ненароком, упомянул, что получил медаль «За отвагу». И поняла Алёна Ивановна, что хорошо воюет её сын, а Егор даже подпрыгнул на лавке от радости. Хотела она это письмо, подобно первым двум кинуть в печку, как и наказывал Никита, да в последний момент остановилась перед огнём, жалко стало уничтожать эту памятную весточку о сыне. Там-то он всего две-три строчки написал, а тут целое письмо. Свернула она его аккуратно да спрятала на божничке, а потом ещё долго молилась перед иконой и клала поклоны. Егор, не знавший ни одной молитвы, сконфуженно смотрел на молящуюся бабу.

– Вот, теперь всё ладно будет, я так думаю... А ты, лодырь, так и не выучил ни одной молитвы? Э-эх! А ну-ка встань перед иконкой, нагни голову, крестись и приговаривай вполголоса: «Спаси и сохрани, Господи, отца моего, Никиту Гордеевича!..» И кланяйся ниже, ниже, чай, не человеку голову клонишь, а самому Господу Богу!

Обескураженный таким напором бабушки, Егор тем не менее всё сделал, что от него требо-

валось, и потом с облегчением упал на лавку у кухонного стола.

– Ну ты, баб, даёшь?! – только и нашёлся что сказать: – Я же комсомолец!

– Перво-наперво ты сын своего отца, а комсомолец уж потом будешь! Не болтай никому, и всё ладно будет... Да в первую очередь Рыжему своему ничего не говори, ни про письмо, ни про молитву.

– Да Юрка – хороший пацан, баб, мой дружок лучший...

– Не знаю, какой уж он тебе дружок, но не глянется он мне, таких у нас в деревне называли хитрожо... в общем, себе на уме, их стороной обходили. Ты ему не всё сказывай, что знаешь да об чём мы дома говорим с тобой...

– Ладно уж... Баб, дай полтинник, мы в воскресенье в клуб пойдём на танцы, с Юркой и Славкой...

– Так, а кто неделю назад с синяком да подбитой губой с танцев пришёл?

– А чё я? Это фээзушники на нас напали... Их целая толпа была, а нас всего трое, и то мы им надавали... Мы потом замирились, правда, баб, больше драться не будем...

– Ну коли так... – она вынесла из горенки старую деревянную шкатулку, отсчитала пятьдесят копеек, задумалась на мгновение и добавила ещё один полтинник. – Ты паренёк работающий, может, лимонаду купишь, наверное, на девчонок уже заглядываешься?

– Не-е, баб, мы только танцуем иногда с ними...

– Ну ладно, держи, внучок, да голову не теряй! Егор взял деньги из рук Алёны Ивановны и бросил взгляд в раскрытую шкатулку:

– Ого! Зажигалка дяди Максима? А он её искал везде?! Ты же сама ему говорила, что не видела её?

– Говорила... потому что так надо...

– Ну а кто меня учил, что врать нехорошо?..

Какое-то время помолчав, женщина через силу произнесла фразу, которая, казалось, повергла Егора в ужас:

– Этот Максим и сжёг наш дом, а зажигалку его мы нашли с Верой на пожарище... Только ты никому не должен об этом говорить, слышишь? Он страшный человек и может пойти на любую гадость...

До воскресенья Егор держал слово, данное бабушке, никому не рассказывал про зажигалку

Максима. Танцы прошли весело: фээзушники, их вчерашние враги, теперь при встрече первыми тянули руки; девчата, с кем танцевали Егор, Славка и Рыжий, приветливо им улыбались, и, не будь сейчас на дворе декабрьского мороза, они, наверное, согласились бы с ними погулять ночью в близлежащей рощице. А тут ещё Рыжий, когда они зашли в клубный буфет, вместо газировки вдруг заказал три кружки пива.

Кандисовна, толстенная буфетчица, искоса глянула на Юрку:

– А не рано пиво пить?

– Мне уже восемнадцать, в шахте работаю, на подземном транспорте, имею право...

– А не обоссышься с трёх кружек-то?

Услышав такую бестактность от взрослой тётки, Рыжий, который в бригаде ростом был выше многих мужиков, огрызнулся:

– А ежели приспичит, то я в кружку надую и тебе принесу!..

– Фулюган! – визгнула от возмущения буфетчица – других слов у неё просто не нашлось.

Не дожидаясь, когда толстуха придёт в себя, Рыжий подхватил кружки и поспешил в угол, где за высоким столиком его поджидали друзья.

– Погоди ещё, паршивец, придёшь ко мне за пивом, я тебе налью!.. – неслось со стороны буфета.

Но Рыжего и его дружков эти крики уже не трогали. Заявив женщине о своём возрасте и о том, что он работает в шахте, под землёй, Рыжов был прав только наполовину. Несколько дней назад ему действительно исполнилось восемнадцать лет, и в отделе кадров шахты уже решался вопрос о переводе его из мехцеха на участок подземного транспорта. Начальник этого участка так и сказал: «Ну, Рыжов, жду тебя после Нового года...» А Новый, сорок третий год уже совсем рядом, меньше месяца осталось...

Славка Смирнов, глотнув пенистого напитка, поморщился и отодвинул кружку:

– Не-а, пацаны, я не хочу... Дед ругаться будет, а то и побить может!..

– Эх ты, дедушкин сынок! – усмехнулся Юрка. – Ну а мы с Егором сами справимся. – Он поделил Славкино пиво так, что большая часть досталась Егору и лишь совсем немного ему самому...

Славка жил недалеко от клуба и потому скоро оставил своих друзей, остальной путь они одолевали вдвоём. Неожиданно захмелевший Егор говорил без умолку, смешно хихикал, а Юр-

ка подсмеивался над ним. Наконец они остановились: теперь Рыжову предстояло идти вправо, а Егору – прямо, вдоль череды барачков.

Юрка щёлкнул портсигаром и предложил закурить. Егор вяло отказывался, но Рыжий был настойчив:

– Ты чё, в натуре, я тебе не самокрутку предлагаю, а настоящую папироску, попробуй только – скорее мужиком станешь! Ты же видел, что все мужики курят, когда из шахты выходят, а некоторые и там курят...

– Видел я, всё видел... – Он глубоко затянулся дымом и закашлялся.

– Ничего, – успокаивал его дружок, – первая – колом, а потом – соколом... Ты, главное, дым не глотай, как пиво, а вдыхай вместе с воздухом, потихоньку...

Второй затяг получился удачнее, и захмелевшие дружки стояли около барачков, наслаждаясь лёгким морозцем и дымом фабричной папироски.

– Значит, говоришь, всё видел? – спросил Юрка, возвращаясь к последней фразе дружка.

– Ага, всё видел... – вынув папироску из рта, Егор смотрел на тлеющий в ночи огонёк. – Ой, нет, ничего я не видел, а слышал...

– Слышал? – удивился Рыжий. – Чё ты слышал и где?

– А вот где-то здесь... Не то в этом бараке, не то в следующем, а может, в том, дальнем... Шёл как-то вечером из булочной, а из открытой форточки блатная песня слышится... Таких песен здесь никто не поёт, голос хриплый, противный, и матерится, гад такой! Ух!

– Ты же давно здесь живёшь, неужто не знаешь его?

– Не знаю... Раньше ходил, но этого блатыря не слышал...

– Ну ладно, найдёшь это окно, тогда и расскажешь, кто такой... Вот щас пойдёшь домой и послушай – вдруг опять будет петь... И это всё?..

– Ладно, послушаю... А ещё я тебе хочу сказать военную тайну, только ты никому, ладно?

– Конечно, мы же дружки с тобой!..

– Ты помнишь, я тебе рассказывал, что мы в Нахаловке дом строили, а потом его кто-то поджёт?..

– Помню, кажись, в прошлом годе... И что?..

– Бабулька сказала, что избу сжёг Максим Шомонин...

– Да он же ваша родня?!

– Да какая родня, женился на бабушкиной сестре, тётке Вере, гонял её, пока не померла...

Мы же за постой ему деньги платили, и он не хотел, чтобы мы уходили, потому избу сжѐг...

– Да ты что?! Побожись!

– Я комсомолец, Юрка! Бабка молиться заставляет, ты туда же... Ну вас!..

– Да ладно, Гоша, успокойся... – Он слегка приобнял друга. – А ты почѐм знаешь, что это он поджѐг? Видел, что ли, или он сам признался тебе?

– Ты чѐ, дурак, что ли? Кто же признаѐтся в таком? Это Катков пьяный, что на лесном складе работает, проговорился бабушке, а тѣтя Вера и бабуля на пожарище нашли зажигалку Максима...

– Вон оно как! И Петухову на него не пожалуешься, они с ним самогонку пьют... Ну и гад этот Максим!.. И что вы с тѣткой Алѐной решили?

– А чѐ решать: его Бог накажет! Так и сказала, а мне велела молчать... Ой, а я тебе рассказывал, вот дурак!.. Юрк, ты только никому, ладно?..

– Ладно, Гошка, мы его с тобой сами как-нибудь накажем...

– Как?

– Придумаем и накажем... Ну ладно, топай домой, а то холодает, да по пути послушай, где тот блатной пел, вспомни то окошко... Ты не слышал разве, что где-то у нас тут беглый арестант прячется, сбежал из лагеря и затихарился... Его милиция искала в посѣлке, в комбинате... Неужто не слышал?

– Не-а, не слышал... Ну я пошѐл, ладно...

– Иди-иди да по пути прислушайся, присмотришь...

Юрка Рыжов сделав пару шагов по направлению к своему домику, остановился, нашѐл взглядом удаляющуюся фигурку товарища и, крадучись, пошѐл за ним. Худой, долговязый, Егор шѐл покачиваясь, а полная луна высвечивала ему путь домой. У среднего барака он остановился, огляделся, прислушался, подошѐл ближе к одному из окон, заглянул в него, после чего неверной походкой отправился дальше. Когда он скрылся за третьим бараком, напротив этого окна остановился и Юрка Рыжий...

Алѐна Ивановна, увидев блаженно улыбающегося внука, только руками развела:

– Ну как же так, Егорка? Тебе же рано этим заниматься! Стыдно!

– Бабуль, больше не буду... Мне пиво не понравилось... Не буду больше...

– Господи Боже мой! Раздевайся да ложись спать, завтра ведь с утра на работу!..

Уже лежа в постели, Егор вдруг приподнял голову и спросил Алѐну Ивановну:

– Баб, а у кого бывают длинные тени?

– Тени? Ты об чѐм это, Егор?

– Ну когда солнце или луна, то на земле тень остаѐтся. У одних она коротенькая, а то и вовсе её нет, а у других длинная...

– Давным-давно, когда я была ещѐ маленькой девчонкой, моя мама сказывала мне, что в той далѐкой стране, где она родилась, старики говорили, что тень – это всё плохое, что есть в человеке. Хороший и добрый человек имеет маленькую тень, а то и вовсе без неё живет, как маленькие дети, например. Чем больше тень – тем злее человек, все его чѐрное нутро в тени копится, через неё этот человек за землю доржится, потому что боится кары Божией...

– Ой, баб, опять ты про Боженьку? Я же комсомолец! Сказки это всё...

– Конечно сказки... Старики баяли, мы верили, а ты вон не веришь... И то ладно...

– Я щас домой шѐл, а потом обернулся и увидел, что за бараком длинная тень на снегу, хотя там никого не было ещѐ минуту назад.

– Так, может, твой Рыжий и прятался за углом-от?

22

– Не, баб, я видел, что он домой пошѐл совсем в другую сторону, а больше кругом никого не было, и вдруг – эта тень... длин-н--а-а-ая! – Он сладко зевнул и откинулся на подушку. – А в том окошке опять какой-то мужик с хриплым голосом пел такую плакучую песню...

– О, господи, и ты об том же?! Сегодня бабы весь день языками мололи, что какой-то варнак у нас в посѣлке объявился и милиция будто его искала, да не нашла... Ты давай, Егорушка, потемну-то не шастай, особенно около барачков переселенцев, а то, не дай бог, встренется тебе этакий бандюк с длинной тенью!..

– Ладно, баб, не буду... Хм, а у меня коротенькая тень?.. – Глаза его были уже закрыты, а на лице застыла блаженная улыбка.

– Коротенькая, коротенькая, ты молодой ещѐ, спи давай... – Она поправила на внуке одеяло, потушила свет в горнице и, повернув лампочку в патроне, вышла на кухню.

Через несколько дней рано утром, когда Алѐна Ивановна и Егор шли на работу, у одного из барачков они увидели машину с кузовом, крытым брезентом. На крыльце барака и по разным углам его стояли милиционеры в длинных тѐм-

но-синих шинелях, чёрных шапках со звёздочками на лбу. Едва Кузнецовы миновали машину, как милиционеры вывели на крыльцо под руки высокого крепкого мужика с непокрытой головой. Он упирался, не желая идти, а в одном из окон виднелся силуэт плачущей женщины.

– Эх, прощай свобода! – кричал хриплым голосом мужчина, и Егор сразу узнал в нём того певца блатных песен. – Прощай, сестрёнка! Спасибо за приют! Прощай навсегда!..

Алёна Ивановна, ухватив внука за рукав, поспешила увести его подальше от барака. Зато у жителей шахтёрского посёлка ближайшие несколько дней только и разговоров было, что о поимке беглого арестанта.

***

Похоже, Рыжов всерьёз взялся за воспитание Егора. Теперь их рабочий день начинался с выкуренной папироски, и вечером при расставании они также курили. Мало-помалу Егор втянулся в это дело, и теперь у него самого в кармане всегда была початая пачка самых модных папирос «Беломорканал». Все увещевания Алёны Ивановны не помогали, и она отступилась, решив про себя: «Хоть не пьёт, и то ладно...»

Егор знал, что Рыжий давно дружил с Полиной, работницей из ламповой. Смешливая, с круглым приятным лицом и крепко сбитой фигурой, она выглядела чуть старше своих лет, легко отзывалась на шутки шахтёров, когда те спускались в шахту или поднимались на-гора и сдавали ей свои лампы и самоспасатели. Поговаривали, что кое с кем из молодых горняков она крутила скоротечные романы, но Юрку, похоже, это мало волновало: она его устраивала и такая. Иногда он делился с Егором своими впечатлениями от общения с подругой, невольно вгоняя последнего в краску. А то вдруг предложил встретиться Новый год с девками. Как оказалось, его Полина на пару с другой работницей столовой, Валентиной, снимала домик на краю посёлка. Там-то и решено было устроить праздник.

– Ёлочка – за нами, – довольно потирая руки, Рыжий вводил в курс дела Егора и Славку. – Я уже присмотрел, где её можно срубить, небольшая, но аккуратненькая. В общем, пацаны, водочка за нами, а закуску на себя девки берут...

– О-о, – испуганно произнёс Славка, – да меня дед за водку убьёт!

– Ох и бздун ты, Славян! Ты деду ничего не говори, водку можешь не пить – нам с Гошей больше достанется, а до утра любой запах выветрится, так что не бойсь...

– Ого, это что, с ночёвкой, что ли, гулять будем? – круглое лицо Славки выражало полное недоумение.

– А кто Новый год встречает в обед? Ты дурак, что ли? – казалось, ещё минута, и Юрка станет всерьёз трепать своего дружка, но вмешался Егор.

– Ладно, парни, время есть – порешаем, а если Славку дед не пустит, мы и без него обойдёмся. Так? Нет?

– Точняк, обойдёмся! – решительно заявил Рыжий. – А ты всё же пока думай и деньги ищи...

Славка был явно озадачен последними словами друзей.

– Ну а мы-то где будем деньги брать на водку? – спросил друга Егор, когда Славка ушёл. – Бабка не даст столько...

– А ты сам возьми из аванца... Нам же перед праздником аванец дадут... Скажешь потом, что бухгалтерия ошиблась...

– Не-ет, Юрк, я бабку не могу обманывать, она мне заместо матери...

– Эх ты, едрёна ворона! Ладно, у меня запасной вариант есть... Только надо бы зажигалку у бабки выкрасть и прийти с ней к Максиму – пусть выкупает за сто рублей... нет, за пятьсот... Нам хватит!

– А если она не даст?

– А ты сам не сможешь, что ли, взять? Сам же говорил, что лежит в шкатулке... Она ведь не каждый день её смотрит? Возьмёшь, мы его пуганём ею, а потом назад положишь...

– Ну-у... – удручённо нахмурился Егор. Вся эта задумка с Новым годом и выманиванием денег у Максима Шомонина ему сильно не нравилась.

Не заметив решительности у Егора, Рыжий смягчился:

– Щас ещё рано – целая неделя впереди... Числа двадцать пятого нам дадут аванец, после обеда мы заглянем к нему, потолкуем, покажем зажигалку – он забздит и отвалит нам рублей по сто, а может, больше, там видно будет... А ты пока понаблюдай за бабкой, тихонько проверь, на месте ли зажигалка. Или так и будешь до седой бороды бабкиным сыночком? Тебе же уже семнадцать лет! Ты учти, после Нового года я ухожу на другой участок, в шахту, так что встречаться

будем реже, тут тебе Славка будет дружком. Вот и будете на пару: бабушкин сынок и дедушкин сынок, ха-ха!..

– Да ладно, посмотрю...

Егору удалось незаметно забрать из шкатулки зажигалку Максима, после чего, получив аванс и дождавшись конца смены, Юрка с Егором, о чём-то перешёптываясь, пошли в сторону запасного ствола, где и работал рукоятчиком клетки Максим Шомонин.

Увязавшегося за ними Славку Смирнова Рыжий резко отшил:

– Не до тебя нонче, иди к своему деду!

Надшахтный металлический копёр резервного вертикального грузового ствола находился поодаль от здания комбината и был закрыт от него корпусами цехов, складскими помещениями, что делало этот участок шахтовой территории малолюдным и спокойным для тех, кто там работал. А работали здесь два машиниста клетки, которых меж собой горняки называли рукоятчиками. В их обязанности входила несложная работа: получив сигнал для подъёма или спуска клетки с грузом или людьми, рукоятчик с помощью подвесной рукоятки запускал двигатель подъёмного механизма, и клеть, в зависимости от того, где она находилась: внизу или наверху, приходила в действие. Далеко не каждый день Максиму Ивановичу приходилось поднимать или спускать в недра шахты груз или ремонтную бригаду, ствол-то был резервный, и потому он считал свою работу привлекательной: ни шуму, ни пыли, ни начальства лишнего, порой полсмены он просто валялся на деревянном диване в крохотной будочке, которую сам и смастерил около страшной ямы. Зарплата, конечно, меньше, чем у проходчика или горнорабочего, но стаж подземный идёт, а главное, камешек сверху никогда не упадёт. В общем, Максим Иванович был доволен своей жизнью, вот и куражил её, дожидаясь пенсионного возраста.

Околоствольный двор представлял собой сравнительно небольшую площадку, в центре которой находилось устье ствола с нависшим над ним копром – железной конструкцией, удерживающей подъёмное устройство. Территория двора, вместо положенных сеток или решёток, была отгорожена от устья ствола наспех сбитыми деревянными верстаками, сама же чернеющая бездна, которая должна была в течение

всего рабочего дня перекрываться лядами или решётками, у Максима Шомонина всегда оставалась открытой и парила, выпуская в атмосферу шахтовое тепло. Инженер шахты по технике безопасности неоднократно писал на имя главного инженера докладные записки о том, что «...машинист клетки резервного грузового ствола Максим Шомонин не выполняет требования техники безопасности и решётку устья ствола в течение рабочего дня постоянно держит в состоянии «открыто», чем создает угрозу для жизни и здоровья как себя самого, так и рабочих шахты». Дважды Шомонина вызывали на заседание профкома, где объявляли выговоры и даже лишали премии, но Максим оставался верен себе: на копре никого из посторонних не бывает, сам же он знает, как себя вести на вверенном ему объекте. Однако начальству он всё же пожаловался на то, что решётка, закрывающая устье ствола, слишком тяжела, чтобы поднимать и опускать её вручную несколько раз в день с помощью допотопной лебёдки. И потому, дабы не утруждать себя лишними усилиями, он поднимал её только утром, при заступлении на смену, и опускал вечером, когда сдавал пост своему сменщику. Но, чтобы не нарываться на гнев инженера по ТБ, он узнал плановый график его обходов объектов шахты, а это один раз в неделю – и специально к его приходу опускал тяжёлую решётку и даже вставлял в петлю засова висячий замок. Сетку-рабицу, предназначенную для ограждения устья ствола, Максим вместе с Катковым утащил к себе домой и отгородил свой огород от ненадёжных соседей.

Миновав все шахтовые постройки на пути к копру, юноши, прячась за угол склада, осмотрели территорию околоствольного двора. Окошко в будке рукоятчика светилось, за ним угадывались контуры двух мужчин; маломощная электрическая лампочка, висящая на столбе около чернеющего на снежном фоне жерла ствола, трепетала на ветру, готовая в любую минуту погаснуть.

– Так, – прошептал Рыжий, – Максюша, как всегда, аванс обмывает со своим дружком Катковым. Если мало покажется – Катков ещё сбегаёт.

– А ты почём знаешь? – удивился Егор.

– Эх ты, едрёна ворона, прежде чем на дело идти, надо всё разведать да разнюхать... О, смотри, Катков идёт...

Действительно, вскоре мимо них неверной походкой прошёл сторож с лесного склада,

а вслед ему из будки неслись наказания Максима: «Да не забудь огурчиков солёных захватить, чё ж нам одним хлебом закусывать?!»

– Во, гады! Война идёт, смена ещё не закончилась, а они пьют!.. – возмутился Егор.

– А кого им бояться? Щас вот что будем делать: Катков будет ходить минут тридцать-сорок, я знаю, где он самогонку берёт... Нам хватит, чтобы переговорить с Максимом, а ещё через три часа сменщик придёт. Ты зажигалку-то взял?

– Взял... – угрюмо отозвался Егор и вынул её из кармана. – Только не забудь, что я её должен бабушке вернуть...

– Ты чё, дурак, что ли? Если он деньги за них даст, как я её у него заберу? Да и зачем она тебе бабке? Она что, курит?

– Да нет... – смущённо проговорил Егор. – А может, не будем просить денег у Максима? Мы же аванец получили?..

– Здравсьте! Свои деньги тратить, когда их можно взять у Максима... Ты лучше молчи, я зайду в будку и буду говорить с ним, а ты присядь под окошком... Базар наш ты не услышишь, но если этот гад начнёт меня бить, ты бегом на помощь и возьми хотя бы эту палку – всё не с голыми руками...

– А чё, он может драться?

– Да кто ж его знает? Вдруг не захочет деньги отдавать, вот тогда и вернёшь своей бабушке зажигалку, если он не отберёт. Я пошёл, а ты смотри к стволу не подходи, тут всего-то метров десять-пятнадцать, да наледь какая! И как этот гад сам не упадёт в эту дырку? Бр-р! – Он со страхом подёрнул плечами и пошёл в будку.

Уже через минуту Егор увидел в затынутом узором оконце два силуэта. Опасливо оглядевшись – не дай бог Катков вернётся до времени – он стал красться к будке и, наконец, присел у окна. Как ни прислушивался, разговора слышно не было: вентиляционные насосы, нагнетающие воздух в шахту, заглушали все звуки. Прошло несколько минут, но ситуация в будке не прояснялась. Заглянул в окно – те же два силуэта, даже не поймёшь, где Юрка, а где Максим. Мороз крепчал. Завязав уши шапки под подбородком, он стал дуть в рукавицы. Многократно штопанные, они плохо грели, но других у него не было. Вдруг из избушки донеслись громкие голоса, точнее, один голос, и это был противный фальцет Максима. Егор давно заметил, когда тот сердился, то его голос становился визгливым, противно-пронзительным, как у базарной бабки.

Сам того не замечая, юноша стал нервно крутить в руках кол, который вручил ему Рыжий. Дверь будки резко открылась, и показался Максим Шомонин. Он был с непокрытой головой, что-то рычал, а правой рукой тащил за шиворот Рыжова.

– Меня напугать хотел, сучонок подзаборный! Да я тебя сейчас навеки успокою!..

Юрка упирался и пытался вырваться из цепких рук мужчины, но это ему не удавалось.

– Дядя Максим, я пошутил! Дядя Максим, я больше не буду!.. – Юрка исходил на крик, но озверевший Шомонин словно не слышал его и упорно тянул к чернеющей яме ствола.

– Щас ты у меня поскользнёшься и улетишь на тот свет, гадёныш!..

Только после этих слов Егор понял, что ждёт его друга. До устья ствола оставалось метров пять, и сейчас Максим уже волоком тащил по снегу и льду визжащего от ужаса паренька.

– Егор! Где ты?! – кричал Рыжий.

Этот истощный крик привёл в чувство Егора. Он бросился вслед за сцепившимися в смертельной хватке людьми и заорал в свою очередь:

– Дядя Максим, отпусти его!

– А-а, и ты, змеёныш, здесь?

Остановившись перед самой ямой, он попытался ухватить за рукав Егора, но тот увернулся и с силой опустил дубинку на голову мужчины. Крякнув от боли, Максим тем не менее не отпустил Рыжего и пытался дотянуться до своего обидчика.

– Я и тебя туда отправлю, паскуда!

Теперь Егор всю колотил мужика по голове, лицу. Отпустив на мгновение обессиленного Рыжова, Максим, закрываясь от ударов скрещенными руками, рванулся к Егору, но его ноги, обутые в кирзовые сапоги, поехали по льду, толстой коркой обступившему дымящемуся земными парами бездну, и... он скользнул вниз. В самый последний момент Егору удалось вырваться из рук Шомони-на. Не случись этого, они сейчас вместе летели бы навстречу смерти. Егор удержался на самом краю пропасти и, стоя на карачках, смотрел в чёрный провал. Он видел, как стремительно падал Максим, слышал душераздирающий крик и глухой звук падения тела. В какое-то мгновение он почувствовал, что тёмная дыра, перед которой он застыл на четвереньках, неумолимо тянет его к себе. Одно мгновение, и он уже был готов сделать безумный бросок в бездну, но почувствовал, что кто-то тащит его за ногу.

– Гоша, осторожно, тихо, не дёргайся, а то сорвёшься! Отползай назад, давай сюда...

Когда оказались в метрах пяти от ямы, парни обессиленно откинулись на снег и несколько минут лежали молча, ещё не веря в своё спасение.

Первым в себя пришёл Юрка Рыжий. Он сидел и трясущимися руками щёлкал зажигалкой. Она искрилась, но огня не было. Наконец, он прикурнул и с досадой кинул её в чернеющую яму.

– Гошка, бежим отсель, быстрее, быстрее! Сейчас Катков вернётся – и тогда нам хана! – Он с трудом выпрямился, помог подняться Егору, и они опрометью бросились прочь от этого страшного места...

***

Новогоднюю пирушку друзьям пришлось отменить. Последние события настолько потрясли Егора, что он напрочь потерял дар речи.

Алёна Ивановна сразу заметила необычное состояние внука. На все её вопросы он никак не реагировал, смотрел в глаза и молчал. Убедившись, что он трезв, женщина решила для себя, что паренёк просто устал, и уложила его спать. Наутро ничего не изменилось, и на все её вопросы Егор только качал головой: да или нет. Всерьёз обеспокоенная его самочувствием, Алёна Ивановна вместе с ним пришла в мехцех и сообщила начальнику, что внук её немного приболел и его надо показать шахтовому фельдшеру. Внимательно посмотрев на стоявшего в сторонке Егора, Тузов только развёл руками: ну надо, так покажите...

– А с виду он такой же, как и вчера был после смены.

– Да он смотрит как-то странно, будто не в себе, и молчит. Второй день голоса его не слышу...

– Ну железки можно крутить без лишних разговоров, – хихикнул начальник, но, обнаружив, что женщина осталась хмурой от его шутки, тут же поправился. – Всё понял, Алёна Ивановна, прямо сейчас и идите на приём. Если даст доктор ему освобождение – пусть лечится, мы как-нибудь справимся и без него...

– А где Юрка Рыжов?

– Да здесь он, на наряде был, а сейчас, наверное, курит с мужиками.

И действительно, Рыжова она нашла в компании мужчин и поманила пальцем. Поёживаясь, он подошёл к Алёне Ивановне, лицо и голос выдавали в нём напряжение.

– Юра, что случилось у вас вчера? Что с Егором?

– Алёна Ивановна, ничего не случилось! Честное слово, вот вам крест! – И он размашисто перекрестился.

– Не балуй! – последовал ответ. – В Бога не веришь, а крестишься! Грех это! Ты лучше скажи, где вы были вечером? Он что-то поздно пришёл и весь какой-то... – Она не смогла найти подходящего слова и замолчала, с ожиданием и надеждой глядя на парня.

– Ну честное слово, Алёна Ивановна, не знаю. Я вчера сразу домой пошёл и Егора не видел...

В голосе его она слышала какие-то фальшивые нотки, не верила ему, но взгляд его широко открытых глаз, казалось, требовал этой веры. Смутившись, она оставила парня в покое, но, уже уходя, попросила:

– Юра, если что-то узнаешь про Егора – скажи мне, очень прошу...

– Конечно, Алёна Ивановна, – пылко отозвался Рыжий, – он же мой друг!

Пожилый фельдшер, выслушав Кузнецову, пригласил в кабинет Егора и долго осматривал его: замерил температуру, слушал дыхание и ритмы сердца, заглянул в рот, стучал резиновым молоточком по рукам и ногам, заглядывал с помощью лупы в зрачки...

– Вы знаете, матушка, – сказал он, когда Егор вышел в коридор, – явных признаков болезни нет. Похоже, он пережил какой-то сильный стресс... Это значит – испуг, какое-то потрясение. Может быть, какую-то вест с фронта получили? У вас кто-то воюет?

– Да, сын мой, Никита, отец его...

– Вестей никаких не получали, ну... похоронку, например?

– Свят-свят! – женщина вся передёрнулась и гневно ответила: – Да разве можно так про живого человека!

– Простите, уважаемая, я никого не хороню, но мне нужно знать, так сказать, все обстоятельства дела... Скорее всего, это сильный испуг... Ну не обязательно, что кто-то умер, хотя сейчас война, наверное, вы знаете, в каком ступоре бывают женщины, когда получают похоронку? – Видя, что лицо женщины остаётся напряжённым и она готова снова взорваться, фельдшер поспешил увести разговор в сторону. – Бывает такое, что собака набросилась, испугала или кто-то плохо пошутил, разыграл...

Может, он головой где-то ударился, хотя голову я смотрел, ни ран, ни ушибов нет... Сделайте ему настой из мяты, пусть спит больше, никакого спиртного... Хотя, знаете ли, иногда это больше помогает, чем всякие таблетки, взрослым помогает... Я дам ему освобождение на три дня, тридцатого подойдёте. Не волнуйтесь, такое со всеми может быть, дня через три-четыре всё пройдёт...

Доложив Тузову о результатах визита к фельдшеру и показав справку о болезни, Алёна Ивановна отправила Егора домой, строго наказав быть дома и отдыхать.

– Если придурочные соседи опять будут водку пить да ругаться – не открывай дверь! Ты – на работе! Я приду как всегда, может, пораньше опустят...

Не получилось пораньше. Если накануне внук пришёл затемно, сегодня настал черёд припоздниться бабушке. В конце рабочего дня в прачечную заглянул участковый Петухов. Вальяжно прогуливаясь меж кипящими котлами и пугая женщин своим немигающим взглядом, наконец остановился перед Алёной Ивановной.

– Кузнецова?

– Да, она самая...

Женщина уже сняла клеёнчатый фартук, вытерла насухо руки и готова была идти домой, поскольку смена заканчивалась, но милиционер пригласил её следовать за собой.

Более часа продолжался её допрос. От участкового она узнала о гибели Максима Шомонина (даже вездесущие бабы в прачечной не знали об этом!), об аресте Каткова. Милиционер внимательно слушал её и что-то записывал: как они жили в доме Шомонина, о смерти сестры Веры, о причинах ухода их с внуком в барак. В конце допроса заставил расписаться и показал личные вещи погибшего – они лежали на углу стола, прикрытые газетой. Первое, что бросилось в глаза Алёне Ивановне – зажигалка. Скрыв от милиционера своё волнение, она поспешила вернуться домой.

Встретив вопросительный взгляд внука, она, не давая себе отчёта, вдруг сказала резко и с некоторым озлоблением в голосе:

– А меня сейчас чуть не арестовали!..

– Как это?! – Егор вскочил с лавки, прижался к ней и разрыдался.

...Потом они долго сидели в тёмной горнице и разговаривали.

Позднее лежали каждый в своей постели, и Алёна Ивановна с мольбой в голосе сказала:

– Егорушка, сынок, сторожись ты этого Рыжова, послушай свою старую бабку! Беду чую около него...

– Ладно, баб... – как-то неуверенно отозвался внук из темноты.

Перед самым Новым годом Рыжов на попутных подводах отправился на базар, который совсем недавно появился между посёлками 2/3 и Черта. Там, в дальнем углу базарной площади, обнесённой высоким деревянным забором, находилась мясная лавка, где работал Кульков Борис Иванович. Ему было за пятьдесят, скуластое морщинистое лицо его сплошь заросло серым волосом – не всякий священник имел такую растительность на лице, но холодные бесцветные глаза заставляли усомниться, что их обладатель хоть какое-то отношение имеет к церкви, а насмешливый голос выдавал в нём человека злого и мстительного. Именно к нему Юрка Рыжов два раза в месяц приезжал и в глухом закутке строения докладывал обо всех событиях, происходящих на шахте «Пионерка». В первый раз он приехал сюда, когда только началась война, а самого базара ещё и в помине не было – лишь несколько длинных столов-прилавков были вкопаны в землю, на которых первые торговцы уже раскладывали свой товар. Только начинала строиться и мясная лавка, где он сейчас встречался с Борисом Ивановичем, да были установлены два столба – будущие ворота базара.

Много чего тут наговорил Юрий Рыжов за два года, в том числе и про Егора: о воришке керосина Диме-на-подхвате, который уже получил шесть лет лагерей, о беглом безымянном арестанте, ещё недавно распевавшем блатные песни в бараке, а сейчас ожидавшем в Мариинской пересыльной тюрьме исполнения решения тройки НКВД. Но последней «приятной» новостью для Бориса Ивановича стала информация о том, как Егор Кузнецов, спасая друга, отправил в шурф Максима Шомонина.

Вслушав доклад Рыжего, Борис Иваныч довольно хмыкнул, затянулся «Беломором»:

– Ну и ладно, Юрка, пришло его время – будем брать твоего дружка!..

– Как брат, Борис Иваныч?.. Вы же... Он же...

– Ага, испугался? Ладно, не бойся, не в тюрьму, а в дело возьмём, хватит его втёмную

использовать. Тебе же помощник нужен будет настоящий. Когда ехал ко мне сюда, видел, сколько всяких мужиков да баб бегают там, около посёлка, площадку изучают, лес, железо и кирпич уже завозят? Скоро шахту новую строить будут, говорят, «Чертинская – 2/3» будет называться, вот где работа для вас с дружкой начнётся! Понаедут много новых людей, наверное, военнопленных пришлют, кого сразу не шлёпнули. С ними тоже надо работать. Ты парень башковитый, всё с лёту схватываешь. Вот на пенсию пойдёшь – тебя приставлю к делу, и будешь так же вот мясом торговать да разговоры вести с людишками разными...

– Это как это, Борис Иванович? Как называется эта работа?

– Как называется, потом узнаешь, а я сейчас вроде как завхоз: хозяйство у меня большое, но никто или почти никто не знает ни про него, ни про меня, а я знаю про всех... Ну почти про всех. Вот ты помогаешь мне – тоже голодом не сидишь, свой хлеб зарабатываешь! Что там твоя зарплата слесаря? А-а... А тут тебе и мяско подбрасывают, денежку иногда, а ботинки носишь, где ты такие видел в магазине?

– А откуда они, Борис Иванович?

– Откуда?.. Это солдатские башмаки, им сносу нет! Ну ладно, слушай меня, Юрка, и запоминай. Лишнего не трепи ни-ко-му! Гошку своего оставь в покое на какое-то время. Его бабка сейчас настропала – он тебя сам сторониться будет. Связь прежняя – вторая и четвёртая суббота каждого месяца. Меня будешь искать через Петухова только в крайнем случае: «Дяде хочу передать приятную новость». Всё, я тебя найду сам. Если понадобится срочно, тот же Петухов тебе скажет: «Дядя ждёт тебя тогда-то и там-то». Всё! Петухову ни слова лишнего! А я потолкую с твоим дружкой, посмотрю, каков он...

– А вы его не знали раньше?

– Я бы ещё знакомился с разными сопляками! Папашка его ушёл от меня, вот что жалко!

– Как ушёл? Куда ушёл?

– На фронт сбежал, сволочь!

– А-а... – Юрка так и застыл с раскрытым ртом: не дезертир Никита Кузнецов, не бандит – фрицев бьёт, а для Бориса Ивановича он всё равно сволочь?! Как же так?

Рыжов со страхом смотрел на старшего товарища, а по спине бегали мурашки. Впервые тот говорил с ним так открыто и зло.

– Что молчишь? Обделался поди? Ты думаешь, мы в бирюльки играем? Один дурачок тут стал хвалиться, что он на НКВД работает...

– Ну?.. – Юрка так и стоял с раскрытым ртом.

– ... загнул!.. Расстреляли его по приговору тройки! Будешь болтать лишнего – и тебя расстреляют, а то просто в шурф столкнут!

– Ой, Борис Иванович, я пойду, пожалуй, а то меня мамка потеряет...

– Ну-ну, иди да помни!

– Ага, я пошёл, Борис Иванович, до свидания...

– Давай вали, Юрка Рыжий, да мясо-то забери, как-никак, а твой хлеб насущный, твоя зарплата...

Килограммовый кусок свинины лежал на столе, завернутый в серую бумагу. Схватив его, Юрка тут же выпустил: пальцы его были в крови, на столе, под свёртком, остались кровавые потёки.

– Ох ты!..

– Ну что делать, видать, без крови и здесь не обойдёшься. Поросёнка сегодня утром кололи, кровь, похоже, не спустили... Ладно, сейчас ещё бумаги принесу.

Через минуту он вернулся, неся в руках большой кусок серой обёрточной бумаги.

– Ну-ка иди сюда, – приговаривая, Борис Иванович взял мясо, с силой сжал его над тазиком под рукойником. Отжав таким образом лишнюю кровь, он завернул кусок в новую бумагу и передал Рыжову. – На, авось не размокнет до дому... – Он глянул на свои окровавленные руки и недовольно хмыкнул. – Ну вот, через тебя и я весь в крови... Ладно, ступай да не трепи языком!

Борис Иванович подошёл к рукойнику и долго мыл руки, но, как ни старался, дочиста отмыть их не смог. В полуоткрытую дверь лавки он видел долговязую фигуру Рыжова: тот шёл в сторону грунтовой дороги, ведущей на шахту «Пионерка», а свёрток с мясом держал на отлёте – боялся испачкаться кровью.

– М-да, то ли я из-за тебя в крови измазался, то ли ты из-за меня – кто тут разберёт... Видно, жизнь наша такая...

Проходивший мимо мясник спросил:

– Что вы сказали, Борис Иванович, не понял?

– Иди-иди, не понял он. Тебе и не положено понимать!..

– А, ну да... Вы ещё долго здесь будете или можно закрывать лавку? Будут ещё покупатели, как вы думаете?

– Моих покупателей сегодня точно не будет, а своих ты сам карауль!..

Сняв с себя чёрный кожаный фартук, белый, запачканный кровью колпак, он надел военного образца полушубок, закрыл на ключ свою каморку и пошёл по направлению к воротам, где можно было взять попутную подводку.

Для всех местных этот человек был торговцем мяса, Кульковым Борисом Ивановичем. Мало кто знал в Белово, что это бывший работник НКВД, младший лейтенант Кутько Богдан Иванович. Новое имя и новая личина позволяли ему жить спокойно, безбедно, без всякого опасения за свои прежние ошибки и преступления...

ГЛАВА 2

Как ни странно, но гибель Максима Шомонина на шахте прошла почти незаметно. Видимо, потому, что вскрытие показало: пьян был рукоятчик в рабочее время, мог сам поскользнуться и упасть в ствол шахты, который в нарушение всех требований у него всегда оставался открытым. Тут-то и пригодились инженеру по технике безопасности все его предписания, чтобы не сесть в тюрьму: я предупреждал, сигнализировал, ему выговор объявляли... Как бы то ни было, а Катков был арестован: его видели в то самое время у копра, и уже на первом допросе он сам сознался, что в тот день они гулеванили с Шомониным. Больше Каткова на шахте никто не видел. Горняки не без злорадства шутили: «Для такого, как Катков, всегда найдётся готовая статья и место на нарах».

Также на допросе Катков сознался и в том, что Шомонин устроил поджог строящегося дома Кузнецовых. Следователь об этом факте сообщил в шахтовый профсоюз, и в конце января сорок третьего председатель профкома пригласил Алёну Ивановну на беседу и сообщил, что после смерти Шомонина дом, оформленный на него, практически остался бесхозным, поскольку дочь Веры Шомониной, проживавшая ранее в Бачатах, сразу после смерти матери вместе с мужем и детьми выехала в неизвестном направлении. Следствие установило, что Шомонин сжёг почти готовый дом Кузнецовых, и теперь погорельцы имеют полное право занять дом поджигателя.

— Решение своё шахтный комитет уже принял, Алёна Ивановна, домовая книга переписана на вас с внуком, живите на здоровье!

Ошарашенная услышанным, Алёна Ивановна едва дошла до барака и сбивчиво, словно не веря своим словам, обо всём рассказала Егору,

а потом встала на колени перед иконой в горнице и долго молилась. До ушей Егора долетели только несколько фраз, одна из которых звучала так: «Спасибо, Господи, что не оставил нас в трудный час!».

В жизни Егора тоже произошли события, резко изменившие её. Сразу после Нового года Юрку Рыжова перевели в шахту на подземный транспорт, и потому теперь они с ним виделись урывками, отчего их проверенная временем дружба, казалось, прервалась. В какой-то мере здесь сказались и предупреждения бабушки. Оставался Славка Смирнов, но он был малоинтересен Егору, и вся их дружба ограничивалась общением на работе.

В первых числах марта в цехе неожиданно появился участковый Петухов. Поговорив с начальником цеха, он прошёлся с ним по территории, заглядывая в самые укромные места, словно выискивая жуликов или похищенные вещи, затем направился на выход, но задержался на секунду около Егора, промывавшего в керосине зубчатые шестерёнки комбайна, и сказал негромко, но строго:

— Сегодня после работы зайдёшь ко мне...

В комнате, которую занимал участковый Петухов в здании шахтового комбината, хозяина не было. Вместо него за столом сидел сухопарый человек, лет пятидесяти, неопрятно обросший серым грязным волосом — борода, усы и давно не чёсанная грива на голове. С виду — старикашка, но колючие серые глаза смотрели на собеседника совсем по-молодому, с вызовом и плохо скрытой угрозой.

— Ну-с, молодой человек, меня зовут Борис Иванович, а вас, как я понимаю, Кузнецов Егор Никитович, так?

— Правда ваша, Борис Иванович... — ответил Егор.

— Вот тут ты прав, Егор, за мной всегда правда, а ты должен слушать меня и выполнять то, что я тебе скажу.

— Это почему так? — в голосе парня слышались недоумение и протест.

— Но-но, пацан, ты мне тут норов кузнецовский не показывай, я ведь нянчиться с тобой не буду. Слышал от бабки, как твой дед помер? Его раскулачивать шли, а он помер! Но и это вас не спасло — в Нарым отдыхать поехали! Сколько вас там полегло? А где твой отец сейчас?

— На фронте воюет...

От волнения челюсти Егора словно судорогой свело, но всё же он заставил себя преодолеть немоту.

– Может, воюет, а может, уже к фашистам попался. Его брать хотели, а он на фронт сбежал – хитёр, бродяга!..

– Вы что такое говорите, Борис Иванович?! Ему же медаль «За отвагу» дали под Москвой!..

– Так?! Откуда тебе это известно? Вы что, письма получаете от него? Ну говори, щенок!

Поняв, что проговорился, Егор онемел от страха, а мужчина продолжал наседать:

– Вы что думаете, что он в окопах там спрячется от НКВД? Найдём, вытащим и спрячем надолго, если не навсегда!..

– Борис Иванович, за что?

Никто никогда не разговаривал с ним так, и оттого Егор, подавленный грубостью и напором незнакомого мужчины, находился в прострации. Борис Иваныч, понимая его состояние, продолжал беседу в том же ключе.

– А за что ты Шомонина в шахту сбросил, а?! Одиноким скромным мужчиной, а ты его – в шурф! Ты знаешь, где место таким, как ты?

Бледный, едва переводя дыхание, Егор с ужасом смотрел на этого волосатого человека с серыми оловянными глазами, и ни одно слово не могло сорваться с его языка.

– Страшно? Понимаю, я готов помочь тебе, если ты сам этого захочешь. Ну, хочешь помочь себе?

Кульков встал из-за стола и коршуном завис над парнем.

– Х-хочу, но как?

– Уже лучше!.. Ну, а теперь вспоминай по порядку!.. Дмитрий Скулов, или Дима-на-подхвате, – твоя работа?

– Какая работа? – не понял Егор.

– Ты мне дурочку не валяй! Он керосин у вас в цехе воровал, ты о нём доложил?

– Никому я не докладывал, Борис Иваныч, я только Юрке Рыжему сказал!..

– А нам этого хватило! А беглый арестант в бараке?

– Что арестант?

– Ты мне не штокай, Кузнецов! Ты доложил о нём?

– Я только Юрке!.. – Его вдруг только сейчас осенило: Юрка, его дружок, обо всём докладывал в милицию!.. – А что, Юрка?..

– Да, наконец понял: ты говорил Юрке, он говорил нам!.. А дом в Урском зачем спалил?

– Я?! – Егор даже на ноги вскочил от неожиданности.

– А то кто? Дом у вас отняли, вот и решил его сжечь, чтобы никому не достался, так?

– Нет, Борис Иванович, я не жёг его!

– Ладно, разберёмся!.. Его, похоже, какой-то местный пьяница сжёг, Кочергин, помнишь такого?

– Немного помню, без руки он, а больше ничего о нём не знаю!..

– Ладно, не причитай, разберёмся! И накопец, Шомонин! Тут уж не отвертишься – сгубил мужика почём зря, а?! Ну-у?!.. – Кульков грохнул кулаком по столу, отчего Егор соскользнул с лавки на пол и беспомощно закрылся руками, а по лицу ручьём бежали слёзы.

– Я не хотел, дяденька, я б-больше не б-буду!..

Мужчина был явно доволен своей работой и потому заговорил по-другому:

– Ладно, ты уже давно нам помогаешь, сам того не зная. А теперь будешь получать задания и отчитываться за них лично мне, понял?

– Понял!..

– А что сразу не поймёшь – у Рыжего спросишь. Ты грамотный? Ну тогда вот тут распишись в бумаге и запомни, что ты никому не должен говорить о том, что ты секретный сотрудник НКВД, сексот значит, слышал? Твоя кличка будет Племянник, понял? А я для тебя буду вроде как дядя. Скажет тебе кто-то, даже незнакомый: «Племянник, тебя дядя ждёт!.. там-то и тогда-то» – бегом туда, понял?

– П-понял!..

Голос Егора еле звучал от страха и тех чувств, что он успел пережить за время беседы с этим страшным человеком. Он многого не понимал из того, что сейчас услышал, но боялся рассердить Бориса Иваныча и потому со всем соглашался.

– Не вздумай своей бабке рассказать про наш разговор и про эту бумагу! Сразу попадёшь в тюрьму. Ты сейчас уже не пацан, а тайный боец за советскую власть. Где услышишь что-то против советской власти, против товарища Сталина или других вождей – сразу докладывай мне. Ну что застыл? Вот ручка, вот бумага, подпиши внизу!.. Так! Теперь запомни, что ты дал подписку о сотрудничестве с органами НКВД, и если не будешь выполнять наши задания или где-то проболтаешься – мигом полетишь в лагерь, а когда тебе исполнится восемнадцать лет, то и к стенке тебя можем поставить, понял?

Егор сидел онемевший, бледный, с широко раскрытыми глазами. Поняв состояние паренька, Кульков-Кутько чуть смягчил тон:

– Ладно, не умирай раньше времени. Ты уже нам помогал, и ничего не случилось, а теперь за хорошую работу будешь получать небольшие награды... Первое время держись за Юрку Рыжего, вместе с ним будешь приезжать ко мне на базар... Подкормить вас с бабкой надо да валенки тебе пора снимать, на улице весна уже. Сапоги-то есть?

– Не-а, старые малы, а новые...

– Вот придёшь с Рыжим, я тебе ботинки выдам, но помни – не болтай никому! Ты видел плакат, где женщина говорит: «Не болтай!»?

– Видел...

– Так это она тебе говорит! И с Юркой сильно-то не откровенничай, а то он и тебя сдаст за милую душу, тот ещё чертёнок! Но работать пока будете вместе. Ступай и молчи!

Долго добирался до дома Егор Кузнецов. Раз за разом прокручивая в голове весь разговор, он пытался себя убедить, что это был лишь розыгрыш со стороны этого волосатого мужика, но потом вспоминал все слова Бориса Иваныча, его тон, свою подпись на какой-то бумаге и всё больше убеждался, что это совсем не шутка, что это серьёзно и страшно, и теперь с этим придётся жить...

Одного взгляда хватило Алёне Ивановне, чтобы догадаться: с Егором опять творится что-то неладное, но на все её вопросы он или молчал, или отвечал уклончиво. И старая женщина поняла: внук продолжает отдаляться от неё всё больше и больше, взростает и становится чужим, и опять заныло в тревоге её сердце...

***

Худые предчувствия недолго держали в плену Алёну Ивановну. Недели не прошло с той поры, а по всем углам шахтёрского посёлка и на самой шахте только и разговоров, что об образовании Кемеровской области. Митинг даже прошёл по такому случаю, но Алёна Ивановна не пошла на него: из духоты и пара да на мороз?! Заведующая прачечной уважила её возраст и тяжесть молодой беременной: оставила их в тёплом помещении, а когда остальные прачки вернулись с митинга к своим бачкам, только и разговору у них было, что живут они уже не в Новосибирской области, а в Кемеровской! «Чудачки, – решила Алёна Ивановна, – где жили – там и жи-

вём; где работали – там и работаем, что изменилось-то, чему радоваться?» Как бы то ни было, но спорить не стала, а решила для себя: поживём – увидим, хорошо жить в Кемеровской области или лучше в Новосибирской? А тревога за Егора продолжала беспокоить её.

Вечером третьего февраля после работы к Кузнецовым нагрянули все Никитины бригадники во главе с Кузьмой Иванычем. С порога он крикнул хозяйке:

– Алёна Ивановна, с радостной вестью к тебе, встречай гостей!

Встрепенулась хозяйка, кинулась было к своим припасам, чтобы на стол выставить, а сама глазами съедает улыбающегося мужчину.

– Ой не томи, Кузьма Иваныч, сказывай, а то я занедужила и третий день из дому не выхожу...

– А ну-ка покажи, хозяйюшка, последнее письмо от Никиты, что я тебе приносил перед Новым годом, только не говори, что ты его сожгла! Ну?!

Алёна Ивановна бросилась к божнице, а молодые помощники Сидорова спешно доставали из сумки хлеб, колбасу, варёную картошку в мундирах. Вернувшись к столу, женщина руками всплеснула от удивления, а Кузьма Иванович подхватил из её рук письмо и быстро пробежал его глазами.

– Что тебе, Алёна Ивановна, Никита писал? Держим оборону под Сталинградом, так?

– Ой, так и писал...

– Так вот, дорогая мама Никиты, вчера наша Красная армия разбила фашистов под Сталинградом и добивает! И твой сын, дорогая Алёна Ивановна, там, он их добивает!

Не переставая радостно смеяться, Кузьма Иваныч легко подхватил женщину на руки, закрутил вокруг себя, а потом, не удержавшись, крепко поцеловал в губы.

– Ну-ка, – вмиг охладила его пыл хозяйка, – не балуй, а то я тебя, как того фашиста под Сталинградом, побую!

От неожиданности повисла минутная пауза, потом все дружно рассмеялись, и неловкость исчезла. Пока хозяйка, Егор с Фаей и остальные парни накрывали стол, Сидоров вынул из-за пазухи газету «Кузбасс» и присел за стол.

– Эх, запоздала газетка, она за двадцать седьмое января, но всё равно правду говорит! – И он стал читать: – В последний час... наши войска в основном закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окружив в районе Сталингра-

да... А вот ещё приказ товарища Сталина, где он объявляет благодарность командирам и блестящим воинам Юго-Западного, Южного, Донского... на подступах Сталинграда. На каком фронте воюет Никита?

– Не знаю, – растерянно пожала плечами Алёна Ивановна, – не писал Никитка, видно, тайна это!

– Ай, неважно, на каком, главное – он бил там фашистов и сейчас бьёт, и за это ему благодарность от самого товарища Сталина! Сашка, что рот раззявил – наливай! За нашу победу! – И он протянул хозяйке газету.

– Пусть она у тебя останется, Алёна Ивановна! Как будешь думать о сыне – достань её и читай, медленно читай, внимательно, чтобы потом у тебя не оставалось никакого сомнения, что с Никитой что-то случилось! Он – победитель, а победители всегда должны возвращаться домой живыми и... по возможности здоровыми!

– Ой, спасибо, Кузьма Иванович! Ох, молодец, так успокоил, что теперь до самого конца войны буду верить, что Никитка живой!

– Вот-вот! – согласно кивал головой бригадир. – Сашка, почему не наливаешь?! Тут ещё написано про то, что теперь мы живём в Кемеровской области, а не в Новосибирской! Теперь мы сами с усами и нам сам чёрт не страшен! За нас! За Кузбасс!!!

* * *

Хоть и показалось Алёне Ивановне последнее письмо Никиты, полученное в январе сорок третьего, интересным, но главного он матери всё же не написал. Не сообщил, что был ранен и две недели отлёживался в госпитале (зачем мать расстраивать?), а потом, когда раненая рука смогла нормально держать оружие, он бросился догонять свою часть, которая после разгрома фашистов под Сталинградом вскоре оказалась на Украине, где сходу вступила в схватку с врагом. Многомесячные кровопролитные бои на Волге и стремительное преследование отступавшего врага не могли не сказаться на боеспособности русских войск. Людские потери, отставание подразделений хозяйственного обеспечения, тяжёлой артиллерии и боеприпасов сделали их часть уязвимой в боях с превосходящим противником.

В конце февраля сорок третьего года рота, где служил сержант Кузнецов, попала в окружение под Павлоградом. Сначала по ним прямой наводкой била немецкая артиллерия, а потом

в атаку пошли танки. Потеряв в бою командира и истратив почти весь боекомплект, бойцы в панике отступили в лес. Ночь спасла их от полного разгрома, но усилившийся к ночи мороз и глубокий снег заставили бойцов искать дорогу к людскому жилью. Тринадцать человек осталось от их роты, а старшим по званию был он, сержант Кузнецов Никита Гордеевич. Из его отделения уцелел только Сенька Лукин, второй номер его оружейного расчёта, низкорослый и добродушный мужичок с Алтая. А деревней-спасительницей на пути промёрзших до костей бойцов оказалась Морянка, больше похожая на хутор о двадцати хатах, укrywшихся от большого мира среди небогатых лесов Украины. Местные жители с сочувствием поглядывали на измотанных солдат, накормили, согрели горилкой, после чего бойцы, не желая стеснять крестьян, расположились на ночь в бывшем колхозном зернохранилище: тепло,пряно пахнет зерном... Все были настолько измучены непрерывными боями и несколькими бессонными ночами, что замертво упали на остатки душистого зерна и принесенную солому, даже забыв выставить боевое охранение. Утром их разбудил треск немецких мотоциклов и рёв машины с крытым брезентом кузовом...

52
Пожилый капитан, с одутловатым лицом и большим животом, затянутым в полевую форму и перепоясанным широким офицерским ремнём, выстроил своих солдат на тяжёлых мотоциклах с пулемётами напротив широко распахнутых дверей зернохранилища и приказал русским выходить с поднятыми руками, бросая оружие на землю. С нескрываемым интересом вглядывался он в лица русских солдат, которые выходили с поднятыми руками и становились в неровную шеренгу напротив ухоженных и упитанных гитлеровцев. Для них это была первая встреча со страшным и загадочным врагом.

«Неужели вот эти измождённые, небритые, грязные мужички разбили нас под Москвой и Сталинградом? – думалось капитану. – Майн готт, с кем приходится воевать!» Его часть всего несколько дней назад была переброшена с Западного фронта на Восточный, на Украину, и только сегодня ему представилась возможность увидеть своего врага. Оглянувшись на своих солдат, а также на кучку местных жителей, которых выгнали из домов на улицу, он сказал сначала на немецком, а затем на плохом русском языке:

– Это не есть зольдатен, ду бис руссиш швайн! Хрю-хрю!..

«Хрю-хрю» как нельзя больше подходило к нему самому, к его оплывшему лицу и толстой фигуре, и солдаты невольно рассмеялись: настолько их командир был убедителен в роли поросёнка. Хихикнули молодые девки, закрывая лица концами платков, а стоявший неподдалёку мужичок со сморщенным в подобострастной улыбке лицом, ещё вчера обильно угощавший горилкой забредших в их село русских солдат, теперь услужливо поддакнул немецкому офицеру:

– Ваше благородь, а мой-то поросёнок не признаёт в них свою родню... Уж больно страшны эти москали!

Окинув взглядом всех пленных, гауптман невольно задержался на Никите. Он был выше других солдат, на петлицах у него алели сержантские треугольники, а из-под распахнутой шинели опасно выглядывали медали.

– Коммунистен, юден, офицер – марш!

– Слыхали, охломоны? – закричал вслед фашисту мужичок. – Коммунисты, евреи и офицеры – шаг вперёд!

– О, зер гут! Откуда наш язык знают? – обернулся гауптман к мужичку.

– А я, вашбродь, в германскую войну у вас в плену полгода был, хоть ума набрался да чуток уразумел вашу мову... Зер гут дойчланд!..

– Холуй! Сволочь! – выкрикнул пожилой ефрейтор в адрес добровольного переводчика.

Немецкий солдат, стоявший напротив него, дёрнул пальцем курок, и ефрейтор рухнул на снег, сражённый короткой очередью. Многие пленники уже опустили руки, но после такой быстрой расправы их руки снова взмыли вверх.

– Не болтать, не делать глупостей! – это Никита скомандовал, почти не раскрывая рта.

– Вас ист дас? – офицер кивнул в сторону Кузнецова и оглянулся на мужичка.

– Это он, вашбродь, велит молчать! Он за старшего у них...

– Офицер?

– О, нихт, найн, вашбродь, сержант он, фельдфебель по-вашему, значить... – вдруг он резво подскочил к Кузнецову и сорвал с его груди медали.

Никита дёрнулся было вперёд к этому наглому мужичку, одним махом лишившего его заслуженных наград, но в последний момент сдержал себя и даже закрыл глаза.

– То-то же, вояка! Жмуришься, когда страшно?

– Ты ещё получишь своё, Иуда!..

После этих слов словно судорога прошла по телу Никиты, но этого было достаточно, чтобы мужичок буквально отпрыгнул от него и с подобострастной улыбкой протянул офицеру кузнецовские медали.

– Вас ист дас?

– А это, вашбродь, медали ихние... Одна, значить, «За отвагу», а друга – «За оборону Сталинграда»...

– О-о! – Гауптман взял у крестьянина награды и уже с интересом посмотрел на русского сержанта. – Форверст... в машину... Шнель, шнель! – Потом он ткнул пальцем в сторону мужика и сказал кучке деревенских: – Ду бис ваш старост! Бургомистр!

Так закончилась служба Никиты Кузнецова и его товарищей в рядах Советской армии и начался немецкий плен...

53
Всех военнопленных с севера Донецкой области сгоняли в лагерь под Краматорском. Собственно, лагеря как такового и не было, фашисты, как всегда, проявили удивительную практичность. Обнаружив на окраине города несколько просторных хозяйственных построек, руками самих военнопленных наскоро починили там крышу и окна, обнесли территорию колючей проволокой в несколько рядов да выставили во круг суточные посты. Ветхие и убогие строения стали временным прибежищем для нескольких сотен человек, которые были разбиты на бригады по двадцать-тридцать и каждый день в семь утра под конвоем выводились на работу, а уже в четыре часа пленных возвращали в лагерь. Им полагалось трёхразовое питание, четыреста граммов хлеба и горячая пища в обед.

В первых числах марта зимние холода, казалось, оставили донецкие степи и потому в бараках было сравнительно тепло, а с нар из темноты нет-нет да раздавались бесшабашно-весёлые голоса:

– А что, мужики, так жить можно: кормёжка неслабая, работа нетрудная, а главное, пули не свистят над башкой...

– А ты ещё в полицаи запишись или в надзиратели, глядишь, и паёк прибавят, – резко оборвал весельчака грозный окрик. – Иудин хлеб жрать будешь, тогда, может, выживешь...

– Ага, ты, похоже, бобыль бобылём, тебе и терять нечего, кроме своей паршивой жизни, а

у меня дома две коровы и жена, – не сдавался неизвестный поклонник лагерного режима.

– А ну заткните пасть этой гниде! – из разных концов барака одновременно раздалось несколько сердитых голосов. – Да запомните этого козла, потому как уже завтра он за пайку сдаст любого из нас надзирателю!

Гулом одобрения отозвалась барачная темнота, и голоса любителей немецкого плена смолкли.

Как бывший шахтовый слесарь, Никита попал в бригаду по ремонту автомашин. Дело несложное, другие же бригады расчищали полевой аэродром для немецких бомбардировщиков, но основная масса пленных была задействована на подготовке укрепрайона. Даже по тем скудным сведениям, что доходили в лагерь, было ясно, что Красная армия продолжает наступление на Кавказе. В первых числах мая сорок третьего в лагерь прибыла группа немецких офицеров во главе с армейским полковником. Всех пленных выгнали из бараков и построили на едва просохшей от талых вод площадке. Напротив измождённых и оборванных пленников стояли упитанные, затянутые в шинели и кожаные ремни солдаты, в касках и с автоматами на груди, а чуть в стороне пулемётчик приготовил к стрельбе пулемёт, закреплённый на коляске мотоцикла.

Сказав несколько фраз на немецком, полковник поманил вперёд человека в гражданской одежде:

– Ганс, бите зиа!

Откашлявшись в кулак, оратор развернул несколько листов бумаги и принялся читать на сносном русском языке заранее заготовленный текст. Обрисовав вкратце картину на фронте, он заявил, что германское руководство планирует начать глобальное наступление на всех фронтах, целью которого будет отвоевание советских территорий вплоть до Урала. Силы Третьего рейха неистощимы, но фюрер даёт возможность русским военнопленным в бою доказать верность великой Германии. Все желающие могут записаться в Русскую освободительную армию под командованием русского генерала Андрея Власова. Добровольцам будет предоставлена новая форма, немецкое оружие и продаёк, соответствующий пайку солдат вермахта.

– За кусок хлеба купить хочешь? – раздался дерзкий выкрик из плотно сомкнутых рядов.

Полковник обернулся к группе офицеров и бросил по-немецки:

– Запоминайте крикунов – и к стенке!

Тотчас несколько офицеров подошли вплотную к колонне пленных и стали пристально глядываться в грязные, заросшие щетиной лица бывших советских солдат. А между тем штатский продолжал читать свои записи с трепещущих на весеннем ветру листов бумаги: «Приказом Сталина все пленные становятся врагами своей страны, а все их родственники отправляются в лагеря. По возвращении из плена вы все будете расстреляны как враги народа или отправлены в лагерь».

Закончив читать, мужчина в штатском аккуратно свернул листки и вопросительно взглянул на полковника. Получив едва заметный знак, он скомандовал:

– Кто хочет записаться добровольцем в Русскую освободительную армию – шаг вперёд!

Строй нервно дёрнулся, но ни один человек не сделал и шага вперёд.

Смущённо кашлянув в кулак, упрятанный в кожаную перчатку, мужчина в штатском дал новую команду:

– Кто не хочет служить рейху с оружием в руках, может остаться здесь, в лагере, и своим трудом помогать нашей армии. Если есть такие – три шага вперёд!

Снова встrepенулись ряды военнопленных, недоумённый рокот прошёл по ним, и порядка пятидесяти человек вышли вперёд.

Готов был сделать шаг вперёд и Никита Кузнецов, но почувствовал, как за рукав тронул его второй номер по расчёту, широколицый Семён Лукин:

– Не торопись, командир...

Окинув беглым взглядом вышедших из строя пленных, немец в штатском вопросительно глянул на полковника. Тот качнул головой.

– Кто желает остаться в лагере и не желает вступать в армию Власова – отойти в сторону. – Он что-то добавил по-немецки, и солдаты, подталкивая пленных автоматами, стали теснить их в сторону длинной кирпичной стены.

Оказавшись там, пленные тревожно стали оглядываться, а кто-то даже закричал истерично:

– Вы что, падлы, нас к стенке, что ли?!

В ответ застрекотали автоматы, и вся полусотня, как подрезанные снопы, повалилась у стены сарая. Ряды пленных, и так лишённые стройности, теперь смешались, раздалились гневные крики, кто-то рванул навстречу солдатам, но грозно зарокотал пулемёт с мотоцикла, и, хотя

пули прошли над головой пленных, все они попадали наземь, а тут и остальные автоматчики, завершив расстрел «отказников», вернулись на свои позиции напротив пленных, распластанных на земле.

Немец в штатском резко взмахнул рукой – стрельба прекратилась, и скомандовал:

– Всем встать!

Осторожно, даже с опаской поднимались на ноги испуганные быстрой расправой пленные.

– Равняйся! Смирно! Кто желает вступить в Русскую освободительную армию – шаг вперед!

Неуверенно, медленно, но ряды военнопленных качнулись в движении – на месте не остался ни один!

Строевым шагом, выдавая свою военную выучку, мужчина в штатском подошёл к полковнику и доложил на немецком языке:

– Господин полковник, все военнопленные лагеря номер тридцать семь готовы вступить в ряды Русской освободительной армии! Их список и подписи будут оформлены позднее.

– Да, Курт, очень эффективно вы провели разъяснительную работу с этим сбродом, поздравляю! – полковник ответил ему по-немецки, криво усмехаясь. – И то верно, зачем попусту тратить слова?!

Теперь всех пленных разбили на взводы, роты, а командирами были приставлены бывшие советские командиры, уже переодетые в чёрную форму. Работу их контролировали немецкие военные, которые почему-то пристально приглядывались к некоторым из пленных, в том числе и к Никите. Вскоре он понял, чем был вызван интерес немецких контролёров...

В мае сорок третьего его в числе тридцати человек отобрали в отдельную группу и перевели в соседнюю деревню, где разместили в помещении бывшей школы, а немецкий майор, в армейской форме, на приличном русском языке объявил, что отныне все пленные становятся курсантами разведшколы абвера... Подготовка будет проводиться как немецкими специалистами, так и бывшими офицерами Красной армии. За побег и любое нарушение режима школы – расстрел...

ГЛАВА 3

Ещё задолго до начала Второй мировой войны руководство Третьего рейха самой главной своей задачей считало уничтожение восточного

соседа. Огромный и многонациональный Советский Союз уже самим фактом своего существования, казалось бы, ставил под сомнение амбиции на мировое господство моноэтнической Германии. Именно на Востоке Гитлер видел те земли, присоединение которых позволит Германии увеличить свою мощь и распространить влияние германской политики на Ближний Восток, Среднюю Азию, Китай, Индию. Важная роль в решении этой задачи отводилась представителям национальных меньшинств советской империи. Освобождённые от советского ига, по мнению немецких стратегов, они помогут Германии разрушить ненавистную им структуру СССР, принести его территории, население и остатки экономики в дар своим освободителям. Для реализации этих планов было необходимо выявить все противоречия, неизбежно существовавшие во взаимоотношениях между национальностями и народностями, разжечь их до нужного градуса и использовать всю их разрушительную силу в своих интересах. Основную ставку в претворении этого проекта германское руководство делало на народы Кавказа и Средней Азии, на мощное в прошлом сословие казаков. Именно казачество во время Гражданской войны проявило себя как наиболее организованная и непримиримая сила в борьбе с большевизмом.

Осенью сорок первого года из штаба 18-й армии в Генеральный штаб сухопутных войск вермахта поступило предложение о начале формирования специальных частей из пленных казаков для борьбы с партизанами и обеспечения безопасности тыловых коммуникаций. Весной сорок третьего года в составе вермахта уже действовало около двадцати казачьих полков, насчитывавших в своих рядах более двадцати пяти тысяч человек, а всего же за время войны в немецких частях проходили службу около семидесяти тысяч казаков. В структуре немецких войск все казачьи подразделения были номинально объединены в Казачий Стан, который возглавлял походный атаман Казачьего Стана полковник царской армии Сергей Павлов, а после его гибели в июне сорок четвёртого года на эту должность был избран генерал Тимофей Доманов, в прошлом майор Красной армии.

В конце лета сорок третьего года Фреду Кузнецову пришла повестка, которой он приглашался на беседу в ратушу, кабинет номер двести сорок три.

– Ну вот, Марта, и до нас добрались! – удрученно произнёс Фёдор, комкая в руке повестку.

– Федя, бумагу-то не мни! – остерегла его жена. – Документ же...

– М-да, конечно... – Он расправил повестку, взглянул на время, указанное там. – Завтра, Марта, в десять часов...

В ратуше Фёдор узнал, что уже через три дня он обязан явиться в Мюнхен, в военный комиссариат, с документами и личными вещами для убытия в дальнюю и длительную командировку. Неявка автоматически относилась в стан врагов рейха как его самого, так и членов его семьи. К тому времени в Германии уже давно существовали лагеря для нелояльных существующему режиму. Возвращались оттуда единицы...

...Конечным пунктом для семнадцати русских эмигрантов стал пригород Вены. Собранные со всех уголков Баварии, они мало различались меж собой: та же манера одеваться, говорить, украшая свою речь русским матом, и какая-то невыразимая тоска в глазах. За каждым из них легко угадывалась матушка Россия.

Оказавшись в просторной комнате с единственным столом и несколькими десятками стульев, мужчины настороженно поглядывали друг на друга, не решаясь заговорить.

Тишину нарушил самый пожилой из них, седой, с красивыми густыми усами, лихо закрученными кверху:

– Господа, я вижу на столе пепельницу: похоже, это приглашение для курильщиков... Прошу, господа.

Он достал из бокового кармана трубку, сыпнул в неё из коробочки табаку, прикурил от инкрустированной зажигалки и сладко затянулся. Вслед за ним задымили и остальные.

– Имею честь представиться, полковник Метельский, в прошлом командир 28-го конного Донского полка. – Коротким кивком головы он приветствовал присутствующих. – Мы с вами люди военные и потому должны блюсти требования устава. Есть среди вас офицеры званием старше полковника?

Ответом ему была тишина, и тогда уже увереннее он продолжил:

– Ясно. Нам неизвестна цель пребывания здесь. На правах старшего по званию принимаю на себя руководство группой и прошу соблюдать требования воинского устава и офицерского приличия как в делах, так и в речах. Не угодно ли, господа, представиться для начала?

– Двадцать пять лет назад надо было командовать, господин полковник, – с плохо скрытой издёвкой в голосе ответил пожилой мужчина с отчётным лицом и тяжёлым дыханием, – а сейчас придут наши сегодняшние командиры, и вы будете щёлкать каблуками перед ними.

– Да как вы смеете?! Кто вы есть такой?

– Ротмистр Селин. Я не старше вас ни по званию, ни по возрасту, господин полковник, но ни сил, ни здоровья у меня уже нет, чтобы выслуживаться перед новым начальством... Давайте хоть друг перед другом куражиться не будем, не то время, господа, не то положение...

– Господа, я согласен с ротмистром – не надо куражиться, не надо оскорблять и унижать друг друга на потребу врагу, мы же русские офицеры, чёрт побери! – Фёдор Кузнецов запальчиво вступил в разговор.

– Бывшие офицеры, бывшие, господин Икс, – откликнулся на реплику Фёдора сухопарый мужчина, левая щека которого дёргалась в нервном тике.

– Бывших офицеров не бывает! – продолжал Фёдор. – Я не господин Икс, а есаул Кузнецов. Мы можем только догадываться, зачем мы здесь, возможно, нам будут что-то предлагать, а то и просто будут заставлять что-то делать, непотребное духу и чести офицера, потому, господа, я думаю, надо определиться, что каждый должен отвечать только за себя, ибо от этого зависит жизнь и судьба каждого. Каждый должен решать свою судьбу сам! Согласны, господа?

– Так-то оно так, но если нас пошлют убивать своих, я – против! Это измена, господа! – черноволосый, с восточными чертами лица мужчина начал говорить запальчиво, но его речь бесцеремонно прервал полковник.

– Вы рассуждаете как хорунжий!..

– Я и есть бывший хорунжий Кипиани Давид Зурабович... Нас пошлют убивать земляков, единоверцев, а это есть измена, господа! Уж лучше пулю в лоб!

– Да, похоже, кавказская кровь всё ещё кипит в ваших жилах, а где же мудрость, что приходит с годами? – Ротмистр с сожалением смотрел на разгорячённого горца. – В своё время мы сохранили долг присяге, сохранили верность Государю и Отечеству, а цена тому – двадцать лет скитаний на чужбине. Где наш государь, где Россия? Стоп, сюда, похоже, идут, некогда спорить, господа, но прав есаул Кузнецов: каждый говорит только за себя, ибо за каждым словом сейчас

для нас может скрываться смерть. Прошу взвешивать свои слова и не горячиться. Да-да, хорунжий, это я говорю прежде всего вам...

Дверь комнаты широко распахнулась, впуская трёх офицеров в форме вермахта и мужчину в штатском, в пенсне, с сигарой в руке. Среди офицеров Фёдор узнал своего знакомца из Мюнхена гауптмана Ратке. Он и скомандовал от порога:

– Смирно! Господа офицеры, к нам из Берлина приехал полковник Кнауф, представитель военной разведки. Господин полковник расскажет о цели своего визита, объяснит, почему вы здесь. Прошу вас, господин полковник.

– Здравствуйте, господа! – человек в штатском заговорил на чистом русском языке, чем немало поразил бывших офицеров. – Как у вас, у русских, говорят: в ногах правды нет. Садитесь, господа, стульев всем хватит, и вы тоже. – Он кинул взгляд в сторону своей свиты. – Я же постою и расскажу о причинах нашей встречи. Во-первых, вам надлежит определиться сегодня, сейчас и немедленно: будете вы служить на благо вермахта или нет? Кто не имеет такого желания – прошу выйти из кабинета: там ждут два автоматчика – они доставят вас туда, куда надо. Но вы оттуда уже можете не вернуться! Это не угроза, господа, это реалии...

Во-вторых, если где-то по месту вашей дальнейшей службы в наших войсках услышите приветствие «Зиг хайль!» или «Хайль Гитлер!», вы должны немедленно отозваться. Молчание будет воспринято как нелояльность к тому режиму, который позволял вам все эти годы спокойно и комфортно жить в Германии. Не надо орать и щёлкать каблуками – это удел молодых, глупых, а также тех, кто любой ценой хочет сделать служебную карьеру. Среди вас нет молодых, как, надеюсь, и глупых, карьеру делать вам уже поздно... Поднимите молча правую руку в приветствии или отзовитесь на приветствие негромко, без ребячьего азарта. С вас будет довольно и этого...

В-третьих, вы должны усвоить для себя: идёт война, и вы призваны сюда для службы в интересах вашей новой родины, в интересах рейха. Побег, любое уклонение от исполнения наших приказов для каждого обернётся лагерем или расстрелом. Наши войска покорили всю Европу и половину Советского Союза, где живут миллионы одурманенных советской пропагандой русских людей. Ваша задача: донести слово правды

до своих земляков. Тысячи добровольцев уже работают на нашу армию, но у вас задача более узкая и ответственная. Как вы поняли, здесь присутствуют те, кто по роду своему является казаком, кто служил в казачьих войсках. У нас в плену находятся сотни тысяч бывших солдат Сталина, среди них много казаков, которые наверняка хотят вернуть славу и гордость русского казачества. Вам предстоит выступать перед военнопленными в Польше, Австрии, Германии, Украине... Да-да, агитировать за вступление их в казачью армию генерала Доманова. Она уже формируется за счёт военнопленных, и ваша задача – найти правильные слова для этих добровольцев. С вами всегда будут наши специалисты и солдаты, на растерзание толпы вас никто не отправит, но если у нас появятся подозрения, что вы умышленно работаете плохо, вредите нам – вас ждёт лагерь, а скорее – расстрел прямо перед строем военнопленных. Я понимаю, что у вас небогатый выбор, но, как говорится, на войне как на войне... Имейте в виду, что в этом случае пострадают и ваши семьи – они взяты нами под особый контроль... Это я к тому, чтобы у вас не появилось желания сбежать, исчезнуть, раствориться... Повсюду найдём и покараем!

57

Скорее всего, ряды ваши будут меняться – даже здесь, в тылу, в нашей работе неизбежны потери... Жить вы будете в казарме под надзором наших офицеров, вам будут разрешены увольнения в город, посещение ресторанов и... (он плотоядно усмехнулся) публичных домов. Но всё это не в ущерб службе. Вам будет выплачиваться жалованье, офицерский паёк... Впрочем, обо всём этом вам расскажет гауптман Марк Ратке... Капитан Ратке, если по-вашему... Да, Ратке, – он кинул взгляд в сторону гауптмана, – вы пригласили портного?

– Так точно, господин полковник, он ждёт за дверью...

– Прекрасно! Это я к тому, господа русские офицеры, что вам сошьют военные мундиры согласно вашему бывшему званию: есаул, полковник, сотник... Выступать в лагерях вы будете только в форме царской армии... Ещё ближайшие две-три недели с вами будут работать наши специалисты из управления пропаганды, офицеры абвера и... ваши земляки. Да-да, господа, ваши земляки из казачьего сословия. В разное время они были взяты в плен или сами пришли к нам, а сейчас служат великой Германии. Вам же

придётся запомнить много интересных фактов, чтобы использовать в своих выступлениях перед военнопленными: приказы Сталина «Ни шагу назад», «О предателях», фамилии расстрелянных генералов и маршалов, положение дел на фронтах... Обо всём этом позаботятся наши специалисты. Вопросы есть? Ну в общих чертах задачу я вам поставил. Ратке, продолжайте без меня...

– Господин полковник, – чуть вперёд выдвинулся болезненный ротмистр, – вы русский или немец? Где вы научились так нашему языку?

– Я немец, ротмистр Селин, я сын великой Германии, но я много лет работал в России в тридцатые годы, знал многих ваших командиров, мне приходилось встречаться с маршалом Тухачевским... Ваши вожди не умеют или не хотят беречь свой народ, так хоть вы сами себя здесь сберегите! Да, кстати, господин ротмистр, есть предписание исключить вас из этой группы... по состоянию здоровья. Ну куда вам с вашей астмой и камнями в почках?! Вы пройдёте сейчас со мной...

– Меня расстреляют? – ротмистр остановился как вкопанный и заметно побледнел.

– Ну что вы, Селин, моя великая родина не воюет со стариками и инвалидами... Вас отправят туда, где вы жили, но с одним условием, что вы никому и никогда не расскажете о нашей сегодняшней встрече и разговоре...

– Слово русского офицера, господин полковник! – ещё до конца не веря словам немца, ротмистр принял стойку «смирно» и сделал резкий кивок головой: так офицеры приветствуют друг друга.

...По дороге в канцелярию в глухом переулке Вены полковник приказал шофёру остановить машину, а ротмистру предложил выйти:

– Вы свободны уже сейчас, господин ротмистр, прошу...

Покинув машину, Селин недоумённо стал оглядываться: вечерело, совершенно незнакомый город, в кармане не было ни денег, ни документов (их предусмотрительно забрали у всех военнопленных в канцелярии по делам военнопленных).

– Господин полковник, а куда я?.. – мужчина наклонился к раскрытой двери машины, откуда ему улыбался немец, но два коротких выстрела, сделанные шофёром в спину, в упор, оставили фразу неоконченной.

– Поехали, Ганс, – удовлетворённо улыбаясь, проговорил полковник. – Сегодня мы все свои дела сделали, можно и отдохнуть...

ГЛАВА 4

По лесной дороге, распаханной танковыми гусеницами, в клубах утреннего тумана двигался человек. Шум его шагов скрадывали пожухшая трава да шелест желтеющих крон высоких деревьев. Тем не менее он шёл осторожно, неторопливо, явно не рассчитывая на встречу с кем-либо. Лет сорока, он был высок, чуть сутул, а лицо заросло густой рыжеватой щетиной: ни дать ни взять леший, что обходит свои владения. Грязная гражданская одежда говорила за то, что в ней этот мужчина провёл много дней и одолел не один десяток километров. Потянуло дымком, и дорога зазмеилась среди укреплений воинской части...

Старшина Леонтьев, убедившись, что ротный повар занялся приготовлением завтрака, прилёг на плащ-палатку, брошенную поверх ветоши, рассчитывая ещё полчаса покомарить, но, кинув взгляд на дорогу, заметил в тумане одинокую фигуру.

– Стой, кто идёт?! Руки вверх! – подхватив с земли автомат, он быстрым шагом бросился наперерез путнику.

В тот же день командир роты лейтенант Берендеев отправил донесение командиру батальона следующего содержания: «...сегодня, 20 августа 1943 года, около 6 часов утра, боевым охранением 7-й стрелковой роты был задержан перебежчик со стороны противника, который заявил, что он, бывший сержант Красной армии Кузнецов Никита Гордеевич, бежал из плена, переплыл реку Донец и шёл в расположение наших войск. Оружия при себе не имел, сопротивления не оказал. Просит встречи с офицером военной разведки для передачи важной информации...».

Ближе к обеду того же дня из отдела контрразведки Смерш 33-го стрелкового корпуса прибыл капитан Калинин.

– Ну, Берендеев, показывай своего лазутчика, – весёлым голосом приветствовал командира роты капитан.

– Да вот он, товарищ капитан, в землянке, под охраной, как и положено...

Офицеры вошли в тесную и мрачную землянку. Находившийся там мужчина со впалыми глазами, измождённым лицом, заросшим грязным волосом, с трудом поднялся с топчана.

– Это и есть твой беглый пленный? – Калинин внимательно разглядывал узника.

– Да, это он, товарищ капитан...

– Кузнецов Никита Гордеевич, бывший сержант Красной армии. В феврале этого года с остатками роты попал в немецкий плен. Находился в концлагере под Краматорском. Был зачислен в разведшколу абвера, направлен в советский тыл с особым заданием...

– Что-о?! – изумлённо взревел командир роты, а рука его непроизвольно попыталась открыть кобуру с револьвером. – Ты же сказал, что бежал из плена? Так кто же ты всё-таки?

Контрразведчик с застывшей на лице усмешкой поглядывал то на командира роты, то на пленника.

– Я уже доложил, товарищ...

– Эй, полегче с товарищем-то! Брянский волк тебе товарищ! – Лейтенант оставил в покое кобуру, снял фуражку и вытер обильный пот, что выступил у него на лбу. – Ну надо же – агент абвера!..

– А что же ты сразу не сказал лейтенанту, что ты вражеский агент? – капитан, казалось, с улыбкой смотрел на Никиту.

– Меня сейчас командир роты чуть не застрелил в вашем присутствии, а старшина и повар, что меня задержали, сразу бы и шлёпнули там же, у дороги – по законам военного времени!

– Берендеев, могли бы твои орлы шлёпнуть его при задержании «по законам военного времени»?

– Конечно могли... Жаль, не сделали... Во фрукт попался!.. – Лейтенант всё ещё не мог успокоиться.

– И что вы можете мне сообщить особо ценного, бывший сержант Кузнецов?

– О разведшколе абвера, о её руководстве, преподавателях, как немецких, так и бывших красных командирах, о численности курсантов, о цели существования школы и маршрутах разведчиков, что засылались и засылаются к вам в тыл.

– Немало, скажем откровенно, немало... Неужто ты всё это помнишь и сможешь мне рассказать? – капитан с недоверием смотрел на пленника.

– Так точно, тов... гражданин капитан...

– Хм-м, пусть будет «гражданин»... Ну что, Виктор Иванович, спасибо тебе, хорошего собеседника ты мне нашёл! – Он крепко пожал руку лейтенанту. – Задерживать тебя больше

не смею... Наверное, своих забот у тебя немало, так что ступай, а о том, что слышал, – никому! А мне пришли сюда кого-нибудь из канцелярии, кто с грамотою дружит и чтобы язык за зубами умел держать... Да самовар организуй, что ли, сухариков каких-нибудь: я – с дороги, да и ему силы понадобятся... На пустой желудок никакая умная мысль в голову не полезет. И вот ещё что, накорми моих солдат, пусть потом Ефим Кочарян подежурит у этой землянки... Он знает, как надо...

Несколько часов кряду беседовали в блиндаже капитан Калинин и бывший сержант Кузнецов. За это время Никита успел рассказать о своём селе, о родителях, Нарымском крае, об участии в сражениях под Москвой и Сталинградом, о пленении, о разведшколе, пока, наконец, сержант Нина, которую прислал командир роты в качестве секретаря, не взмолилась:

– Товарищ капитан, второе перо ломается, чернила кончились, пальцы судорогой сводит и... мне отлучиться надо... Сами понимаете...

– Ох, да! – капитан хлопнул себя рукой по колену. – Заговорил ты меня, Кузнецов! Так, перебив! Ниночка справляет свои дела, обедает или уже ужинает, а через полчаса – все здесь. Ефим! – окликнул Калинин солдата.

– Я, товарищ капитан, – с неподражаемым армянским акцентом отозвался снаружи невидимый солдат.

– Отведи нашего пленника куда ему надо, пусть на солнышко посмотрит пятнадцать – двадцать минут, а потом раскопегаришь самовар... Да мух-то ртом не лови! Через полчаса продолжим...

Уже темнело, когда капитан закончил допрос Кузнецова и кликнул к себе командира роты.

– Ниночка, спасибо за труды тяжкие... Так, а он везде расписался? Отлично! А расписка где? Ах да, вот она...

Когда девушка покинула землянку, капитан обратился уже к Берендееву:

– Ну вот что, Виктор Иванович, я отмечу перед начальством, что твои бойцы задержали важного языка, а пленника твоего я забираю с собой...

– Как это?..

– А так это! Вот расписка... Он уже готов к дороге. Так? Нет? Кузнецов!

– Так точно, товарищ капитан! – послышалось в ответ.

– Ого? Уже «товарищ»? – лейтенант удивлённо глядел на контрразведчика.

– Да, лейтенант, и такое бывает в нашем деле! В общем, готовь мою машину, охраны нам хватит: Ефим, водитель да и сам я парень не промах, но руки всё же свяжем тебе, Никита Гордеевич, – устав требует! У нас с тобой ещё много тем для разговоров, я тебя в тёплую камеру поселю, одного, чернил и бумаги дам – пиши, вспоминай, а то что тут тебе Берендеев? Даже самовар не принёс, пока я не потребовал...

У капитана было хорошее настроение, он старался шутить, чтобы шуткой и смехом сбить дневное напряжение и усталость.

– Ну всё, поехали!

В расположение корпуса прибыли затемно. Определив пленника в отдельную камеру в кирпичном здании, где располагалась контрразведка и все её службы, Калинин поспешил к полковнику Осокину, возглавлявшему Смерш корпуса: он знал, что командир часто засиживается над картой до глубокой ночи, а те сведения, что он привёз с передовой относились к категории важных.

В течение всего доклада капитан нет-нет да проговаривал одну и ту же фразу: «Какой ценный кадр попал к нам, товарищ полковник, какая у него память!...», пока, наконец, тот не остановил его:

– Игорь Васильевич, перестань причитать! Я уже понял, что это твоя удача, а может быть, и наша общая ...

– Нет, товарищ полковник, смотрите, какие портреты он даёт, по ним, как по фотографии, можно человека найти: «Серик Атамбаев, сорок лет, плотный, чуть косолапит, путает в разговоре «он» и «она». Лицо плоское, глаза типично азиатские...» Или «Левшов Семён Геннадьевич, сорок пять – пятьдесят лет, худощавый, под левым глазом родимое пятно, правое плечо ниже левого, говорит с потягом, часто оглядывается, словно боится кого...» Или...

– Стоп, капитан, ты меня убедил, что портреты он рисует хорошо. Завтра же разошли по соседним частям ориентировки... Да, кстати, пока ты тут ездил, от соседней справа пришла телеграмма: был задержан... да вот же она, читай...

Калинин впился глазами в текст телеграммы и тут же вскрикнул:

– Он, Иван Фёдорович, он! Серик Атамбаев! Не врёт Кузнецов!

– То, что не врёт твой Кузнецов, я вижу, но что сбежал тот косолапый Серик – тоже факт.

– Но это не наша беда, товарищ полковник, а наших соседей – часовой проспал!

– В общем, ты понял, что делать завтра с утра? А ты задавал ему вопрос, почему немцы так усиленно чешут наш участок обороны?

– Да. Они хотят убедиться, что у нас тут группируется мощный танковый кулак. Их шеф так акцентировал внимание своих шпионов...

– А зачем, как думаешь, Игорь?

– Ну, мы же знаем, что на нашем участке фронта немцы собираются делать прорыв и уже сосредоточили свой танковый корпус, а сейчас они проверяют, как мы готовимся к этой операции... Вот и посылают своих лазутчиков в наши тылы.

– Теперь представь: а вдруг немцы блефуют с прорывом? Мы снимем свои части с другого участка, сюда перекинем, а они там, откуда мы снимем свои части, и ломанутся? Вот и будет нам тогда наука!

– М-да, товарищ полковник, тут, наверное, не только погоны полетят, но и головы?..

– Может быть... Давай-ка так: в восемь утра у меня разговор с Первым, а потом мы с тобой заглянем к твоему пленнику, хочу сам посмотреть на него...

60

Ближе к двенадцати следующего дня Калинин вместе с полковником Осокиным вошли в камеру, где содержался Кузнецов. На столе стояла пустая чернильница, лежала кипа исписанных листов. Увидев полковника, Никита вскочил на ноги, а руки непроизвольно прошлись по пуговицам гражданской рубашки.

– Вольно, сержант! Садись!

Голос полковника был спокоен, миролюбив. Он первым сел на свободный стул, приглашая и остальных к тому же.

– Как думаешь, сержант, не проведут нас немцы на мякине? Неужели они успели целый корпус против нас сосредоточить и спрятать в лесу? Ты взял с собой карту, капитан?

– Так точно, товарищ полковник.

Калинин быстро отодвинул исписанные листки в сторону и разложил карту.

– С картой работал, сержант? – спросил полковник.

– Так точно. Раньше – для себя, а тут и немцы поучили немного.

– Вот здесь у немцев расположен танковый корпус, – озабоченно проговорил Осокин, – две группы разведчиков вернулись с такими сведениями, авиаразведка подтвердила, а потому и нам следует силы сюда собирать...

Никита долго всматривался в карту, поднялся на ноги, водил пальцем по её поверхности, затем резко поднял голову и заявил твёрдо:

– Гражданин полковник, в этой роще не может быть немецких танков в таком количестве. Я пробирался по этим местам всего три дня назад, вот по этой дороге шёл... Да, я видел несколько танков, но корпус? Это же... танков сорок?

– Примерно... – отозвался Калинин.

– Нет, гражданин полковник, когда столько танков пройдёт – всю землю перепашут, а здесь были следы трёх – пяти танков, а в глубине солдаты что-то строили и ветками закрывали...

– Вот и я так думаю! Макеты делают! – Осокин сказал твёрдо, так бывает, когда человек принимает окончательное решение. – Давай-ка, капитан, сегодня же направляй три автономные группы разведчиков и авиаразведку, пусть отбомбятся по роще, да время согласуй, чтобы бомбить начали, когда разведчики смогут это наблюдать визуально, в бинокли!

– Есть, товарищ полковник! – отозвался контрразведчик.

– Вас тут не обижают, Кузнецов? Хорошо кормят? – с улыбкой спросил полковник.

– Хорошо, гражданин полковник, почти как у немцев, но здесь вкуснее!

Все трое громко рассмеялись.

– А вы готовы и дальше работать с нами?

– Это как? – недоумённо спросил Никита.

– Ну, скажем, вы вернётесь туда, останетесь в штате школы и будете через местных жителей передавать информацию для Смерша? Фронт ведь движется на запад, немцы отступают, а через два – три дня наши войска входят в то же село...

– Я думаю, это возможно, гражданин полковник. – Голос Никиты звучал неуверенно, но в нём чувствовался какой-то интерес.

– Нет уж, сержант Кузнецов, такие сведения могут сообщать только «товарищи», а не «граждане». Так? Нет? Калинин!

– Так точно, товарищ полковник.

– В общем, вспоминайте всё полезное, пишите и вместе с капитаном думайте, как вас использовать в будущем: ваша помощь нам будет нужна. Продумайте всё до мелочей. Когда вы должны вернуться в школу?

– Крайний срок – ещё пять дней!

– Слышишь, Калинин, у вас ещё три дня, а потом надо возвращать сержанта его новым хозяевам! Да, и ещё тут Игорь Васильевич упоми-

нал какого-то вашего преподавателя из школы: Николай Александрович, пожилой, плотный, с залысынами, бывший капитан?

– Да, есть такой, товарищ полковник, – уверенно произнёс Никита. – У него ещё ногтя на мизинце нет... На правом? Нет, на левом... Точно, на левом мизинце...

– Точно! Я тогда ещё майором был, когда мы его канцелярию эвакуировали, солдаты шкафы двигали, так нет, он сам полез им помогать, там и сорвал ноготь на левом мизинце. Потом всё жаловался, пока не пропал без вести...

– Вот как?! – Никита и контрразведчик произнесли это слово одновременно. – Как же так, товарищ полковник?

– А так, что он исчез осенью сорок второго, а вместе с ним исчез ящик с секретными картами и документами... Вот, значит, где отыскался след! Тарасов?! Не капитан он, а подполковник, помощник начальника штаба корпуса – Ложкин Николай Александрович! Тяжело было нам тогда, бардака было много в частях, вот и проворонили мы его. Начальника штаба и комкора – под трибунал, а меня на корпус поставили... Вот такой у вас учитель, сержант Кузнецов! Его бы нам достать!

– Будем думать, товарищ полковник! – козырнул контрразведчик.

– Ладно, думайте, но этот гад – не главное, ты, Калинин, не забудь про разведку, про дальние планы. О результатах разведки доложишь ночью...

Повторная разведка и авиаразведка подтвердили правдивость слов Никиты Кузнецова: вместо настоящих танков, коих в роще оказалось всего шесть, остальные были макетами. Переброска наших сил на данный участок фронта с других направлений была прекращена.

Эта была первая маленькая победа бывшего сержанта Красной армии Никиты Кузнецова.

* * *

Странные чувства испытывала Алёна Ивановна, узнав в шахткоме, что дом Максима Шомонина теперь её, и даже домовая книга, где единственной хозяйкой значилась она, не придавала уверенности. В тот же день она пришла в свою бывшую обитель, запасным ключом открыла замок, с опаской осмотрела все комнаты: грязь кругом, вещи раскиданы, в шкафу – никакой посуды: видно, полюбовница Максимова, Полина, получив строгий наказ от руководства

шахты оставить избу на законную хозяйку, устроила тут погром. Оглядев всё внимательно, женщина решила, что страшного мало: посуда, занавесочки разные, постельное бельё и одежда у них есть свои. А то, что полюбовница Максимова забрала, – так ей меньше выкидывать. Печка была исправна, кровати, стол и лавки с табуретками – на месте, а в подполье даже осталось немного картошки и овощей – всё подспорье для них с Егором. Тогда же и решила она для себя, расхаживая по пустым комнатам, потеплеет когда, пригласит с работы подруг, вместе они побелят заметно прокопчённые стены и потолок, полы помойут, а потом и переезжать можно будет.

Не всё складно получилось, но всё же получилось, и в середине апреля оставили они, наконец, беспокойный барак и переехали в избу Шомониных. Грузить вещи и тянуть тележку помогли бригадники Никиты, Леонтий и Василий, которых, похоже, подослал Кузьма Иваныч. И на том спасибо! Хотела парней чаем напоить, да где там – убежали, торопыги.

– Ну вот, Егорка, теперь здесь будем жить с тобой. Чуть дальше до работы, но ничего – каких-то полверсты!

– Конечно, бабуль! А можно, я собаку приведу на двор?

– На двор – можно, но в дом – ни-ни... Снег уже сошёл, скоро земля просохнет, и будем мы с тобой в огороде ковыряться: лук, чеснок, картошка!..

– Ага, конечно, баб... – Голос внука был не очень весёлый: не любил он дела огородные...

К концу лета сорок третьего года Егор заметно вытянулся, раздался в плечах и теперь уже чурался своей шахтовой должности: «ученик слесаря», но что-то предпринять и к кому-то обратиться с просьбой о работе ни Алёна Ивановна, ни сам Егор не решались.

А тут Иван Михайлович Тузов, знавший, как трудно живут Егор со своей бабушкой, возьми и заведи разговор с парнем на эту тему.

– Как дела, Егор? Как бабуля? Что-то давно не заглядывала к нам в цех...

– Да ничего, Иван Михалыч, живём, хлеб жуём...

– А хлеба-то хватает? Тут слышал я, что у вас совсем плохи дела... Что бабушка уже не работает...

– Да нет, работает пока... Ей уже шестьдесят пять лет, Иван Михалыч. Мало того, что руки у неё иногда судорогой сводит от горячей воды и

соды, так мы же теперь в доме живём, а это огород, картошка, лучок, редька...

– Ну-ну, – хмурясь, проговорил начальник, – и всё это на бабке? А ты-то где?

– Нет, я помогаю ей... – поспешил с разъяснениями Егор.

– Ну и слава богу, что о бабушке заботишься – то хорошо... А сам-то не хочешь настоящей мужской работой заняться? Не надоело в школьниках ходить? Послесарил два года учеником, подрос немного, кое-чему обучился, пора и деньги зарабатывать? Пойдёшь на слесаря?

– Это куда же, в шахту, что ли?

– Ну до восемнадцати лет в шахту тебя никто не пустит, на поверхности будешь слесарить, а деньги получать будешь как взрослый, почти в два раза больше, чем сейчас...

– О-ба! А что надо, Иван Михалыч?

– Сдашь экзамен и на работу будешь ходить полный день, а не до обеда. А что делать? Ну, ты же видишь, как старики у нас работают? Иной раз и в шахту придётся спуститься, ключи потяжелее будешь носить в сумке, согласен?

– Согласен... – потом добавил уже недоверчиво: – А что это вы про меня такую заботу устроили? Навроде я вам не родня какая, чтобы заботиться так?..

– Дурачок, разве только родня может помогать? А просто хорошие люди разве не должны помогать друг другу?

– Наверное... – неуверенно сказал Егор.

– Не «наверное», а должны помогать! Ну ладно, место освободилось слесаря, вот я и решил тебя поставить. Тебе же через полгода восемнадцать будет?

– Ну да...

– Вот и да... Опять же бабушку твою помню и уважаю, Алёну Ивановну... Говорю так, а неудобство какое-то испытую: такую славную женщину бабкой называть! Хватит ей робу шахтёрскую стирать... Жалко её руки... Да и тебя тоже пожалуй надо: на танцы ходишь, а у тебя на заднице заплатка... Других-то, видно, нет штанов-то.

– Других-то нету... – смущённо произнёс Егор. – Эти-то баба Алёна кое-как заштопала...

– Ну вот видишь! На штаны заработаешь, на колбасу. Хотя, я смотрю, ты где-то башмаки себе уже раздобыл? Не новые, но ещё крепкие...

– Да... – смущённо отозвался Егор, а у самого перед глазами всплыло каменное лицо Бориса Ивановича.

– Ну так будем сдавать на слесаря?
– Я согласный.
– Согласный он... А как же с бабушкой посоветоваться?

– Я уже большой, дядь Вань... Я сам...
– Ну коли так, то я помогу тебе подготовиться к экзамену, потом приказ будет, и всё – иди работай, Егор Никитович!

– Бабуль, я скоро слесарем буду работать, как большие мужики, – с порога заявил дома Егор.

– Ой, а справишься ли? Тяжко, должно быть?
– Да нет, Иван Михалыч помочь обещал...
– Ох, добрый он мужик, Иван Михалыч, я тут с огородом совсем забыла дорогу-то в ваш цех... Кланяйся ему, благодари, от бабушки, мол...

– Ладно. А на следующий год, когда будет восемнадцать, в шахту пойду... Говорят, скоро новую шахту построят, куда будут принимать только молодых и здоровых, как я!

– Ой, здоровяк ты мой! Умывайся давай и садись есть...

– Вот тогда, баба, ты точно больше работать не будешь нигде, а будешь меня дома ждать с работы.

– Ох, внучок ты мой, мужичок ты мой! – Она нежно прижала его вихрастую голову и поцеловала.

Первая получка порадовала как Егора, так и Алёну Ивановну, но ещё один человек был несказанно рад этому событию – Юрка Рыжов. Теперь Егор редко виделся с ним – разные графики работы, разные участки, и только два раза в месяц они вместе ездили на базар, где их неизменно ждал Борис Иванович...

В этот раз вместе с друзьями, Славкой Смирновым и Юркой Рыжовым, отправился Егор на базар, не к Борису Ивановичу, а за покупками, где и купил себе новые штаны, а бабе Алёне – шаль. Когда возвращались домой, друзья принялись допрашивать Егора: почему невеселый такой? Первая зарплата, подарки купил...

– Не знаю, что-то невесело...
– А я знаю, – заявил Рыжий, – первую получку и подарки нужно обмыть, а то обновы носить будут плохо! В буфете шахтового клуба сегодня бочку пива привезли, айда туда, а к нему можно взять чекушку водки, а лучше – пол-литра! Чур, за пиво каждый платит сам, а за водку – именинник...

Славка несильно настаивал на гулянке, однако азарта, с каким Рыжий уговаривал друзей, хватило с лихвой и на него. Егор купил в магазине бутылку водки да ещё с десятков пирожков с ливером.

Октябрь отметился сравнительным теплом, и весь клубный сквер был полон народу, веселя глаз и укрывая в кустах любителей выпить на природе. Лавочек было вкопано по скверу много, и в дни получки и аванса все они, как правило, были заняты весёлой шахтёрской братией. Славка и Егор с опаской бродили по скверу в поисках свободных скамеек, обходя те, где уже гуляли взрослые мужики: иные уже так набрались, что готовы были накостылять любопытным паренькам. Удача не оставила их: нашли укрытую от посторонних глаз свободную скамейку, где, не торопясь, из горла, выпили водку под пирожки, а потом пили пиво из трёхлитровой банки...

Славка и Егор, до этого не пробовавшие крепкого спиртного, заметно опьянели, разговор их путался, а блаженная улыбка не покидала лица. Домой отправились, когда уже совсем стемнело. В кустах то здесь, то там слышались разговоры захмелевших мужчин, кто-то ругался непотребно, а на полянке тёплая компания, где были и женщины, под звуки гармошки пели «Синий платочек».

– Ребята, давайте послушаем песню...

Благообразный, красивый какой-то девичьей красотой, Славка теперь совсем раскис и готов был расцеловать всякого, кто его пожалеет или похвалит. Егор молча наблюдал за тем, как Юрка что-то внушал захмелевшему другу. Они уже направились по домам, а в голове у Егора неотступно вертелась мысль: что-то он упустил, что-то не сделал... Наконец вспомнил – подарки! Он забыл их на скамейке! Оставив приятелей, он побежал к месту их бывшего пиршества. На скамейке стояла банка из-под пива, пустая бутылка, а на земле лежал пакет из серой обёрточной бумаги, перевязанный крест-накрест шпагатом: Егоровы обновы. Усевшись на лавку, он поднял пакет, прижал его к груди и забылся в какой-то сладкой истоме...

До дома Егор добрался уже за полночь. Где-то во тьме потерялись дружки, но пакет с обновками он крепко держал под мышкой. Оставив калитку распахнутой настезь, он с трудом поднялся на небольшое крыльцо, через потайное отверстие отодвинул засов и шагнул в сенцы, но запнулся о ведро с углём, которое иногда бабуш-

ка ставила справа от двери, и с громким шумом рухнул на пол.

Алёна Ивановна, до последнего ожидавшая внука, уже готовилась спать. Она при свете керосиновой лампы попила перед сном чай с сухарями, расплела косу и прошлась гребнем по всё ещё красивым и густым волосам, обильно побитым сединой, как услышала в коридоре грохот. Распахнув дверь, она увидела застывшего в жалкой позе внука.

– Бабуля... Я тебе подарочек купил, вот он, возьми его... – он с трудом выговаривал слова.

Ещё не понимая, что её внук смертельно пьян, Алёна Ивановна, подхватив у него пакет, перевязанный шпагатом, закрыла за внуком дверь на засов, после чего помогла ему раздеться. От Егора сильно разило спиртным.

– Бабуль, а знаешь, что я знаю?... У меня тоже длинная тень, да, подросла, должно быть... Когда шёл домой тихонько так и... упал немножко. Ползу, значит, а рядом ещё кто-то ползет... Сел, посмотрел, а это моя тень... большая, длинная... Фу! Бабуль, я, однако, спать буду...

И он замолчал до утра.

Уложив его на лавку в кухоньке, она села рядом на табурет и впервые за много лет заплакала...

* * *

Едва полковник Кнауф покинул новоявленных курсантов, инициативу в свои руки взял Ратке. Он объявил, что курс обучения бывших русских офицеров рассчитан на три недели.

– Жить и заниматься будете в этом здании. Когда-то здесь был детский приют, но сейчас он приютил нашу школу. Вас разобьют на группы по пять человек... Да-да, мы ждём ещё троих... В этой комнате вам будут читать лекции, групповые специальные занятия будут проходить в соседних кабинетах, здесь же, на первом этаже, откроем буфет для вас, спальня – на втором этаже. Это помещение для вас уже подготовлено, буфет же откроется только завтра, а сегодня вы можете поужинать в маленьком ресторанчике, что находится отсюда в двухстах метрах.

Хочу напомнить, господа, что наша школа является секретным объектом, и потому вы должны соблюдать правила конспирации. Вместо консьержки у входа будет дежурить наш офицер, любое отлучение из школы фиксируется в журнале. После занятий вы вправе выйти в город для... отдыха, но в двенадцать часов ночи

двери закрываются, а опоздавший курсант будет объявлен дезертиром. О том, что ждёт такого курсанта, господин Кнауф уже говорил. По всем вопросам личного характера можете обращаться ко мне. Сейчас получите деньги на личные расходы, всё остальное, необходимое для вашего обучения, вы получите завтра, а сейчас портной с вас снимет мерки, после чего вы можете подняться в комнату отдыха, то есть в казарму, где будете отдыхать. Мой кабинет находится также на первом этаже. По первому моему вызову вы должны явиться и доложить: курсант такой-то (звание, фамилия) прибыл.

– Господин гауптман... Простите, можно вас называть «господин капитан»? – полковник Метельский с некоторой робостью обратился к своему куратору.

– Хорошо, господа, только внутри помещения и при отсутствии посторонних лиц, в ином случае – «гауптман», и ещё: приветствовать немецких офицеров вы обязаны, как полагается в вермахте: «Хайль Гитлер!». Вопросы есть? Тогда получите деньги под подпись, и на сегодня все свободны, но не забывайте, что двенадцать часов ночи для вас – крайний срок!

67

После того как старый австрийский еврей снял мерку с курсантов, они дружно поднялись на второй этаж, где в просторной комнате их ожидали двадцать металлических кроватей с прикроватными тумбочками, двадцать табуреток, несколько платяных шкафов и длинный дубовый стол. Пожилая фрау, которая была приставлена в казарму как уборщица и буфетчица, спешно застелила кровати новосёлов и молча удалилась.

– Господа, кажется, здесь будет наш райский уголок! – есаул Малышев, плотный, лысоватый мужчина с блестящими озорными глазами, следуя вдоль ряда коек, небрежно взбил одну постель, осмотрел простыни, подушку и хмыкнул удовлетворённо: – Небогато, но чисто...

– М-да, господа, немцы – народ аккуратный, – со сдержанной похвалой отозвался на слова есаула полковник. – Говорят, в Первую мировую некоторые из них даже в окопах умудрялись спать на белых простынях.

Увидев, что Малышев намеревается растрепать следующую кровать, хорунжий Кипиани шуточно окликнул его:

– Севастьян Павлович, не нарушайте ответственность этой кровати: я хочу избрать её своим ложем на время обучения.

– А мне претит девственность в любой ипостаси, поэтому я займу потрёпанную кровать – она у окошка, – поддержал грузина есаул Северов.

– Господа, вы ведёте себя довольно бесцеремонно, – попытался охладить шутников Кузнецов. – Среди нас есть офицер, старший по званию и возрасту, за ним и первое слово, я так полагаю...

– Спасибо, есаул, – отозвался полковник Метельский, – я, господа, с вашего позволения займу ложе в углу, и да поможет мне Бог, чтобы оно не оказалось мне смертным одром...

– Мне кажется, вы слишком мрачно смотрите на жизнь, господин полковник, – включился в разговор сотник Ситко, – в нашем положении надо научиться большие проблемы воспринимать как маленькие, а маленькие вовсе не замечать, иначе нам – труба.

– Очень верное суждение, господа, это совсем по-русски! – В комнату быстрым шагом вошёл Марк Ратке в сопровождении офицера. – Вас не оставляет чувство юмора, и это прекрасно. Хуже нет работать с пессимистами...

– Мы согласимся с вами, господин гауптман, если вы не будете омрачать нашу службу и быт излишне трудными задачами... – не без иронии в голосе сказал Малышев.

– Нет, господа, специально огорчать я вас не намерен, но ещё раз хочу предупредить, что даже за мелкое нарушение режима и самовольное оставление объекта – арест на трое суток или отправка на Восточный фронт. За дезертирство или злостное неповиновение немецкому офицеру – расстрел на месте. Что делать, господа, такое правило действует в любой армии: закон военного времени!

– И всё-таки вам, господин Ратке, удалось омрачить наше новоселье! – с горькой усмешкой заявил Ситко. – Праздник отменяется...

– Ну уж нет, господа, – воскликнул Кипиани, – кто как, а я сейчас направляюсь в ресторанчик, чтобы опрокинуть стаканчик чачи! Кто составит мне компанию?

Услышав такое безапелляционное заявление грузина, многие засмеялись, а Метельский пошутил в ответ:

– За чачей, мой дорогой, вам придётся сбегать в родной аул, на Кавказ... Здесь же, наверное, пьют только пиво с колбасками, так, господин капитан?

– Нет, почему же, кроме пива, вы можете здесь найти крепкий шнапс, но не забывайте про

контрольное время. В нашей немецкой сказке у Золушки после двенадцати часов ночи карета превратилась в тыкву, а для тех, кто опоздает в школу, казарма превратится в карцер на трое суток. Не рискуйте, господа, там, где не следует. Ганс Штерн – он перед вами, господа, и ещё два офицера будут поочередно дежурить по школе. Их требования для вас обязательны! Всего доброго...

Побросав свои скромные пожитки на выбренные кровати, курсанты дружно направились к выходу. Впереди их ждала прогулка по вечерней австрийской столице и поздний ужин в ресторане...

Подвели немцев в этот раз расчётливость и педантичность. Время подготовки курсантов, рассчитанное на три недели, пришлось сократить до двух: отменили строевую подготовку, учебные стрельбы и конную выездку. Видимо, берлинское начальство решило, что уже подзабытые навыки бывшим казакам для выполнения данного им задания не пригодятся – главное, чтобы они говорили правильно и убедительно, чтобы смогли зажечь своих земляков, склонить их к вступлению на немецкую службу. Но всё же главной причиной того, что им сократили время подготовки, было то, что Красная армия под Курском и на Кавказе слишком стремительно перешла в наступление на юго-западном направлении, и фронт неумолимо приближался к границам СССР. Медлить было нельзя, и уже в сентябре сорок третьего руководство школы предполагало направлять своих курсантов в сопровождении немецких офицеров и переводчиков в лагерь военнопленных на территории Польши и Австрии, где лагерное начальство, заранее предупреждённое о таких визитах, было обязано сортировать узников, представляя гостям только бывших казаков.

Марк Ратке, к тому времени получивший майорские погоны, взял под свою опеку Фёдора Кузнецова, а поскольку он сам хорошо владел русским языком, то от переводчика отказался. Так и катались они втроём на выдавшем виды «Бьюике»: Ратке, Фёдор и шофёр-охранник. Трудно давались Фёдору эти выступления. Сотни измождённых людей в грязной лагерной одежде, казалось, прожигали его ненавидящими взглядами, а встречали и провожали порой откровенным русским матом.

Услышав, как Ратке после одного из таких приёмов приказал лагерному начальству строго наказать крикунов, Фёдор, извинившись, отозвал майора в сторону и попросил отменить приказ.

– Господин Ратке, вы долго жили в Советском Союзе, прекрасно знаете русский язык, и потом... вы же сами называете их русскими свиньями, а какой может быть спрос с поросёнка. Голодные, больные, озлобленные – как они должны относиться к холёному белогвардейскому есаулу, пусть и бывшему? Для русского мужика сматериться – как чихнуть от понюшки табака. Порой он не может найти правильное слово и потому матерится...

– Господин Кузнецов, похоже, вы жалеете своих бывших земляков, хотя находитесь на службе вермахта. Как бы со своей жалостью вы не оказались сами в их рядах, не рискуйте из-за этих идиотов.

– Господин майор, поверьте, излишняя жестокость только оттолкнёт от нас тех, кто хотел бы записаться добровольцем в нашу армию. И потом, ведь они ругают не вас, не Германию, а меня. Конечно, это неприятно, но я потерплю, а вас я прошу отменить приказ о наказании тех крикунов.

Выслушав доводы Фёдора, Ратке расхохотался, но когда успокоился, сказал Фёдору тоном, не допускающим возражений:

– Хорошо, господин есаул, если они будут ругать вас и вашу бывшую родину, они наказаны не будут, но за любое оскорбление моей родины, меня или любого немецкого солдата виновных будет ждать суровое наказание...

Хоть так, но Фёдору удалось смягчить участь некоторых своих бывших соотечественников. Вряд ли кто-то из военнопленных знал, чем рисковал есаул Кузнецов. Позднее он узнал причину такой лояльности Ратке к нему.

Однажды, находясь в добром настроении и изрядно хлебнув шнапса из походной фляжки, он признался Фёдору:

– Мы с тобой, Фёдор, земляки – из одной земли – из Баварии, так давай не будем подводить друг друга...

За двадцать лет, что прожил Фёдор в Германии, он заметил, насколько сентиментальны немцы, даже те, кто облачён в чёрную, эсэсовскую форму. Но сентиментальность и чадолюбие их были обращены только на своих родных и близких, они не распространялись на людей им чужих и чуждых. Там, за границами Третьего

рейха, для арийца не было жалости ни к славянам, ни к евреям, ни к цыганам...

Как бы то ни было, но работу Фёдора и Ратке начальство признавало успешной, потому как после каждого их выступления в очередном лагере десятка два-три казаков шли добровольно на немецкую службу, хотя Фёдор, вопреки требованию Ратке, старался как можно реже упоминать имя фюрера, никогда не рассыпался в похвалах ему, считая, что достаточно и того, что он зовёт своих бывших земляков под знамена казачьего генерала Доманова, который формировал свою дивизию в Италии.

К середине тысяча девятьсот сорок четвёртого года Красная армия освободила оккупированные земли СССР, и теперь боевые действия велись на территории европейских государств. Земля горела под ногами фашистов, но, казалось, никто из них не помышлял о поражении: кто-то бесконечно верил в своего фюрера, кто-то – в провидение Господне, а война между тем продолжалась. В этом вселенском круговороте потерялись бывшие курсанты школы абвера, теперь у каждого из них был свой фронт. И всё же накануне Нового, сорок пятого года, на Рождество, в одном из городков на юге Германии Фёдор встретил есаула Малышева. Сказавшись нездоровыми, они не пошли в ресторан, где собирались отмечать Рождество немецкие офицеры и куда они были тоже приглашены. Запасшись спиртным и провизией, они провели вечер в номере захудалой гостиницы, делясь пережитым и строя планы на будущее. Если о пережитом они нашли, что говорить, то о своём будущем после победы Красной армии, в чём они уже не сомневались, не могли найти нужных слов...

Сильно захмелевшие, раскрасневшиеся, они словно пытали друг друга, стараясь угадать свою дальнейшую судьбу. Севастьян Малышев то и дело принимался плакать, порывался куда-то идти, и тогда Фёдору приходилось успокаивать товарища и насильно удерживать в номере.

В конце концов, и у него сдали нервы:

– Вот ты тут ругаешь наших хозяев, плачешь, а ты знаешь, Сева, что мне хочется порой сделать? Нет, ты спроси меня, спроси!

– Спрашиваю тебя... – перестав плакать, Малышев смотрел на Фёдора в упор. – Сбежать хочешь, да?

– Конечно хочу, но от этих ищек даже в такой суматохе не спрячешься. Мне хочется

иногда прямо сказать тем пленным в лагерях, чтобы они не шли на службу к фашистам, рассказать, что война уже скоро закончится и тогда...

– Ты с ума сошёл, Фёдор? Тебя тут же и расстреляют! Хотя, может быть, и не расстреляют, а сорвут погоны и толкнут в их толпу. Нет, так нельзя, слышишь, Федя, бечь надо куда-то, где их нет...

– На этой стороне они везде есть, а на ту сторону нам дороги нет – двадцать с лишним лет прошло!.. Забыла нас Россия-матушка, изгоимы, Иуды последние!.. Похоже, самое время сыграть в русскую рулетку!..

Прошла рождественская ночь, и снова наступили для Фёдора Кузнецова военные будни. Вскоре после того разговора с есаулом Малышевым ему пришлось выступить перед военнопленными в лагере на территории Польши. Казалось бы, всё шло в обычном порядке: построение военнопленных, доклад офицера лагеря майору Ратке, а потом предоставление слова ему, Фёдору.

Всё это время он пытливо всматривался в измождённые, заросшие многодневной щетиной лица пленных, и вдруг внутри у него будто что-то надломилось, и вместо заученных слов с призывом идти под знамёна Третьего рейха он произнёс другие, совсем другие слова, неожиданные даже для себя самого:

– Братцы! Война кончается! Она проиграна Германией, и казачьи полки не спасут положение на фронте – они не нужны там. Россия не простит нам этого греха...

Коротка была эта речь Фёдора, но даже её он не надеялся закончить: в любой миг ждал выстрела в спину, где, как всегда, находился майор Ратке и два лагерных охранника с автоматами. Выстрела не последовало, но матёрые охранники живо скрутили его и, осыпая градом ударов, повели в карцер. Завидев это, колыхнулся строй пленных, раздались крики, но короткая пулемётная очередь, выпущенная над их головами, вмиг опрокинула измождённых людей наземь.

Едва затянулись раны на лице и на теле Фёдора, полученные в схватке с лагерными охранниками, его отправили под охраной к новому месту службы – в Северную Италию, в Толмеццо, где заканчивалось формирование новой казачьей дивизии, находился штаб генерала Доманова. Похоже, майор Ратке пощадил своего баварского земляка от неминуемого расстрела...

Год сорок четвёртый в жизни Егора оставил свои отметины, серьёзные отметины. Начальник цеха Тузов, памятуя о давнем разговоре, помог ему перейти на работу в шахту – электрослесарем подземного транспорта. Казалось бы, дело знакомое: те же гайки и железяки на электровозах да вагонетках, электрическая проводка, но только теперь они ждали Егора под землёй, в кромешной темноте, разрываемой тусклым светом аккумуляторной лампочки, закреплённой у него на каске, в каменной тесноте и удушливой жаре, исходящей из недр земли. Поначалу были сомнения у начальника участка ВШТ Шаталина: не забойтся ли паренёк, которому только-только стукнуло восемнадцать, на целых полдня спускаться в лабиринты преисподней, захочет ли он добровольно прятаться от ласкового солнышка, ежеминутно опасаясь внезапного выброса метана, потоков грунтовых вод или обрушения породы. Не забоялся паренёк, смело спустился в первый раз в шахту и не отставал от опытного провожатого, который по поручению начальника ВШТ провёл его по некоторым горным выработкам, умудряясь на ходу задавать разные вопросы.

– Подойдёт, Михалыч, – докладывал потом начальству «экскурсовод», – на ногу парень ходкий, по уклонам легко бегаёт, темноты да крыс не боится. Вверху-то мы все ходим на прямых ногах, а в «яме» всё чаще на полусогнутых. Вот и он два-три раза попробовал своей башкой кровлю на крепость – поумнел и быстро научился передвигаться в полуприсед...

Так в жизни Егора начался новый период, где наряду с опасками и неудобствами условий работы был и положительный момент: зарплата его выросла чуть не вдвое, и теперь он строго запретил Алёне Ивановне любую работу, кроме как в огороде.

В том же сорок четвёртом на общешахтовом ленинском субботнике по уборке территории вокруг здания комбината он познакомился с хорошенькой и смешливой девушкой Фаей, что работала чертёжницей в маркшейдерском отделе. Она была старше своего кавалера на три года, но рядом с рослым и костистым Егором смотрелась моложе его. Только летом открылся для Алёны Ивановны роман внука и состоялось знакомство с его избранницей. Не поглянулась она старой женщине: весела больно, смеётся много. Работа какая-то непонятная: на шахте, где надо уголь добывать, она бумагу переводит, опять же,

старше его... А тут и бабы-доброхоты не поленились подсказать, что Фая уже два раза замужем побывала. Первого-то мужа в шахте придавило на третьем месяце после свадьбы – горе, конечно, пожалеть её надо! Зато второй муж был отпетым хулиганом: пил, гулял, был скор на расправу, за что и срок получил – три года лагерей. Детей у них не было, и потому она задумала с ним развестись, а когда запросила у него разрешения на развод, то получила в ответ резкий отказ да угрозы. Как бы то ни было, но уже осенью того же года Егор и Фая стали жить как муж и жена тайком от Алёны Ивановны.

Невелик посёлок Пионерка, и вскоре их отношения перестали быть тайной для пожилой женщины. Крепко подумав и погоревав, она пригласила их жить к себе в дом, строго заявив молодожёнам, что никакой свадьбы не будет, поскольку Фая ещё не развелась со своим прежним мужем. А причина, по которой Алёна Ивановна, казалось бы, так легко согласилась с нечаянной женитьбой восемнадцатилетнего внука, – Юрка Рыжов! Боялась она этой дружбы, щемило её сердце при одном только упоминании о нём. Она надеялась, что новоявленная жена сможет, наконец, отбить её внука от Рыжова, остепенится Егор и самостоятельно заживёт своей семьёй.

Предложение бабушки своего молоденького сожителя Фая приняла легко и, похоже, с удовольствием: стылой и неудобной стала казаться ей комнатка в бараке после ареста второго мужа. Не раз и не два посягали на её честь разгулявшиеся мужики-соседи. От кого-то ей удавалось отбиться, а кому-то приходилось уступать. Даже угроза мести со стороны мужа, когда тот вернётся домой, не могла остановить похотливых мужиков от соблазнительной одинокой женщины. Возможно, это был её грех во спасенье... Слишком поздно открылась Алёне Ивановне правда о «барачных приключениях» невестки. Видать, шкодили мужики, да шибко не распространялись о своих похождениях: то ли берегли хоть так репутацию молодухи, то ли боялись всё же расправы со стороны мужа-арестанта. А когда дошли до Алёны Ивановны эти слухи, было уже поздно: Фаина к тому времени уже была беременна на третьем месяце...

Вскоре после Первомайского праздника Егор повёз жену в роддом – приспела пора рожать. Алёна Ивановна решила, что дальше тянуть

нельзя, и послала внука к Тузову за машиной. На старом, полуразбитом ЗИСе, на котором с территории мехцеха вывозили металлолом, Фая и Егор отправились в Беловскую городскую больницу. И случилось так, что их первенец родился девятого мая, когда вся страна ликовала от великой радости: закончилась война, победно закончилась! Только на пятый день, когда стала немного стихать победная эйфория, на шахту, в маркшейдерское бюро, где работала Фаина, позвонили из больницы: «Приезжайте за роженицей и ребёнком!».

Забирать из роддома сноху с новорождённым Алёна Ивановна отправилась вместе с Егором, для чего они подрядили в дорогу своего старого знакомого Митрофанчика, поскольку в кабине грузовика их семья уже не поместилась бы. Узнав о причине поездки, тот от щедрот своих заявил:

– Раз тако дело – ни копейки не возьму за езду, да только не забудь, Ивановна, обмыть свою радость и меня пригласи...

Прежде чем принять крохотный свёрток с правнуком из рук пожилого акушера, похожего на подростка, в огромных очках с чёрной оправой, Алёна Ивановна в пояс поклонилась врачу и тем сестрам, что были с ним:

– Спасибо, люди добрые, за помощь, за заботу! Божьи дела делаете, и Он вас не забудет!

– Где Ему всех нас упомянуть! Люди благодарят, помнят – вот и радость нам, – сказал врач в ответ. – А внучок-то ваш не промах будет. Мамаша разродилась, я принял его на руки – он как закричит, а вслед за ним слышим с улицы из репродуктора голос Левитана: «Победа!!!». Война кончилась! Ведь это было девятого мая! Все как взбесились, и я тоже, пень старый! Мне бы ребёнком заниматься да мамашей, а я стою и плачу, и со мной все мои помощницы. Победитель он у вас получается, бабуля!

– Не внук он мне, а правнук, ошибился немало, мил человек, а победу-то на фронте добывал мой сын Никита, его дед, значит. Вы плакали тут, и мы дома ревели в голос от радости. То – святые слёзы, за них никому не должно быть стыдно...

Обратный путь занял времени много больше, поскольку Митрофанчик своих пассажиров вёз особенно осторожно, стараясь объехать каждый ухаб и каждую ямку, потому и малыш большую часть дороги мирно посапывал на руках у матери, и только перед своротом на шахтовый посёлок вдруг раскричался.

68

Остановив повозку, Митрофаных подошёл к Фая и попросил показать ребёнка. Внимательно посмотрел, а потом глубокомысленно изрёк:

– Умный, однако, будет мальчонка, а кричит потому, что есть хочет. Ты ему титьку-то дай, мамаша. Как-никак сына родила, а его кормить надо. Ты покорми, а мы чуток передохнём да дале поедем.

И действительно, вкусив материнского молока, малыш уснул. Всё это время Митрофаных стоял в сторонке и курил самосад. Убедившись, что ребёнок сыт и крепко спит, он осторожно тронул лошадь.

Алёна Ивановна, с интересом наблюдавшая за возницей, уже под перестук колёс сказала ему:

– Однако, Митрофаных, мы тебя в крёстные возьмём, глядишь, так и покумимся. Пойдёшь?

– А я с хорошим человеком завсегда готов породниться. Вот коли бы старуха дома не ждала меня, я бы и жениться мог...

– Но-но, жених, вишь, как раздухарился! Ты мне внука со снохой не пугай своим жениханием...

– Да я ведь шутейно это... – смутился от резкого ответа мужичок. – Но стаканчик-то нальёшь, как-никак радость великая?

– Ладно, Митрофаных, стаканчик налью, а вот покумиться, видно, тоже не придётся: для крёстного-то отца надо, чтобы поп окрестил ребёнка, а где его тут возьмёшь?

Немного помолчала, добавила:

– И стаканчик налью, и накормлю в дорогу, а то ведь полдня, почитай, проездили...

– Ни-ни, – отчаянно замахал руками несостоявшийся кум и жених, – я даже за стол садиться не буду... Мне бы только горло промочить, а то от пыли во рту всё пересохло...

Как бы то ни было, а за стол стеснительного гостя всё же усадили. Уложив спящего младенца на кровать Алёны Ивановны, присели за стол и молодые.

Держа в руках стакан с мутноватой самогонкой, Митрофаных поздравил всех с пополнением семьи и посоветовал, какое дать имя:

– Витькой вы должны его назвать, Виктором, значит...

– Это что ж так, а не иначе? – удивлённо спросила Алёна Ивановна. – Может, лучше Ванькой или Васькой? Фая, Егор, вы-то какое имя придумали сыну?

Молодёжь растерянно переглянулась: было видно, что вопрос бабушки застал их врасплох.

– Может, Колей? – неуверенно произнесла молодая женщина.

– Да что ты, мамаша?! Когда он родился, война кончилась! Мы же победили, а он, значит, тоже есть победитель. Слыхал я где-то, что Виктор по-латынски – победитель. Это имя ему на всю жизнь память!

– Ну, чёрт старый, и впрямь в крёстные отцы норовишь пробраться! – произнесла строгим голосом Алёна Ивановна, пряча улыбку. – А мне глянется это имя Виктор, Витька, Витюшка... Вот так я и буду его звать! Молодец, Митрофаных! Плесни-ка ещё малость... Налью тебе всё-таки щец, а то сил не хватит до дому добраться.

– Э-э, силов-то у меня ещё много, – энергично уплетая суп, отвечал гость, – не смотри, что я коротенький да кособокий, я шустрый малый с детства был...

– Ну-ну, шустрый кум, на улице темнеет уже – не заблудишься в потёмках?

– Да тут Старобелово совсем рядом, а мой Малыш дорогу домой с закрытыми глазами найдёт и меня привезёт на телеге, он у меня умный...

– Ну слава богу, хоть один из вас умный... – продолжала подсмеиваться новоявленная прабабушка.

69 Уже прощаясь, Митрофаных, похоже, что-то вспомнил и снова потянулся к стакану.

– Алёна Ивановна, ещё скажу – не обидишься: за победу! За нашу победу! У тебя сынок там? Не пишет? Значит, некогда ему – добывать ему надо этих гадов-то. Верь, вернётся твой сын. Живой он, чует моё сердце, а вот здоровый он или ранетый – не скажу, а потому промолчу, но точно – вернётся!

Последние слова заставили женщину прослезиться, но она быстро взяла себя в руки и, чокнувшись с мужчиной, растроганно сказала:

– Спасибо тебе, Митрофаных за добрые слова, я тоже знаю, что жив мой Никитка! А ты, будет минутка, забегай: как-никак кум теперь да и имя ребёнку подарил...

С этой поры жизнь в семье Кузнецовых сделалась шумной и беспокойной, под стать речушке-скромнице Бачат в дни её весеннего половодья.

***

Как в воду глядел старый Митрофаных, когда успокаивал Алёну Ивановну, что жив её сын Никита. Так же в пору пришлась осторожность, ког-

да он говорил о его здоровье. Никак не мог знать простой сибирский мужичок, что бывший сержант Красной армии Никита Кузнецов в это самое время мечется без сознания во фронтовом госпитале на территории Венгрии, близ озера Балатон. Голова его была плотно забинтована, оставляя открытыми только чёрные, как уголь, глаза, которые то лихорадочно сверкали в горячем бреду, то безучастно смотрели вверх, в серый, давно не беленный потолок, но чаще они были просто закрыты. Это был самый таинственный пациент в госпитале. Его начальник, военврач Климов, помнил, как в конце апреля прямо с передовой к нему на машине командира полка доставили истекающего кровью солдата в чёрной немецкой форме, без знаков различия. Сопровождавший раненого офицер Смерша кратко ввёл врача в курс дела: немецкий перебежчик вёл машину, полную немецких солдат в наше расположение, но снарядом машину разбило, а самому водителю едва не оторвало голову. Документов при нём нет, но в бреду он повторяет одно и то же: «Доложите Калининну – я Сёма...».

– Ну и что, что он Сёма? – военврач недоумённо смотрел на офицера. – Я, например, Стёпа, так что?

– Понимаете, товарищ полковник, это похоже на пароль... – голос старшего лейтенанта звучал неуверенно, и потому военврач продолжал наступать.

– Немецкая форма, а говорит по-русски? Может, он полицай Сёма или хуже того – власовец. А вы его тащите к нам, когда нам своих бойцов иногда приходится класть на пол... Да и выживет он вряд ли: у него же полчерепа снесло осколком!

– Доктор, его надо спасти! Поймите, товарищ полковник, в тылу у немцев работают наши разведчики... Глубокая разведка, понимаете, некоторые годами живут у фрицев! Знали бы вы, какую ценность иногда имеет их информация! Ведь не зря же он повёл машину прямо через поле под обстрелом немецкой и нашей артиллерии. Я оставляю вам раненого под личную ответственность, распишитесь вот здесь. Фамилию мы его не знаем, но в разговоре и нашей с вами переписке он будет проходить под кличкой Перебежчик. Вам ясно, полковник?

Голос офицера был уже категоричным, жёстким.

Военврачу оставалось только подписать бумагу, предложенную смершевецем, при этом он продолжал что-то говорить в своё оправдание:

– У него же полголовы нет... А если он умрёт во время операции?

– Товарищ полковник, – офицер крепко держал врача за рукав, а свои слова, словно гвозди, забивал в голову растерянного военврача, – вы немедленно сделаете операцию, в моём присутствии, а если он потом умрёт, вы обязательно сообщите в Смерш армии на имя старшего лейтенанта Дубова – это я. И не вздумайте его похоронить без нашего разрешения! Возле него должна постоянно дежурить грамотная медсестра и всё, что он будет говорить в бреду, записывать!

Более месяца прошло с тех пор. Операция тогда прошла успешно, а вместо срезанной осколком кости черепа военврачу пришлось поставить Перебежчику металлическую пластину. Только после этого смершевец покинул госпиталь, но позднее уже звонил несколько раз, интересуясь состоянием раненого.

Начальник госпиталя вместе с дежурным врачом стояли у кровати таинственного пациента, которому была отведена маленькая, но отдельная палата.

– Как он, Иван Порфирьевич?

– Стабильно тяжёлое состояние, товарищ полковник, но, я думаю, жить будет. Большую часть времени он спит или находится без сознания, а когда приходит в себя, то говорит почти одно и то же. Сестра дежурит постоянно, записывает всё, что слышит от него, вот эти записи... – Он протянул начальнику несколько тетрадных листков.

– Эх, Иван Порфирьевич, нашёл бумагу! Ведь всё это мы должны будем отправить в военную контрразведку. Сегодня же переписать буква в букву, небольшие поправки сделайте, как на этих листах, а то ещё заподозрят в подделке...

Полковник бегло пробежал текст. Его было немного, и чаще всего повторялось: «Скажите Калининну... Я – Сёма...».

– Неужто самому Михаилу Ивановичу надо сказать, а, Иван Порфирьевич?

– Да что вы, товарищ полковник... – изумлённо протянул дежурный врач.

– Ладно-ладно, шучу я, – испугался собственной шутки полковник и возвратил исписанные листки врачу. – Почти месяц прошёл, война кончилась, а у нас с вами никакой ясности. Что там у него? «Мама, мамочка... подполье... Карпаты... Ложкин...»?

70

– Как никакой ясности? Я же вам сказал, что сейчас его жизнь вне опасности...

– Да, но вернётся ли к нему память? У него может воспалиться рана – металл в теле плохо приживается, дорогой Иван Порфирьевич. Как врач, ты это знаешь не хуже меня... При малейших признаках воспаления срочно доложите! Эти записки перепишите срочно, сегодня же их надо отослать в Смерш... Иван Порфирьевич, подготовь справку о состоянии нашего пациента.

– Товарищ полковник, они что, лечить его будут по нашим рекомендациям?

– Шутить изволите, товарищ майор? Со Смершем так шутить негоже.

– Товарищ полковник, война-то кончилась. Я слышал, что Смерш скоро распустят, а мы...

– Иван Порфирьевич, ты всю войну прошёл, до майора дослужился, а рассуждаешь, как сельский лекарь! Такую организацию, как Смерш, не распустят, а реформируют, такие спец-цы нашей стране ещё долго будут нужны. Лечить сами они его не будут, но определяют в какое-то закрытое медучреждение, где будут контролировать ход лечения. Это мы им и порекомендуем, поскольку наш госпиталь, видимо, точно скоро расформируют и отправят на родину. А память к раненому может вернуться в любой момент: завтра, через месяц, через год... Это амнезия, батенька, готовых рецептов её лечения пока нет...

Уже на следующий день с полученным из госпиталя донесением Дубов был на докладе у своего руководства. Пожилой генерал, начальник армейской разведки, неторопливо раскуривал трубку и изучающе посматривал на своих офицеров, сидящих за столом, начальника отдела и его сотрудника. Изложив суть вопроса, Дубов продолжал стоять.

Наконец, пыхнув трубкой и выпустив клубы дыма в седые усы, генерал заговорил:

– Садись, лейтенант, всё равно больше не вырастешь... Так вы продолжаете считать, что это не случайный перебежчик с той стороны, а наш агент?

– Да, товарищ генерал.

Начальник отдела хотел было встать, но генерал устало махнул рукой: сиди!

– Информации немного, но наши полковые и дивизионные разведки засылали своих агентов в тыл к фашистам. Некоторые из них успешно работали. Так, в сорок третьем году один немецкий агент сам явился к нам, был перевербован

и внедрён в школу абвера. Это был русский военнопленный, звание его мы не знаем...

– Нам оно и ни к чему, – перебил генерал, – плен любого до рядового разжалует. Как его фамилия, кличка?

– Этого мы тоже не знаем, товарищ генерал. Это могли знать капитан Калинин и командир разведчиков полковник Осокин, но...

– Что но?

– Та воинская часть уже расформирована, полковник Осокин откомандирован на Дальний Восток, а капитан Калинин с группой разведчиков погиб в феврале этого года: на них вышла диверсионная группа немцев... Был бой. Все разведчики погибли, но успели уничтожить документы.

– М-да, – задумчиво произнёс генерал, выпуская вверх колечки дыма и наблюдая за ними. – И что же вас так тревожит? Война кончилась, документов и свидетелей, которые подтвердили бы личность агента, нет?

– В донесении, что пришло из госпиталя, упоминается фамилия Ложкин. Это бывший помощник начальника штаба той самой дивизии, который в первый год войны ушёл к немцам, прихватив папку с секретными документами. Видимо, наш Перебежчик знал его и мог бы что-то сообщить о нём, указать его местонахождение. Кроме того, в бреде раненый называл Карпаты. Известно, что фашисты, отступая, оставляют у нас в тылу организованные группы своих агентов и простых бандитов для ведения подрывной деятельности. Вероятнее всего, они укроются в Карпатах. Возможно, что последних своих курсантов школы немцы отправляли именно туда. При осмотре разбитой машины мы обнаружили восемнадцать трупов мужчин, одетых в гражданскую одежду, но вооружённых пистолетами и гранатами. Видимо, это и был их последний десант. Возможно, что среди погибших был и бывший подполковник Ложкин. У него была особая примета на теле, и мы этот факт сейчас проверяем.

– Ну хорошо, готовился десант в Карпаты, был изменник Ложкин, но сейчас это просто трупы! Они-то сейчас чем нам страшны?

– Товарищ генерал, есть предположение, что эта группа была последняя, но до неё могли быть и другие, и наш Перебежчик мог знать тех диверсантов в лицо, описать их, сообщить район, где им предстоит действовать... Такие разведчики держали с нами связь через местное население: передавали донесения через них.

На советской территории эта связь действовала хорошо: люди по большей части сочувствовали Красной армии, а вот за границей дела хуже шли и многих наших разведчиков поляки, венгры и прочие просто сдавали фашистам, в те же школы, где эти агенты работали. Их там и расстреливали. Вы представляете, товарищ генерал, если он без связи долго был, то сколько полезной информации у него в голове...

— Ага! Представляю, и потому-то фашисты полголовы ему и снесли! Может быть, этим осколком они всю его информацию и уничтожили, а?

— Конечно, может быть, но, товарищ генерал, врачи говорят, что у него посттравматическая амнезия, а она обычно проходит... со временем... Как говорится: пятьдесят на пятьдесят...

— Вот-вот — «со временем»! А где оно у нас? Войска начали отводить домой, многие части реформируются, а некоторые прямоком направляются на Дальний Восток добивать самураев.

— Товарищ генерал, я думаю, фашисты оставляют на нашей территории не только диверсантов, но и агентов с перспективой на организацию шпионской сети. Их-то нам тоже надо отлавливать...

— Правильно мыслишь, майор, надо! Вот и ищи полковника Осокина, используй связь НКВД, у них она всегда надёжно работает. Задайте полковнику все необходимые вопросы по данному факту, пусть он обязательно вспомнит фамилию нашего Перебежчика и всё, что он о нём знает.

— А с ним-то самим что делать? Военврач сообщает, что их госпиталь готовят к эвакуации в Советский Союз... Потеряется наш Перебежчик в этой кутерьме или, не дай бог, зашибут в сутолоке?

— Что же, мне теперь его в своей генеральской машине возить, пока он не очухается или совсем помрёт?!

— Товарищ генерал, мы подготовим документ за вашей подписью, где поручим, чтобы его лечили, пока он не придёт себя, лично обяжем лечащих врачей держать нас в курсе постоянно. А если госпиталь расформируют, то отправить его в лазарет закрытого типа. Связь с этим лазаретом или приютом, не знаю, как он там называется, держать через местные органы НКВД.

— Вот и хорошо, майор, подготовь документ — и мне на подпись, лично ответственным за это дело назначь... Дубова. И чтобы он знал

в любое время дня и ночи, где и в каком состоянии находится ваш Перебежчик.

Генерал посмотрел на старшего лейтенанта, потом на майора:

— А не засиделся ли он у тебя в лейтенантах? Капитана ему присвоить — всё солиднее будет выглядеть, а за поиски Осокина сам возьмишься...

* * *

В палате госпиталя царил вечерний сумрак, тёплый летний ветер слегка задувал через раскрытое настежь окно, шевеля широкие листья цветка, одиноко стоящего на подоконнике. Пять из десяти кроватей в палате пустовали. Четверо пациентов, похоже, уже дремали в преддверии близкой ночи, а пятый, в углу, у самого окна, лежал недвижно, упёршись взглядом в невысокий потолок. Наконец-то боль ушла, голова прояснилась, но он продолжал лежать без движения, молча, почти не мигая. Может быть, в этот час он что-то хотел вспомнить, понять для себя, кто же он и где он, но память отказывалась служить... Коротко охнув, он обессиленно закрыл глаза, и вскоре в плотной темноте сознания стали мелькать сполохи картинок из его жизни.

На тенистой лесной поляне, около какого-то деревянного строения он увидел себя как бы сверху, со стороны. Рядом на плохо струганных досках лежала молодая женщина. Лицо было ему знакомо до боли, но он не мог вспомнить её имя. Около него сидела пожилая женщина. Лицо тоже было знакомо, но и её имя память не отдавала. Оба они неутешно плакали, потому что женщина, лежавшая перед ними, была мертва...

А вот на него ползёт со страшным грохотом мрачное чудище, и сквозь грохот он слышит свой истошный крик: «Патрон!!! Дай патрон!!!». Что это было, кому он кричал? Память упорно молчала...

Он стоит у завалившегося плетня во дворе избышки-мазанки и наблюдает, как пожилой мужчина что-то копает в земле. «Где твой сын? — слышит он свой голос. Он у него суровый, грозный. — Почему ты не сказал, что он воюет за врага?» Мужчина бросает лопату, падает на колени, в отчаянии тянет к нему руки и что-то кричит. Слова непонятны, но он видит слёзы мужчины. И снова слышит свой голос, но уже совсем не злой: «...Я не буду спрашивать, где твой сын, но ты передашь мои письма офицеру Смерша, который придёт сюда скоро...». Мужчина радостно кивает и перестаёт плакать, а он опять не может

понять, почему он так говорил с ним и что такое Смерш...

«Ты почему не приветствуешь старшего по званию?! Ты думаешь, если я Ложкин, а не Гитлер, то на меня можно наплевать?!» – толстый мужчина средних лет, брызжа слюной, наступал на него. От его крика он и проснулся...

Измученный сильными головными болями, а теперь ещё и фантомными картинками воспоминаний, больной какое-то время безучастно смотрел вверх, а потом обессиленно закрыл глаза и снова забылся долгим беспокойным сном. Его мозг по-прежнему не хотел подчиняться. Врачи разрешили ему подниматься с кровати, ходить в помещении, научили принимать пищу и выполнять другие необходимые действия, пытались говорить с ним, и подвижки были, но говорил он с трудом, неохотно и односложно: «да», «нет», «не знаю», «не помню». Память вернуть ему не могли и выписать его из госпиталя не могли как по медицинским показаниям (полная амнезия!), так и по другой причине: у главврача в сейфе лежало письмо за подписью генерала Смерша, где врачам было строго предписано лечить Перебежчика до полного выздоровления и периодически направлять по указанному в письме адресу необходимую информацию о состоянии здоровья пациента под условным именем Перебежчик, а в случае эвакуации госпиталя в Советский Союз и расформирования его определить больного в закрытое медучреждение с установлением за ним неотложного наблюдения. Но, как ни тщательно были продуманы смершевцами меры по охране своего важного агента, реальная жизнь внесла в них существенные поправки...

Вскоре после указанных событий скоропостижно скончался усатый пожилой генерал, начальник армейской разведки, после одного из ответственных совещаний. Похоронили его с воинскими почестями, но дела его преемник принимал в нервной обстановке, когда шло расформирование части и воинские эшелоны с демобилизованными солдатами уже потянулись на восток, а такие незначительные дела, как дело Перебежчика, порой выносились реформаторами, вольно или намеренно, за скобки и отправлялись в главный военный архив, в Подольск.

Майор, начальник отдела армейской разведки, так усердно принялся разыскивать полковника Осокина, откомандированного после Победы на Дальний Восток, что какой-то большой чин из НКВД, к тому времени преобразованного в МГБ,

шутки ради или вследствие большой нужды в опытных офицерах в боях с самураями, откомандировал его самого туда: мол, так скорее найдёшь нужного тебе полковника! Опротестовать такое решение было уже некому, потому как непосредственный начальник майора, усатый генерал, был уже мёртв. Капитан Дубов после расформирования их части с группой офицеров был направлен в Прибалтику для обуздания «лесных братьев». Борьба с ними затянулась на долгие годы, а сам Дубов был убит в перестрелке с бандитами в мае сорок шестого года.

При переводе военного госпиталя в Союз всех его пациентов распределили по тыловым госпиталям Омска, Томска и Новосибирска. Памятуя о письме из Смерша, военврач определил Перебежчика и ещё несколько подобных пациентов в медучреждение закрытого типа, имевшее статус сродни туберкулёзному пансионату и психиатрической больнице. Врачи этого учреждения, упреждённые о необходимости регулярно сообщать сведения в Смерш, отправили туда пару писем, которые вскоре вернулись с короткой припиской: «Адресат не дислоцируется по данному адресу». А вскоре дошла весть об упразднении Смерша. Так таинственный Перебежчик, он же Никита Кузнецов, физически окрепший, но до сих пор не вспомнивший ни своего имени, ни биографии, оказался в роли мистера Икса. Незадачливый начальник районной милиции, уступая настойчивым просьбам главврача медучреждения, в котором «на доверии уже более полугода находится бывший немецкий солдат, скрывающий своё имя и имитирующий полную амнезию», ничтоже сумняшеся лихо подмахнул жалобу главврача и направил необычного пациента в проверочно-фильтрационный лагерь (ПФЛ), что находился близ города Прокопьевска, откуда «проверенные» лица отправлялись в 25-е лагерное отделение ИТЛ № 525. Так осенью сорок пятого года Никита Кузнецов вернулся в родную Сибирь неродным сыном...

ГЛАВА 6

Туда же, в Толмеццо, куда был откомандирован Фёдор Кузнецов, в ту пору со всей Европы разными путями добирались и старые казаки-эмигранты в надежде сформировать сплочённую Казачью дивизию для сражений с коммунистами и освобождения России. И хотя советские войска уже штурмовали Берлин, в рядах добро-

вольцев-эмигрантов упорно муссировались слухи о том, что союзники уже поняли, каким злом является коммунизм, и непременно призовут казаков в качестве помощников Англии и Америки в будущих сражениях со Сталиным и Тито. Похоже, такие расчёты привлекали в Толмеццо не только беглецов из СССР, но и военных эмигрантов старой волны, среди которых были руководитель Резерва казачьих войск генерал-лейтенант А. Г. Шкуро и начальник Главного управления казачьих войск Третьего рейха генерал П. Н. Краснов, герой Первой мировой войны Атаман Всевеликого Войска Донского в период Гражданской войны в России.

Предчувствуя агонию фашистского режима, в эти весенние дни резко активизировали боевые действия на Западном фронте войска союзников и партизаны, и потому Казачий Стан был вынужден спешно покинуть Италию. С тридцатого апреля по седьмое мая сорок пятого года, преодолев высокогорные альпийские перевалы, казаки пересекли итало-австрийскую границу и расположились в долине реки Драва между городами Лиенц и Обердраубург, где им было объявлено о капитуляции Казачьего Стана перед английским экспедиционным корпусом. Английские старшие офицеры, участвовавшие в подписании акта о капитуляции, клятвенно заверяли русских командиров, что выдачи их большевикам не будет, советовали спокойно отдыхать, «а завтра в семь часов утра вам будет подан завтрак: кофе и булочки...». Коварству британцев не было предела, поскольку менее чем через месяц на берегах Дравы, в предместье австрийского города Юденбург, состоялась насильственная выдача в Советский Союз десятков тысяч казаков, калмыков и кавказцев, где их ждали суды, расстрелы, а кому повезет – только ужасы сталинских лагерей и спецпоселений. Вместе с рядовыми казаками и офицерами были выданы их командиры – генерал П. Н. Краснов, его племянник полковник С. Н. Краснов, возглавлявший штаб Главного управления казачьих войск, генералы А. Г. Шкуро, Т. И. Доманов и Г. фон Паннвиц, а также предводитель кавказцев Султан Келеч-Гирей. Шестнадцатого января сорок седьмого года на закрытом судебном процессе в Москве все они были осуждены и приговорены к смертной казни через повешение.

Мрачным и подавленным был Фёдор Кузнецов в последние минуты перед посадкой в вагон.

Два поезда с арестантскими вагонами уже стояли под парами в ожидании своих подневольных пассажиров. Людей кругом толпилось много, и все они были такие же мрачные, замкнутые в себе, как и он сам, их речь звучала сдержанно и приглушённо. Так обычно переговариваются малознакомые люди на похоронах. И только один малорослый, невзрачный мужичок, похоже, переводчик-еврей, что обслуживал русский конвой, стоял у вагона, переминаясь с ноги на ногу, и с глупой улыбкой на лице повторял одну и ту же фразу всякому, кто оказывался рядом с ним:

– Сейчас, господа хорошие, поедете... Ту-ту! Домой! В Сибирь! – после чего непременно добавлял какое-нибудь слово на немецком, английском или итальянском языке.

На него смотрели недоумённо, качали головой, но в разговор не вступали.

И вдруг проходивший мимо мужчина, лет пятидесяти, плотный, с небогатой растительностью на голове, одетый в изрядно поношенные шаровары с жёлтыми лампасами и серую брезентовую куртку, остановился напротив этого несуразного человечка и рыкнул:

– Ты что тут ахинею несёшь: «зер гут», «граци»? Здесь же все русские люди! Казаки тут! Разуй глаза! А если и повезут нас в Сибирь, так только для того, чтобы там расстрелять! А ну пошёл отсюда!

Испугавшись грозного окрика, человечек замолчал и как-то бочком убрался к другому вагону, который также стоял с широко распахнутыми дверьми. Голос сердитого человека Фёдору показался знакомым, и он пошёл вслед за ним. Накануне, когда их привезли на грузовых машинах на территорию заброшенного завода под Юденбургом, он пытался отыскать в этом людском муравейнике хотя бы одно знакомое лицо – увы! Нет, земляков из Сибири или из Баварии он и не чаял здесь встретить, но кто-то из курсантов их школы должен тут быть, не все же погибли, должен же кто-то остаться?! Казацкому роду нет переводу!

Человек в шароварах, словно почувствовав к себе внимание со стороны незнакомца, вдруг резко повернулся:

– Фёдор?! Кузнецов?! – выдохнул он с радостной улыбкой. – Ты как здесь?

– Севастьян! Дружище!

Они обнялись. Заметив на лицах окружающих недоумение и даже осуждение, они быстро взяли себя в руки.

– Не время, Фёдор, так радоваться, когда из заднего места полгроба торчит...

– Зачем так мрачно, Сева? Ты лучше скажи, что тебе известно о наших ребятах?

– Мало что... – Малышев достал из необъятного кармана шаровар портсигар и предложил папироску Фёдору. – Слышал, что Ратке попал в плен к большевикам... Ротмистра Селина помнишь? Кто-то видел его труп на следующий день после беседы с Кнауфом, помнишь? Он же его куда-то повёз и...

– Думаешь, он? – Фёдор, прищурился от едкого дыма папиросы, вопросительно смотрел на есаула.

– Он, не он. Сейчас этого уже никто не узнает, а только мы все по краю ходим: между лагерем и расстрелом. Весёлая ситуация? А ты знаешь, что грузин-то наш, Кипиани, тоже погиб?... От своей горячности! Помнишь, он всё пузырился: «Не хочу! Не буду!...»? Выступал где-то в лагере, в Польше, а там грузин было много среди пленных. Он выступает перед военнопленными, а ему что-то из толпы по-грузински крикнули. Он – в ответ. Немец кричит на Давида, а тот отмахнулся и вперёд, к землякам, а сам всё говорит по-своему... Получил две пули в спину...

– М-да... Горячий был паренёк! О чём он говорил-то?

– Да кто ж его знает... Может, язык родной услышал в первый раз за столько лет, вот и ошалел.

– М-да, Сева, – задумчиво произнёс Фёдор. – А ведь у меня было то же самое... Помнишь наш с тобой разговор на Рождество? Не сдержался всё же я и однажды сказал пленным, что война кончается, что казаки не смогут остановить русских, но сами обязательно погибнут! Сказал ещё, что Россия нам измены не простит... А за спиной у меня стоял с пистолетом Ратке...

– И... он не выстрелил? – Похоже, Малышев был ошарашен услышанным. – Он тебя пощадил?! А переводчик был рядом?

– Какой переводчик, Сева, ведь Ратке лучше нас с тобой говорит по-русски!

– Ах да... Тогда понятно: автоматчики не бельмеса не понимают по-русски, пленные – не в счёт... Я же тебя тогда предупреждал!.. Ох, повезло тебе, Федя, что Ратке не такой уж фашист оказался... Встретитесь после войны – не забудь проставиться и угостить его...

Оба засмеялись, но тут же убрали улыбки с лиц и заговорили едва ли не шёпотом.

– В Сибирь нас, Фёдор, посылают, к тебе домой! Рад?

– Шутить изволите, господин есаул?! Почти тридцать лет я по заграницам мотаюсь, в Германии – жена и сын, а дома?.. Кто знает, что там сейчас! Помнишь, нам в школе говорили: Россия – один огромный лагерь!

– Помню, слышал... Тут кто-то из конвойников поделился новостью с товарищем, а я ненадолго услышал: эшелон с военнопленными отправился в Россию, вот как нас сейчас, да только не дошёл он до России. Где-то в Польше завели состав в тупичок на станции, а там и постреляли всех из пулемётов прямой наводкой, прямо в вагонах. Зачем, мол, врагов Родины кормить зря?!

– Неужто правда, Сева? – Фёдор даже губу прикусил. – Это ж... Да разве ж можно так-то?

– Мы с тобой, Федя, почти тридцать лет там не были и потому не знаем: что сейчас там можно, а что не можно. В лагерях-то оно несладко нам будет, а всё же лучше, чем под пулемёты! Пойдём строиться. Давай, Фёдор, держаться вместе, но на допросах не говорить, что мы давно знаем друг друга, что служили вместе... Там такие ищейки, в НКВД, – враз до пупа расколют, а то и до самой ж... Ну ты понял докуда?!

75

На месяцы растянулось путешествие Фёдора Кузнецова в родные края. Ни радости при том не было, никаких удобств – вагоны-то арестантские... Как бы то ни было, но к исходу осени срок пятого их состав прибыл в шахтёрский город Прокопьевск, где их ждал проверочно-фильтрационный лагерь № 0315, откуда шла прямая дорога в исправительно-трудовые лагеря, коих в Кузбассе в ту пору было больше, чем в любом регионе СССР.

***

Только лето и посидела с сыном молодая мать Кузнецова Фаина Сергеевна. В сентябре, когда управились с огородом, вышла она на работу в свой маркшейдерский отдел. Казалось, невелика персона – чертёжница, но коллектив-то малочислен, и отсутствие на рабочем месте даже одного работника было ощутимо. Другое дело, что с выходом Фаины на работу в семью добавлялась рабочая продовольственная карточка и зарплата. Выслушал свою чертёжницу начальник отдела и пообещал по мере возможности её пораньше с работы отпускать, другие послабки делать – как-никак, война уже позади, а за ребёнком нужен глаз да угод.

А маленький Витюшка оставался теперь на целый день под присмотром своей прабабушки Алёны Ивановны. Дело для неё знакомое – подняла эта женщина детей своих, внуков, а жизнь так повернулась, что и правнука надо нянчить. Седьмой десяток уже, но силы ещё есть, а главная радость для неё – ладно живут молодые, жалеют друг друга, жалеют и её, великовозрастную няньку. Но больше всего она радовалась, что оставил, наконец, её внука в покое этот непутёвый Юрка Рыжов: сам не появляется, и Егорка его не вспоминает. Проводит она поутру молодёжь на работу, ребёнка накормит, перепеленает, уложит в люльку, а сама хлопочет по дому. И то хорошо, что правнук родился спокойным, некапризным и не болезненным, даёт своей нянке и поработать, и отдохнуть. Едва год исполнился ему, а уже побежал своими ножками, и теперь Алёне Ивановне приходилось гоняться за неугомонным пострелом – то весёлое занятие.

Как-то исподволь стала замечать она, что жизнь её налаживается: и дома покой, продукты на базаре чуть подешевели, внучок радостно лопочет, и лето ласкало её теплом и светом, да так, что забылись старые болячки, и, сама того не замечая, молодела Алёна Ивановна рядом со своим правнуком. А почему не жить в радости?! Но иной раз, когда оставалась одна, поручив Витюшку родителям, садилась она на скамейку под куст сирени, что под окном раскинул свои ветки крылья, и забывалась в своих немолодых думах, а то доставала из кармана передника единственное уцелевшее письмо от Никиты и перечитывала со слезами на глазах, притом не переставая удивляться себе: полжизни своей не могла дожидаться слёз – хотелось иной раз пореветь по бабьи, и причины были, да не получалось с тех самых молодых лет, как отца с матерью потеряла в одночасье. А тут, чуть только – и вот они! Если огорчений нет, так с радости глаза мокнут. Перечитав коротенькое письмо, осторожно сворачивала его треугольником и снова прятала в карман. Тут же у неё хранилась ещё одна бумага, казённая, где какой-то военный чин сухо и скупко сообщал ей, что «...ваш сын, красноармеец Кузнецов Никита Гордеевич, в боях за освобождение Украины в феврале сорок третьего года пропал без вести». Почти три года прошло с той поры, и за то время только два-три раза она с трудом перечитывала бумагу: и грамота не подвигала к лишнему чтению, и почерк чужой да непонятный, а главное, что написано там. И хоть не

сказано, что погиб, а всё грусть навевают слова. Но для себя она решила уже в момент первой читки: живой Никитка, так пишут, значит, никто не видел его неживого! И ждала сына по-матерински потаённо, с робкой, но неискоренимой надеждой, не открывая своих чувств даже Егору. Пришли однажды бригадники Никиты во главе с бригадиром, долго и внимательно читали это письмо, а потом рассказали много случаев, когда уже после похоронки или такого же вот известия возвращались люди домой живые, хотя и раненные. Успокоили как могли, поддержали их с Егором, выпили водки как за живого – чокаясь и желая ему скорого возвращения.

Какой-то особый подъём в эту пору испытывали и молодые. Фаина после всех прежних семейных передраг и «барачных приключений» обрела, наконец, свой кров, близких людей, а главное, разрешилась сыном в самое подходящее для женщины время – набирал силу её двадцать пятый год...

Рядом с обласканными жизнью и солнцем женщинами счастливчиком чувствовал себя и Егор. Он радовался им, с удовольствием возился с малышом, в душе ещё не веря до конца, что этот крикун есть его плоть. Летом они с Фаиной ходили на танцплощадку, где по воскресеньям играл шахтовый духовой оркестр, шли под ручку, да только танцор из Егора оказался никудышным, и потому они чаще стали ходить в поселковый деревянный клуб «Уголёк», где смотрели все новые картины, что привозили в посёлок. Ближе к осени жена ненавязчиво, но твёрдо заявила Егору, что к осени ей нужно будет взять новый джемпер из синего плюша: модно и тепло, а также напомнила, что на работу она должна появиться с обновой. Алёна Ивановна поддержала молодую женщину и отправила их за покупкой на базар в Черту, поскольку ни в поселковом магазине, ни на местном базарчике такую одежду не удалось найти. И опять Митрофаныч выручил: свозил за скромную цену, дождался с покупками, себе кое-чего прикупил по хозяйству, а потом молодых домой доставил, где кума Алёна накормила его и самогоночки поднесла.

Неторопливо и с каким-то замиранием сердца ходили они по воскресному базару, прицениваясь к товарам. Джемпер Фае купили, но она убедила мужа, что и Алёне Ивановне тоже надо купить тёплую кофту – зима впереди. Порадовался Егор той заботе, что проявила жена в от-

ношении его бабушки, и согласился. Увязав по-купки в бумагу и уложив их в сумку, направились было к выходу, но Фае вздумалось купить мяса. Уже оказавшись перед мясной лавкой, что по-прежнему находилась в дальнем углу базара, Егор словно окаменел, а хорошее настроение, которое не оставляло его всё лето, куда-то вдруг исчезло. Бледный, он несколько минут не мог нагнетиться войти туда. Ему вдруг вспомнились былые поездки сюда, оловянные глаза Бориса Ивановича, перепачканные кровью руки... Фая, заметив реакцию Егора, удивилась и потянула его за собой.

Обстановка внутри лавки почти не изменилась: те же столы, туши мяса, огромные топоры, пропитанные кровью чурбаны, три продавца в кожаных фартуках. Один из них, узкоглазый татарин Раис, даже подмигнул ему – узнал постоянного посетителя Бориса Ивановича! Самого же Бориса Ивановича в помещении не оказалось, а на двери его каморки висел огромный замок.

Пока Фая выбирала мясо, Егор негромко спросил татарина:

– А Борис Иванович... э-э... нету?

– Нэт, Бориса Иванович куда-то уехал... С полгода его уже нэт...

– А когда... будет?

Затаив дыхание, он ждал ответа.

– Нэ знаю... говорил, долго нэ будет... Эй, уважаемый, купи конины – недорого отдам...

– Нет-нет, мы конину не едим! Мы что, татары чумазые?! – недовольно бросила Фаина, подходя к Егору с покупкой.

– Э-э, почему так говоришь?! Я чумазый, поэтому что работаю, мясо рублю... Кровь тут! Э-э, нехорошо говоришь!..

Извинившись перед Раисом, Егор потащил жену на улицу, где отругал за грубые слова. Это была их первая ссора.

Двадцать лет исполнилось Егору, поправился он, заматерел и теперь рядом с разбитной и чуть располневшей после родов женушкой выглядел совсем по-взрослому. Но тут другая проблема появилась нежданно. Возвращался как-то вечером с работы, шёл мимо барака, где раньше жила Фаина. Было по-летнему тепло, и жители его высыпали из своих утлых комнатёнок, расселись на парадном крыльце, на скамейках, обсуждая дела свои насущные. Из открытого окна доносились звуки гармошки, и не-

стройный хор мужских голосов тянул песню про коногона. Едва Егор поравнялся с сидящей компанией, как все враз замолчали и воззрились на него.

Предчувствуя недоброе, Егор прибавил ходу, но из окна ему вслед понеслись пьяные выкрики:

– Ты, чмо, чё Фаю увёл от нас? Кого мы драть-то будем здесь? Этих старух, что ли?

Егор остановился, резко обернулся и увидел в окне двух мужиков: рядом с лохматым и черно-волосым был ещё один, лысый, с жидкой козлиной бородой.

Тот поддержал дружка:

– Чё вылупился? Чеши давай, а то рога быстро обломаем! Ну его, Петро, пусть попользуется маленько, мы её потом всё равно найдём!..

Из окна вырвался многоголосый хохот пьяных мужиков. Едва сдерживая нервную дрожь, Егор поспешил домой.

Из всей компании, сидевшей у входа в барак, только одна пожилая женщина принялась увещевать пьяных:

– Петро, не стыдно разве? Он же тебе в сыновья годится! Мало того, что девку опозорили на весь посёлок, так и парню жизнь ломаете!..

– Ладно, тётка Маруся, больше не будем, – снисходительно отозвался лохматый Петро, – но он тут пусть не расхаживает! Хахаль долбаный!..

Никто другой из сидящих на крыльце барака не вступился за оскорблённого парня: их не трогали – и они смолчали.

Егор быстрым шагом удалялся, а в голове роились планы мести. Он понимал, что сам никак не сможет окоротить сорокалетнего здоровяка, который вместо фронта несколько лет провёл в лагере, а появившись в посёлке, принял за старое. «Был бы Юрка – мы бы его подловили где-нибудь пьяного! А этот, чёрт лысый, туда же! Окна выбью!» Ему было двадцать лет, но обида подсказывала ему такие формы мести, какими мстили друг другу поругавшиеся пацаны.

Расстроенный, он вернулся домой, но ни с кем не поделился своей обидой и лишь на следующий день по дороге на работу, когда проходили мимо того самого барака, всё-таки не выдержал и зло бросил жене через плечо:

– Тут вот вчера какой-то Петро орал всякую гадость про тебя, мне морду обещали набить!..

– Да ты что?! – от удивления Фая даже остановилась, но потом криво усмехнулась и спросила: – И чего он тебе сказал?

– А тебе это зачем?

– Ну он же про меня сказал... или это военная тайна? Что боишься-то, скажи!

Егор шальными глазами уставился на неё:

– Что, так интересно?

– Ну да... Интересно, что человек думает обо мне...

– Это он человек? Он, говорят, зек бывший, пьяница, трудовой дезертир! Там ещё один лысый с наглой мордой...

– А, это, наверное, Кешка... Смешной такой...

– Как?! Смешной?! – Егор, скрипя зубами, пошёл на неё, готовый ударить.

– Ты чё, Егор?! Да успокойся ты, ну чё ты попусту?

– Твоего мужа избить хотели, а ты: «Кешка»? Что он, дружок тебе, что ли? Да ты знаешь, что они орали во всю глотку из окна, а на крыльце барака человек десять – пятнадцать сидели и хихикали! Теперь эту «тайну» все бабанаковцы знают! Ты мне жена или шлюха барачная?!

– Ну ладно, Егорушка, успокойся! Конечно, я тебе жена. Подумаешь, кто-то спяну что-то брякнул! – Она взяла его под руку и потянула к зданию комбината. – А чтобы к тебе не приставали, ты обходи этот барак стороной, вон по той дороге, всего лишних триста – четыреста метров...

Успокоившись, Егор остановился, достал из кармана папироску и стал нервно прикуривать, а Фаина, продолжая тихонько двигаться дальше, приговаривала себе под нос:

– Ну Петька, ну Кешка! Ну козлы вонищие! Мало того, что... Так ещё и ославили! Хрен вы меня больше увидите!

Не сказала она Егору, что Петро сидел в лагере вместе с её бывшим мужем, откуда и привез ей от него привет и наказ – пожалеть и приласкать несчастного сидельца. Станным показался ей этот наказ, но как проверить его слова, а между тем она уже больше года была без мужа, без мужика, а тут такой черноволосый красавчик, почти цыган, песни коих она с детства любила слушать. Поверила, исполнила мужний наказ раз, другой. Понравилось! Коньяком угощал кавалер девушку-простушку, потом дружка привёл с собой, того самого Кешку. Угостил его и коньяком, и чужой женой. Взбрыкнулась было Фая, да сил уже не было: напоили её крепко мужики, а потом потешались над ней вдвоём... Укатали они её тогда!.. У дурной славы крылья лёгкие, и вскоре другие мужики из барака стали её помогать... Для неё

замужество было как спасение, да посёлок-то совсем небольшой – не спрячешься! Первое время бывшие кавалеры оставили её в покое: замуж баба вышла, пусть с муженьком наmilуется, решили они. Потом с животом ходила – не до кавалеров! А уж как на работу вышла и заглянула однажды в барак, чтобы забрать какие-то свои вещи, что оставила на сохранение своей подружке... Подружки дома не оказалось, зато Петро с Кешкой гулеванили у себя. Пить с ними она нарочь отказалась, а вот в другом вопросе ей пришлось уступить. Уже тогда, возвращаясь домой, она решила для себя, что больше её ноги там не будет. И не было – стороной барак обходила и мужу наказала так же ходить, а когда услышала его рассказ, то ворохнулось что-то у неё внутри: видно, «цыгана» вспомнила, а Кешка? Что Кешка? Кешка тут случайно оказался... Поразмыслив потом, Фаина решила, что вряд ли оставят её в покое бывшие ухажеры, а значит, надо куда-то подалее переезжать. Но куда?..

***

Первую годовщину Победы Кузнецовы неожиданно для себя хорошо отпраздновали. Витюшке тоже год исполнился, а по такому случаю решила Алёна Ивановна побаловать молодых и самого именинника. Пока Егор с Фаиной ходили на шахтовый митинг, она шей наварила, винегрета сделала целый тазик, блинов напекла. Только сели за стол, как в дверь кто-то постучал, и весёлой ватагой вошли бригадники Никиты во главе с Кузьмой Иванычем.

Несколько минут неумолчно звучали поздравления, шутки, смех, пока, наконец, Сидоров не скомандовал:

– Васька, заноси!

Васька и Сашка внесли в дом детскую коляску и поставили посередине комнаты, рядом с праздничным столом.

– Вот, Алёна Ивановна, и вы, молодые родители, примите автомобиль для Виктора. Пусть сызмальства привыкает к машине. Подрастёт – свою купит и будет катать родителей, и чтобы бабу Алёну не забыл прокатить! Не обессудьте, хозяева, что аппарат такой получился. Новую-то где возьмёшь, в Сталинск надо ехать или в Кемерово, а у Леонтия была поломанная коляска, так мы её починили, как-никак слесаря, почти инжэнэры! Кое-что улучшили, рессоры поставили, крышу заменили да ещё бибику приделали. – Кузьма Иваныч нажал клаксон, и дом наполнился звуком, от-

дальённо напоминающим автомобильный сигнал, но тут же из угла, где стояла кроватка с именинником, раздался испуганный плач ребёнка.

– Ну вот, юбиляра разбудили, – с досадой проговорил бригадир.

– А ничё, Кузьма Иваныч, – успокоила Алёна Ивановна, – он уже давно спит, так и Победу проспит, и свой день рождения. Возьми-ка его на руки, Фая, я потом заберу...

– Так, Леонтий, бутылки на стол! – продолжал командовать Сидоров. – А ты, Шурик, подавай наши цветы!

Осторожно приняв два букетика свежих подснежников, он вручил их женщинам:

– Не судите строго, товарищи женщины, всей бригадой полянку облазили: всё что было – то и принесли!

Снова раздался смех, слова благодарности и весёлый, чуточку бестолковый разговор, за который было трудно уследить.

Когда расселись за столом, тот же Кузьма Иванович произнёс первый тост за Победу и за товарища Сталина, а потом добавил:

– За вашего Виктора-победителя будет следующий тост...

Около часа продолжалось веселье у Кузнецовых, а когда Алёна Ивановна вышла на кухню, чтобы дорезать хлеба, Сидоров поспешил за ней. Присел за стол, усадил и Алёну Ивановну.

– Отдохни, Алёна Ивановна, пусть молодёжь там повеселится без нас. От Никиты ничего не было?

Женщина молча покрутила головой, а лицо её приняло скорбное выражение.

– Всё-всё! Это ещё ничего не значит! Будем ждать и надеяться! Как здоровье? Где-то болит?

– Шутник ты, Кузьма Иваныч, спрашиваешь так, будто готов взять все мои болячки на себя!

– Алёна Ивановна, и взял бы, и болячки, и всю тебя, так ведь опять скажешь «нет»?

– Скажу, Кузьма! Зачем я тебе такая? Мне ведь уже семьдесят лет скоро будет, а тебе чуть за пятьдесят поди?

– Ну и что? Ты вон какая статная да красивая! Да никто даже не догадается, что мы не ровня!

– Да что там, догадаются – не догадаются? Через год-два я совсем старая стану, рассыпаться начну, а ты ещё хоть куда кавалер! Нет, Кузьма, давай уж останемся друзьями. А то Никитка вернётся домой и скажет: «Сдурела мать на старости!»

– Да не скажет он...

– Отстань, Кузьма, а то разругаемся! На мне же Витюшка ещё, куда они без меня! Давай больше без этих разговоров...

Сказала твёрдо, как всегда умела, и редко кто, мужик ли, баба, осмеливался ей перечить. Замолчал и Кузьма Иваныч, грустно голову опустил, и, чтобы хоть как-то отвлечь его, женщина задала ему совсем неожиданный вопрос:

– А куда это у вас подевался Юрка Рыжов? У нас не появляется и Егорка о нём молчит?

– Да и слава богу, Алёна Ивановна! Понаблюдали мы за ним – кручёный-верчёный он какой-то, его на одном месте не поймашь! С полгода, как уволился, пошёл на цинковый завод: что там гайки крутить, что здесь, да там хоть над головой глыба не висит. Кто-то из ребят недавно видел его в городе, и жаловался Юрка, что зарплата там меньше... Грозился по осени вернуться на шахту. Всю войну просидел на шахте, чтобы на фронт не взяли, а сейчас нет войны, вот он и куролесит... То с похмелья придёт на работу, то опоздает. Наказать его хотели, вот он и сбежал на завод. Наверное, думает, что за год забудут про его фокусы, потому и вернуться хочет. В бригаду мы его не возьмём больше! Я ведь всё боялся, что он Егора испортит!

– И мне было тревожно, Кузьма Иваныч, ну да сейчас Егорка при жене – остепенится, должно быть, хватит в недорослях ходить!

– Ох и строга ты, Алёна Ивановна! Как же муж-то твой, Гордей, мирился? Не ругались?

– Золотой человек Гордеюшка, горяч был, но на мне никогда не отыгрывался. Бывало, вижу, что сердится, но молчит... Может, ругнулся бы, так полегчало бы?! Нельзя молчать, пары-то выпускать надо, чтобы сердце не лопнуло. Бывало, сама его просила: «А ты ругнись, Гордеюшка, глядишь, отпустит...» Не послушался меня – посадил сердце... Да ещё курил что ни походя... Да-а, что теперь говорить! Больше десяти годков уже прошло... А ты на меня, Кузьма, не сердись, но сватать больше не сватай – нашёл невесту!

Тяжело вздохнул жених-неудачник и вернулся за праздничный стол, где налил целый стакан водки, выпил и скомандовал своей бригаде:

– А ну, орлы, полетели! Хватит хозяев утомлять! Да именинник уже почти спит...

Отгуляли праздники – опять работа пошла. Следуя совету жены, Егор теперь обходил барак

окружной дорогой, чтобы только не встретить своих обидчиков, а в душе всё равно свербило – обидно было.

Только немного подзабылась обида, как столкнулись с Петром нос к носу в комбинате. Разулыбался он, даже дружески хлопнул Егора по плечу:

– Здорово, своячок! Как оно ничего? Ну-ну, живи да радуйся пока...

И снова под сердцем заглодело. И снова Юрка вспомнил: тот бы придумал, что делать!

Ближе к осени пришлось везти ребёнка в больницу, что в городе была, а Митрофаныч – тут как тут. Пока Фая с сыном в очереди сидела да у врача была, вышел Егор на улицу, а тут и цинковый завод рядом. Пошёл Егор хоть посмотреть на него издали, а навстречу – сам Юрка Рыжов! Обнялись, потом присели на лавочку, разговорились – за год-то много всего накопилось. Дошла очередь и до обидчиков Егора. Выслушал его Юрка, призадумался...

– Ну, Егор, этого гада, как Шомонина, в яму не сбросишь... А ты когда Бориса Иваныча в последний раз видел?

– О-о!.. – протянул Егор. – Почти столько, сколько и тебя...

– Ах да... Я и забыл... Его же куда-то командировали, но говорят, что он должен скоро появиться. Вот ему и сдай этого гада!

– Как это?

– Как-как! Как блатыря того из барака, как Диму-на-подхвате, забыл, что ли?

От этих слов у Егора спина похолодела и на лбу пот выступил: забывать уже начал он эти встречи, разговоры и свинцовые глаза Бориса Ивановича... А Рыжов, не заметив, как изменилось состояние его приятеля, продолжал как ни в чём не бывало.

– Скажи Борису Иванычу, что слышал, как этот Петя стишки нехорошие рассказывал про товарища Сталина...

– А я не слышал и не знаю... – замялся Егор.

– Фу ты, дурачок! Ты, главное, скажи, а уж он сам придумает, что с ним делать... Запомни стишок:

*...А у сталинской шпаны
На троих одни штаны.
Один носит, другой просит,
Третий в очередь стоит.*

Запомнил?

Егор зажмурил глаза, два раза повторил полушёпотом, после чего кивнул – запомнил.

– Ну слава богу! А лучше напиши их на бумажке химическим карандашом, бумажку засунь ему в робу... Он в той же мойке моется, что и ты?

– Иногда вижу его там, когда в одну смену... Я даже фамилии его не знаю...

– Ну, парень, если ты хочешь наказать его, должен покрутиться: узнай фамилию у Фаи, только не вздумай ей рассказать о нашем разговоре... Напиши стишки печатными буквами, а карандаш выброси потом. Узнай, где его роба висит: там же у всех роба на крючках висит. Узнай, в какую смену он ходит, появись там раз другой, банщица-то там одна, за всеми не уследит, а ты тихонько сунь ему в задний карман бумажку эту... Сразу же Борису Иванычу скажи... через милиционера нашего: мол, видел, что записку со стишками он пихнул в задний карман... И про второго, про Кешу, скажи, что пьяный шутил, мол, шахту надо взорвать, чтобы на работу не ходить...

Подробно, основательно обсказал Юрка Егору всё, что ему надлежит сделать, а прощаясь, добавил:

– Ничё, Гоша, однако, скоро я вернусь на шахту: денег мало плотют на цинкаче, жара, вонища в цехах, что дышать нечем. В шахте и то легче дышать! Мы ещё повеселимся с тобой, а Славке привет передавай, да никому не говори о нашем разговоре, а то самого тебя заберут!

– А этого Петра точно заберут? – робко спросил Егор.

– Если сделаешь всё, как я тебе сказал, заберут, и вам с Фаей не надо будет никуда уезжать, понял?

Всё понял Егор и потом только ждал, когда появится Борис Иванович. Ждать пришлось недолго. Накануне седьмого ноября сорок шестого года, когда Егор направлялся домой, на крыльце комбината его негромко окликнул милиционер Петухов и чуть не шёпотом проговорил:

– Зайди-ка в мой кабинет, там тебя дядя дожидается...

Обидчиков Егора, Петра и Кешу, арестовали накануне Нового года, и он их больше не видел. Через какое-то время уже Фая поделилась с ним новостью об их аресте, а ей рассказала подружка, что жила в том же бараке. Похоже, судьба улыбнулась Егору и Фаине, и теперь можно было жить, не боясь угроз...

Вот и война осталась позади. Казалось бы, каких-то четыре года для человеческой жизни – совсем ничего, а поворошишь память, вспомнишь пережитое – под сердцем тяжело. Сколько людей, что жили рядом, работали, радовались с тобой каждому новому дню, теперь остались вдруг только в воспоминаниях. Всего-то четыре года, но как за это время поднялся Кузбасс! Около ста промышленных предприятий были эвакуированы из европейской части СССР и обрели свою прописку на Кузнецкой земле, кто-то остался здесь на четыре трудных военных года, а кто-то навсегда. Именно в это время произошло становление Кузбасса, сформировался мощный оборонный комплекс. Кузбасские уголь, металл, химическая продукция, хлеб, вооружение и боеприпасы крепили оборону страны. Именно поэтому встал вопрос о выделении его в самостоятельную область, и в январе сорок третьего года Кузбасс получил свой новый статус – Кемеровская область.

Вместе с тем на его территории в годы войны появились иного рода спецучреждения, наличием которых не принято гордиться, а то и вовсе не поминать их всуе. В годы «большого террора» в СССР, которые выпали на тридцать седьмой и тридцать восьмой годы, на территории Кузбасса существовала густая сеть исправительно-трудовых лагерей – горестный приют для сотен тысяч изгоев, ставших жертвами политических репрессий. По плотности пребывания таких арестантов, как политических, так и уголовных, на одном квадратном километре Кузбасс занимал в Советском Союзе первое место.

Война внесла коррективы, и к уже существовавшим в СССР исправительно-трудовым лагерям (ИТЛ) в декабре сорок первого года прибавляются новые, проверочно-фильтрационные, основным назначением которых была проверка лиц, бывших в плену или на оккупированной территории. Впрочем, свой статус ПФЛ получили только в январе сорок пятого, а до той поры официально и в обиходе они именовались как «спецлагеря НКВД». Появились такие спецучреждения и в Кузбассе: ПФЛ № 0314 – в Кемерове, № 0315 – в Прокопьевске. За четыре военных года через них прошло около четырёхсот тысяч человек «спецконтингента». Именно сюда, в город Прокопьевск, и прибыл в сентябре сорок пятого эшелон с военнопленными, среди которых находился Фёдор Кузнецов.

Выгрузка из вагонов проходила в дальнем тупике станции Прокопьевск в плотном оцеплении конвоиров с собаками. Офицер, руководивший выгрузкой, покурил папироску и что-то вполголоса объяснял стоящим рядом военным, а в это время из вагонов медленно и суетливо выбирался осатаневший за долгую дорогу «спецконтингент».

Когда выгрузка закончилась и нестройные ряды арестантов замерли около своих теплушек, офицер обратился к ним с напутственной речью:

– Ну что, граждане дезертиры, предатели и изменники Родины, вы прибыли в славный шахтёрский город Прокопьевск. Курорта вам не обещаю, но несколько бараков вас уже ждут, а те, кому не хватит там места, будут жить в палатках и строить себе жильё, потому как зимы в Сибири лютые и без тёплых бараков вы здесь все передохните. С вами будут работать опытные работники НКВД, которым вы должны будете рассказать всю свою подноготную: где воевал, с кем воевал, кого убивал, как попал в плен. Палачей и карателей ждёт суровое наказание, а заблудших и запуганных мы отправим на работу в шахту или на строительство. За время дороги вы, наверное, совсем отупели, но сейчас придётся всё вспоминать и рассказывать следователям. Машины вам не положены – пойдёте пешком. На ходу не разговаривать, слушать команды конвоиров и помните: шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству, прыжок на месте – покушение, оружие будет применяться без предупреждения! Вы не должны нарушать покой горожан! Конечный пункт движения – микрорайон Тырган, что значит на языке сибирских туземцев – Гора ветров. Ну большой горы там нет, как и ветров, но есть проверочно-фильтрационный лагерь № 0315. Я думаю, мозги вам там хорошо продуют и всю вашу контору из башки выбьют. А теперь, Иван Петрович, командуй!

Последние слова были обращены к начальнику конвойной команды, пожилому тучному капитану, в круглых очках с чёрной оправой, сам же он направился к легковой машине, что поджидала его по другую сторону железнодорожного полотна. Сегодня для него это был второй эшелон, а вечером ожидался третий. Он знал, как это важно – быстро и организованно встретить очередную партию спецконтингента и без происшествий доставить их в лагерь, но для него работа этим не заканчивалась. Надо было

арестантов правильно разместить по баракам, чтобы не повторилась история, имевшая место в лагере полтора-два года назад, когда мусульмане – крымские татары и турки-алхетинцы по недосмотру тогдашнего начальника лагеря попали в один барак с пленными греками и армянами и едва не устроили кровавое побоище не хуже того, что было полвека назад. До стрельбы дело дошло, а наиболее ретивых пришлось этапировать в кемеровский лагерь.

В начале войны в лагерь поступало небольшое количество военнопленных, и работа по выявлению из их числа карателей, изменников и прочих врагов народа шла планомерно, обстоятельно, без всякой штурмовщины, хватало служебных помещений для сотрудников, хватало и жилых помещений для арестантов. Но война уверенно шла к своему завершению, Советская армия успешно добивала врага, а вместе с тем вглубь страны резко возросли потоки военнопленных, и потому в спешном порядке пришлось открыть новое лагерное отделение, дополнительно строить жилые бараки и увеличить штат лагерной охраны.

Второе лаготделение, куда попал Фёдор Кузнецов и все обитатели их вагона, располагало все семьёю ветхими деревянными бараками и одноэтажным кирпичным зданием с плохо оштукатуренными стенами, которое ещё в начале войны было занято руководством лагеря и его оперативным составом. Вся территория лагеря была обнесена колючей проволокой, а у входных ворот и в противоположном от них углу высились невысокие караульные вышки, на которых были установлены небольшие прожектора. Днём вышки пустовали, и только ночью там можно было наблюдать охранников с автоматами. Днём же вся охрана состояла из двух постовых у входа в лагерь. На каждые два барака полагалась одна общая уборная. По хитрой задумке обитателей бараков или по недогадливости лагерного начальства уборные были поставлены так, что территория около них не просматривалась с вышек, и потому арестанты, вкопав вдоль стен бараков лёгкие скамейки, теперь могли себе устраивать здесь длительные перекуры и какие-то свои междусобойчики, не нарушая покой вертухаев.

Охрана лагеря оставляла желать лучшего, но, по стойкому убеждению его руководства, арестанты, замученные и обессилевшие, уже не были опасными вояками, способными организовать

нападение на охрану или совершить побег. А куда им бежать, когда на улицах посёлка любой житель узнает беглецов и сообщит куда надо. И всё же по приказу начальника лагеря на колючую проволоку вокруг зоны были развешены пустые консервные банки – если кто полезет сквозь ограждение, шум поднимется несусветный, и сторожевые собаки, что ютятся в конурах у подножия караульных вышек, дружно поднимут лай.

Побеги случались редко и только тогда, когда арестанты направлялись на работы за территорию лагеря с конвоем. Как-то четырнадцать власовцев отправились в лес на сбор трав, ягоды и грибов с одним конвоиром. Свяжав его, арестанты забрали винтовку и двух лошадей... Только на пятые сутки беглецы были пойманы и преданы суду за разбой. Чуть позже случился ещё побег, когда начальник лаготделения отправился в управление лагеря с двумя казаками-власовцами. Напившись пьяным, офицер по дороге «утерял» одного из них, а также табельное оружие. Начальника сняли с должности и перевели в другой лагерь, а беглого казачка спустя несколько дней изловили уже в Сталинске, но пистолет так и пропал.

Всю долгую и утомительную дорогу из Австрии в Сибирь Кузнецов и Малышев держались вместе – в трудную минуту как никогда нужно иметь рядом надёжного человека, чувствовать плечо друга. Ещё пятеро казаков старались быть ближе к ним – казацкий дух единил! За время дороги состав «пассажиров» постоянно менялся: кого-то сняли по пути и увели под конвоем; заболевших перевели в санитарный поезд; троих умерших выгрузили на каком-то полустанке, а ещё один через пролом в полу вагона попытался бежать, но был застрелен бдительным охранником. Разные «пассажиры» ехали в этом вагоне: русские-власовцы, татары, украинцы-бандеровцы. Почти все они, независимо от национальности и возраста, были, что называется, «пролетарского происхождения» – рабочие, крестьяне, но среди казаков оказались два дворянина – есаул Малышев и сотник Быстров. Впрочем, социальное происхождение они держали в тайне, не желая усугублять своё положение.

Татары всю дорогу сторонились соседей, испуганно молясь своему богу в дальнем углу вагона, и лишь однажды стали героями необычного события... На одном из полустанков, уже за Уралом, когда двери вагона открыли для проветривания, какой-то местный мужичок украдкой

от конвоиров забросил к ним в вагон солидный шмат сала и буханку хлеба. Делили строго на каждого, а когда дошли до татар, то оказалось, что одна половина не хотела есть сало – вера не позволяла, другая же была готова согрешить и отведать сала, но более стойкие единоверцы не разрешали им этого. Смех и грех. «Пассажиры», подтрунивая над мусульманами, активно расправлялись с внезапным угощением от уральского мужичка. А меж тем споры среди татар достигли такого накала, что старший из них, дабы избавить земляков от искушения, всё нарезанное для них сало вышвырнул в приоткрытый боковой люк. Реакция хохлов была немедленной: двое, что помоложе, принялись бить старшего татарина, приговаривая: «Цэ ж сало! Його ж исти трэба, а не выкидать! Вбѣм гада! У-у, сучий потрох!». На защиту своего единоверца встали все татары, а в защиту хохлов поднялись бандеровцы. И только решительное вмешательство казаков отрезвило горячие головы дерущихся.

Уже потом, когда всё стихло, сотник Быстров негромко сказал «станишникам» с горькой усмешкой:

– Будь у этих обормотов хотя бы перочинные ножи, здесь было бы море крови!

– Похоже, так, Кирилл Иваныч, – выразил общее мнение казаков Фёдор. – Надо быть начеку, господа. Я слышал, как эти бандеры у себя в Карпатах пленных красноармейцев заживо варили в котлах...

– Да, господа, предлагаю быть осторожнее с этими гопниками, а по ночам устроить что-то вроде негласного караула. Ведь несложно, люди-то мы военные. Один дремлет, пока все спят, а притомился – толкни соседа, и спи сам...

Такой порядок казаки поддерживали в течение всего пути следования...

***

В один из сентябрьских вечеров, когда на улице уже стемнело и сквозь небольшие оконца с грязными стёклами под потолком в барак заглядывали осенние звёзды, его обитатели на нарах готовились ко сну. В помещении царил полумрак, который нарушали две дежурные, едва мерцавшие керосиновые лампы – у входа и в самом дальнем углу барака. Догорали и угли в двух железных печках. На улице по ночам было ещё тепло, и потому дежурные по бараку в целях экономии топлива большой огонь на ночь не разводили.

Фёдор Кузнецов, за весь день ни разу не присевший, теперь с удовольствием растянулся на голых деревянных нарах и укрылся немецкой шинелью, которую он чудом смог довести в Сибирь из Австрии: перед посадкой в вагоны русские солдаты так усиленно «меняли» своё ветхое обмундирование на добротную немецкую одежду, что некоторые пленные – болгары, венгры, мусульмане и прежде всего татары – потом всю дорогу зябко кутались в какие-то рваные одеяльца, полученные взамен шинелей и бушлатов. На полу, около нар Фёдора, стояли его хромовые сапоги, которые он, как и остальные казаки да ещё пленные чеченцы, смог уберечь от предприимчивых русских конвоиров. В Сибирь-то они их довели, но уже в первую ночь в своём же бараке едва не потеряли. Севастьян Малышев случайно проснулся среди ночи и увидел в полутьме две фигуры, которые мелко перебирая босыми ногами по деревянному полу, удалялись в угол, где обосновались бандеровцы. Руки обоих «лунатиков» были заняты какими-то вещами. Случайно бросив взгляд на пол, Севастьян обнаружил отсутствие на месте сапог и взревел, как буйвол, подняв на ноги всех спящих. Оказалось, что два молодых бандеровца, ранее учинивших драку с татарами в поезде из-за выброшенного сала, теперь решили разжиться за счёт соседей-казаков. До большой драки не дошло, всё же хохлов было чуть не вдвое больше, но шум был такой, что заканчивал разборку происшествия уже дежурный офицер с вооружённым конвоиром.

– Ладно, господа мазурики, не хотите сказать, что здесь у вас случилось – дело ваше, но если ещё раз устроите бардак – всех в карцер отправлю!

Офицер был явно недоволен тем, что его подняли среди ночи. Оглядевшись повнимательнее, он обнаружил разбросанные на полу сапоги и усмехнулся понимающе.

– Так, кто на сапоги офицерские позарился? – Он обвёл глазами всех арестантов, стоявших кружком вокруг стола, на котором стояла керосиновая лампа. – Вот ты, однако... – И он ткнул пальцем в сторону молодого хохла с рыжей шевелюрой, который и пытался умыкнуть офицерскую обувь.

– А шо я-то, шо я?.. – испуганно моргая глазами, тот попытался спрятаться за чужие спины.

– «Шо ты»? Глаза у тебя жуликоватые! У нас тут за одни такие буркалы срок дают! Вор у вора

дубинку украл! И хотя вы все здесь одинаковые – бандиты, враги народа, изменщики, а всё же уголовщину разводить тут не дадим! Ещё кто попадётся – в карцер сначала, а потом в суд – за кражу, за грабеж, хулиганство... Это плюс к тем статьям, что у вас уже есть – измена родине, шпионаж и прочее. Понятно?

Арестанты в большинстве своём согласно закивали головами. Офицер поманил пальцем молодого хохла:

– Куда спрятался? Я ведь для тебя говорю в первую очередь. Понял?!

– Ага... Понял... – залепетал последний.

После этого краж не было, и теперь обитатели барака, засыпая, были спокойны, что их обуюку не украдут.

– Фёдор, ты спишь? – раздался шёпот Малышева.

Их нары располагались голова к голове, и для того, чтобы разговаривать, нужно было только поднять голову с подушки. Собственно, подушек и матрацев тут ни у кого не было, но Фёдор, намотав на кулак папаху, подкладывал её под голову.

– Тебе чего не спится, Севастьян?

– Ты заметил, что мы уже здесь больше недели, а никого из нас на допрос не вызывали, словно забыли?

– Не бойсь, не забудут! Вон татар уже по три раза допрашивали и перевели в другой барак... Там, говорят, всех мусульман поселили.

– Ну и правильно, – одобрительно отозвался Малышев, – что им тут делать у нас? Они даже сало не едят... – И он коротко хохотнул в кулак.

– М-да, такое ощущение, что у гэбистов чего-то не хватает: то ли людей, то ли документов на нас. Видно, не готовы они вести разговор с нами. Они же знают, что мы будем говорить только в свою пользу... Неужели тот каратель, что убивал людей, тут же и расскажет всё про себя? Его же надо подловить на чём, подпереть доказательствами...

– И подловят, и так подпрут, что сам всё расскажешь, да и документы на нас наверняка у них есть. Мы тут вот язык за зубами держим, про себя ничего не говорим, а они наверняка уже знают и про мои дела, и про быстровское дворянство.

– Может быть, ты и прав, Сева, а потому я вот что думаю... Зачем нам скрывать, что мы незнакомы, не служили раньше? Им же нужно подтверждение к нашим словам, а его у них нет. Так

вот и надо помочь им: да, мол, служили в школе фашистских агитаторов, но людей не пытали, не убивали. Назовём фамилии наших инструкторов, где была эта школа. У них тоже могут быть какие-то сведения о школах, а тут мы им свои признания!

– Правильно. Ты вот расскажи, как призывал казаков не воевать против России, как тебя из школы выгнали и отправили в Италию, чтобы дальше на фронт загнать... Ты скажешь по-своему, а я скажу, как нам Ратке и Кнауф говорили о твоей выходке, как грузина нашего убили в лагере. Вот так и поможем друг другу...

– А что, может, это и есть наш шанс на спасение, так и будем действовать. Надо с казачками это всё обговорить, но другим – ни слова...

На следующий день никого из казаков на допрос также не вызывали, а потому, как люди относительно свободные от следственных процедур, они навели порядок в бараке, подмели пол, почистили печки, накололи дров, принесли угля.

Поначалу узникам было странно видеть около печек чёрные куски угля, но потом один из охранников пояснил:

– А чё дрова зазря жечь? Они только на растопку, а тепло-то уголь даёт, хорошее тепло он долго доржит. А что дрова: пыхнут моментом – и всё! Почему уголь? Так весь Прокопьевск на ём стоит! Вот тебе нечего делать, так возьми лопату и ковыряй землю, где стоишь. Тут и докопаешься до него...

И вспомнилось Фёдору, как отец первое время с опаской подбрасывал в печь куски угля, что привозил ему из Бачат Никита Сергеев. «Вот и меня сегодня согреет этот уголёк!..» – с лёгкой грустинкой подумал Фёдор.

Ближе к полудню в бараке появился новый человек. Среднего роста, поджарый, с серым лицом и такими же глазами. Он шёл неторопливо, но уверенно, что сразу насторожило Фёдора. Новые арестанты входят в барак осторожно, скорее даже испуганно: как-то его здесь встретят. Этот же шёл смело, будто бывал здесь уже не раз.

Фёдор, продолжая неторопливо вытирать свои сапоги и не повернув головы в сторону пришельца, сказал негромко:

– У нас гость, господа.

Эти слова назначались для Быстрова и Малышева, которые, закончив свою работу, теперь лежали на нарах, прикрыв лица своими фуражками, явно намереваясь подремать до обеда.

– Поговори с ним, Фёдор Гордеевич, а мы слушаем, – отозвался из-под своей фуражки сотник, чьи нары находились рядом с кузнецовскими.

Мужчина невозмутимо прошёл мимо Фёдора в другой конец барака, осматривая свободные нары, затем вернулся и встал рядом, наблюдая за Кузнецовым.

– Разрешите присесть?

Медленно, словно нехотя, Фёдор поднял глаза на пришельца и не без иронии ответил:

– У нас здороваются сначала...

– Да-да, конечно, – поспешил незнакомец, – Богданов Борис Иванович, здравия желаю!

– Вы военный?

– Был... когда-то... поручик. Правда, последние годы работал счетоводом...

– Так вас как счетовода отправили сюда?

– На правах хозяина положения вы можете иронизировать, а я как гость не хотел бы торопиться исповедоваться...

– Тогда моё предложение присесть отменяется...

– Почему так?

– Я понял, что у вас есть намерение поселиться у нас, но какой хозяин впустит в дом неведомо кого?

Фёдор видел, как у Быстрова на лице, прикрытом фуражкой, промелькнула улыбка, а Малышев заворочался на своей лежанке: похоже, его разговор с гостем им нравился.

– Только двенадцать дней в лагере, а уже привыкли командовать?! – не без иронии подметил Богданов.

– Что делать – мы люди военные, к тому же я старше вас по званию... – Фёдор произнёс эти слова извиняющимся тоном.

Поняв его по-своему, гость перешёл в наступление.

– Я, сударь, представился, а могу рассчитывать на вашу взаимную любезность?

– Моя фамилия мало кому знакома даже в этом бараке...

– И всё же!.. – Голос гостя заметно посуровел.

– Извольте, ваше благородие, – есаул Кузнецов Фёдор Гордеевич...

Фёдор в разговоре старался не смотреть в холодные, словно неживые глаза гостя и поэтому не заметил, как передёрнулось лицо Богданова, но затянувшаяся пауза заставила его поднять голову и посмотреть на новоприбывшего

в упор. Похоже, этот взгляд смутил последнего, и он продолжал разговор уже в другом тоне.

– Рад знакомству... Извините, я, наверное, был излишне резок... Впрочем, если у господина есаула и его товарищей будут возражения, то я готов искать себе приюта в другом бараке... Извините, господин есаул!

И он быстрым шагом направился к выходу. Когда его фигура скрылась за дверью, Быстров и Малышев вскочили со своих нар и подсели к Фёдору и одновременно громко заговорили.

– Тс-с! – Фёдор приложил палец к губам и бросил взгляд в бандеровский угол, где три арестанта с нескрываемым интересом слушали весь его разговор с Богдановым.

Дальше они говорили вполголоса.

– Странный мужичок, скажу я вам, – сразу заявил Малышев, скручивая сигарку, – счетовод, а выправка – будто вчера шинелку скинул, да и одежду его с нашей не сравнишь...

– А может быть, он у Власова служил или у немецких карателей ещё полгода назад? Там и форма немецкая, и дисциплина строгая, – предположил сотник. – Но замашки, как у... чекиста... Повидал я их в своё время...

– М-да... – Фёдор задумчиво потёр лоб. – Вроде нормально поговорили... С гонором, конечно, будто он полковник, а я сержант. Что-то с ним не то, господа?

– Что-то не так... – Малышев бросил взгляд на дверь, за которой скрылся поручик, затем вдруг грозно крикнул в ближний от входа угол: – Эй ты, рыжий, что уши развесил? Тебя не учили, что подслушивать нехорошо?

Фёдор и Быстров резко повернулись в сторону бандеровского угла, но вся тройка уже спешно покинула барак.

– Ты что, Севастьян? – спросил Фёдор.

– Сидят, сучары, уши развесили, а этот рыжий, чёрт шелудивый, даже руку к уху поставил, чтобы, значит, лучше было слышно.

– Ладно, мы ничего тут такого не говорили... – успокоил товарищей сотник. – А этот рыжий не шелудивый, а Шелудько, старшой его так называл. А может, раздумает возвращаться-то господин поручик, что нам волноваться? Да, и вот что, Фёдор, когда ты фамилию свою назвал, этот Богданов вроде как смутился, примолк на мгновение. Не заметил? А вот мне из-под фуражки было видно, какая гримаса у него лице появилась! Ты нигде с ним не встречался раньше? Подумай, авось вспомнишь...

– Н-нет, – неуверенно ответил Фёдор. – Нет, точно – нет! Разве такую морду забудешь, если даже раз увидишь...

– ...Ходит по баракам, ночлежку себе ищет, – морща лоб, проговорил Малышев. – Его же, наверное, кто-то из лагерников должен привести в барак, а этот сам заявился...

– Опять же, как он точно сказал: «...только двенадцать дней здесь, а уже...». А ведь мы действительно здесь ровно двенадцать дней, не десять, не двадцать... Ну откуда ему знать про наши дни? М-да, господа офицеры, надо ухо держать востро!

На следующий день поутру, сразу после подъёма, когда все арестанты ещё были на местах, в барак под конвоем надзирателя и конвоира пришёл их вчерашний посетитель поручик Богданов. Под мышкой он нёс какое-то тряпье, похожее на одеяло, и подобие подушки.

Остановившись посередине помещения, надзиратель громко объявил:

– К вам новичок – принимайте! У вас ещё много пустых мест, так что будем вас уплотнять. Не обижать его, а ты, Богданов, норов свой уйми! Тебя бы в карцер надо отправить, да начальник у нас добрый – разрешил в другой барак перевести. Если опять кого будешь задирать – пойдёшь в карцер! Иди на тот фланг, там «господа офицера» возлегают, тебе с ними спокойнее будет, чем с этими вонючими хохлами! Щас завтрак принесут, а потом всем строиться, и шнырям тоже – на стройку пойдёте!..

Фёдор, Быстров и Малышев молча переглянулись: вернулся поручик!

***

Как ни странно, но из «казацкого угла» первым на допрос вызвали именно новичка – Богданова.

В барак он вернулся минут через сорок и, едва присев на свои нары, бросил в сторону сидевших офицеров:

– Ключев Сергей Иванович – мой следователь, он, похоже, бывший военный...

– А как вы поняли? – спросил Быстров.

– Да простоват больно, без этих энкавэдэшных штучек, посмотрелся я в своё время на чекистов разных. Пораненный весь – шрам через всё лицо, видать, от шашки казачьей.

– Прямо уж и от казачьей? – едко отозвался Малышев. – Шашки-то, они и у других господ офицеров были в Гражданскую-то войну. И у поручиков тоже...

– Правда ваша, и у меня была когда-то шашка!

– Это вас как счетовода отпустили с допроса через полчаса? – продолжал разговор в том же тоне Малышев.

– Мы не знакомы, но вижу, что раздражаю вас, – словно оправдываясь, проговорил Богданов. – Может быть, вам лучше вовсе не замечать меня?.. Я не навязываю своё общество...

– Господа, не надо ссориться, не то время, не та ситуация... – подал голос Фёдор. – Что-то всё же вы ему успели сказать? Вы можете поделиться с... товарищами по несчастью или это секрет?

– Нет, не секрет, но товарищей, как правило, зовут по имени, по фамилии и на «ты». Я же знаком только с Фёдором Гордеевичем...

– Где-то прав господин поручик, тем более свои имена мы всё равно будем называть следователю, – примирительным тоном сказал Быстров и с молчаливого согласия присутствующих назвал имена, фамилии и воинские звания участников разговора. – А теперь вы сможете ответить на вопрос есаула Кузнецова?

– Я рассказал, кем я служил у немцев... Счетоводом-то я был в колхозе при Советах, а когда немцы пришли, то определили меня в старосты... Потому я здесь, а когда заикнулся о военной службе в Гражданскую, новые вопросы пошли: номер части, фамилии командиров, населённые пункты... Господа! Четверть века прошло, всё сразу не вспомнишь... Дал он мне время подумать и всё вспомнить...

– Вас не били? – спросил самый молодой из казаков, урядник Стеклов.

– Нет! – категорично ответил Богданов. – Вы слишком молоды, господин урядник, но как вы-то попали сюда?

– Когда немцы пришли в нашу станицу, батя заставил идти на службу к немцам. Сам-то он уже старый да без руки...

– Ну может быть, вам это зачтётся, как знать...

Хлопнула входная дверь, и раздался зычный окрик надзирателя:

– Кузнецов, на допрос!..

Передав Кузнецова конвоиру, надзиратель поспешил в дальний угол лаготделения, где ударными темпами шло строительство нового барака.

Поставив Фёдора лицом к стене, конвойный солдатик приоткрыл дверь в кабинет и, не заглядывая внутрь, спросил:

- Разрешите, товарищ майор?
- Давай! – послышалось в ответ.

Следователь оказался по возрасту близким к Фёдору. Скуластое лицо его с сероватой, словно заветренной кожей уродовало огромный шрам, прошедший через висок и левую щеку, отчего один глаз следователя едва открывался, другой же поражал своей подвижностью. Несмотря на суровый внешний вид, голос офицера звучал дружелюбно, без грозных ноток, как бы настраивая на лёгкую беседу, что сразу озадачило Фёдора: не верил он в доброту и непредвзятость работников НКВД.

– Ну-с, гражданин Кузнецов, начнём знакомиться? – следователь придвинул к себе несколько листов бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, приготовился писать.

– Мне так и стоять навтыяжку, гражданин следователь, или позволите присесть? – с едва заметной иронией в голосе спросил Фёдор.

– Ах ты чёрт! Конечно, конечно, присаживайтесь, закуривайте, пожалуйста, не стесняйтесь...

Усевшись на табурет, Фёдор неторопливо свернул сигарку и закурил. Всё это время следователь терпеливо ждал, после чего начал допрос:

– Вы знаете, господин есаул, куда вас могут вывести дороги из этого лагеря? Если вы были карателем, причастны к расстрелам, – вас отправят в исправительно-трудовой лагерь, но в порядке исключения можете получить ВМН. Знаете, что это?

Фёдор молча кивнул в ответ и продолжал держать паузу.

– Если же вы были строевым офицером в германской армии, а убивали только в бою – вас ждёт шесть лет поселения и ударный труд в одной из шахт Кузбасса.

– А если окажется, гражданин следователь, что за всю войну я даже оружия в руках не держал, то вы меня сразу отправите домой?

– Как это?! – изумлённо воскликнул следователь, а изуродованный глаз его, похоже, сравнялся по величине со здоровым. – Вы служили в подразделении Международного Красного Креста?

– Никак нет, гражданин майор, я был мобилизован из предместья Мюнхена и направлен в разведшколу абвера, которая находилась в Австрии, на окраине Вены...

– Так это была диверсионная школа или разведшкола?

– Не то и не другое... Скорее, нас там готовили как лекторов-пропагандистов... Мы выступали в концлагерях перед военнопленными казаками, агитировали их вступать в части генералов Доманова, Краснова и Шкуро. Оружия нам вообще не выдавали, а форма была – помесь казацкой формы и обмундирования немецких тыловиков... Короче, черт-те что, гражданин майор.

– Но как вы оказались в Толмеццо, а затем в Юденбурге?

– Длинная история, господин майор, вряд ли вам будет она интересна...

– Во-первых, я вам не «господин», а «гражданин»... Во-вторых, время у нас есть. Вы будете вспоминать обо всём с того момента, как попали в эту самую школу, и попутно отвечать на мои вопросы: когда, где, фамилии курсантов, инструкторов... А я, с вашего разрешения, заведу на вас дело-формуляр и назову его так... «Агент-агитатор школы абвера». Чувствуете, как звучит?

– Мне бы лучше знать, что меня ждёт после заполнения этого вашего формуляра.

Следователь сухо рассмеялся, закашлялся, лицо его сморщилось, как старая высохшая кожа, а повреждённый глаз совсем исчез в складках покрасневшего шрама. Фёдор же лишь сдержанно улыбнулся и терпеливо ждал, когда успокоится этот излишне эмоциональный офицер Смерша.

– Ваше любопытство мне понятно, но если вся ваша служба рейху ограничилась агитацией военнопленных, то, скорее всего, вы пойдёте на поселение... Впрочем, не будем торопить события, а начнём подробно и правдиво вспоминать всё, что с вами приключилось на службе у немцев. И помните, что маленькая ложь вызывает большое недоверие!

Более четырёх часов продолжался допрос. Октябрьский вечер в окне кабинета подёрнулся тёмной пеленой, и следователю пришлось включить допотопную настольную лампу. На столе рядом со стопкой исписанных листов лежали две пустые пачки «Казбека», а в пепельнице высилась гора окурков. На подоконнике притулился огромный медный чайник, рядом две железные кружки и остатки сухарей.

Следователь Ключев подвинул Фёдору протокол допроса, ручку, предложил прочитать и подписать каждую страницу, после чего, наблюдая за его действиями, проговорил задумчиво:

87

– Значит, вы сказали военнопленным: «Родина не простит нам этого греха»? Так и сказали: «Нам»?

Фёдор оторвался от бумаг и прямо посмотрел в глаза следователю:

– Так и сказал...

– Но почему же этот Ратке вас не застрелил?

– Пожалел меня как баварского земляка...

Не знаю...

Какое-то время Клюев смотрел на Кузнецова, шуря здоровый глаз, а потом громко рассмеялся. В тот же миг за дверью обнаружилось присутствие конвоира.

– А вы шутник, есаул Кузнецов! Знал я такого шутника когда-то, кстати, он тоже был Кузнецовым и тоже Фёдором... Бывает же такое!

– Теперь вы шутите, господин майор? Такое бывает только в сказке...

– Нет, это было не в сказке, а на Дальнем Востоке лет десять назад... Впрочем, на сегодня хватит воспоминаний, но дня через два-три я снова вас вызову, а вы постарайтесь вспомнить, когда и как попали за границу. А чтобы скучно не было, эти дни вы поработаете на стройке барака... Пшеничников! Уведи задержанного Кузнецова в барак! – Последние слова его были обращены к конвоиру.

ГЛАВА 8

В последний день осени сорок пятого с западных границ Советского Союза в Прокопьевск прибыл последний эшелон с военнопленными. Заканчивалась зачистка зарубежных территорий, освобождённых Красной армией, и потому при посадке в вагоны в людской разногласии звучала вперемешку немецкая речь, мадьярская, румынская, польская, а также русская, обильно одобренная матерщиной. Бандеровцы, коих Смерш в послевоенные месяцы уже успел отловить в Карпатах и отправить в сибирскую глубинку, старались говорить на чисто русском языке, тем самым словно отрекаясь не только от «ридной мовы», но и тех дел, что они успели натворить за время фашистской оккупации на Украине.

Эшелон шёл неторопливо, по несколько дней простаивая на крупных железнодорожных станциях, иногда выгружая отдельных своих подневольных пассажиров, но чаще забирая новых арестантов, которым стараниями НКВД был рекомендован для проживания суровый сибирский климат и более строгий режим содержания. При пересечении Урала на одной из станций

в эшелон посадили десятка два уголовников, которые на протяжении всех военных лет промышляли разбоем и грабежами в Приуралье. Лишь после Победы уральским милиционерам с помощью демобилизованных солдат, возвращавшихся домой, удалось разгромить эту банду, а уцелевших при ликвидации бандитов теперь отправляли на Восток. Капитан НКВД, руководивший погрузкой арестантов, приказал конвою распределить уголовников по разным вагонам. Но вместо того чтобы выполнять команду офицера, эти грязные, обросшие мужики, свирепо сверкая глазами, дружно уселись в осеннюю грязь. Их вожак по кличке Сивый, двухметровый амбал, сутулый, с длинными руками-лопатами и грозно торчащим изо рта клыком, обратился к капитану:

– Гражданин начальник, тюремная почта донесла, что в этом поезде везут недобитых фашистов и предателей нашей Родины. Так? Нет?

– Я что, должен отчитываться перед тобой, Грачёв?

– Никак нет, гражданин начальник, но братва эту фашистскую мразь на дух не выносит и в одном вагоне с ними не поедет! Посадите нас в отдельный вагон.

– Да где ж я его сейчас возьму, когда через полчаса будет отправление? Или, может быть, вас пешком отправить в Сибирь?

– Никак нет, гражданин капитан, но если вы нас посадите вместе с ними, то быть беде!..

– Ты угрожаешь, Сивый?! Вас по три-пять человек посадим в вагоны, и что вы сделаете, если их там двадцать-тридцать человек?

– Значит, на ближайшей станции в каждом вагоне будет, кроме моих хлопцев, ещё три-пять дохлых фашиста! Ты моих ребят знаешь, начальник! Зуб даю, вот этот, – он пальцем указал на жёлтый клык, что торчал у него изо рта поверх нижней губы, – что так и будет. Вас же потом начальство замордует за эти трупы!.. Да, мы воры, но Родину свою не продавали!

Капитан растерянно замолчал, оглядывая сидящих, подозвал к себе сержанта, о чём-то шептался с ним и приказал всех арестантов из последнего вагона распределить по другим вагонам. С небольшим запозданием эшелон отправился дальше на Восток.

Уже в вагоне Сивый подозвал к себе рослого мужика и прошептал ему на ухо:

– На зоне малява пришла, что нас повезут на шахты Кузбасса. Ты, кажется, из тех мест?

– Ну да... – неуверенно отозвался мужик, – так то когда было, я уж забыл про всё...

– Я шас башку твою крутану на три оборота – всё вспомнишь сразу!

– Да ладно, Сивый, что делать-то?

– Разузнай, есть ли у нас кто-то из тех мест, куда везут, приведи ко мне пятерых-шестерых да смотри, чтобы шухера не было!

– Когти рвать будем или как? – верзила круглыми глазами смотрел прямо в рот жожаку.

– А ты что, хочешь до смерти по лагерям мотаться или стахановцем стать?

– Западло это, Сивый, но...

– Из лагеря трудно уйти, а пока нас будут туда везти или вести пёхом, есть шанс ломануться и потом раствориться среди местных. Сибирь-то большая – всех укроет!

– Говоришь «пять-шесть», а остальные как?

– А так! Всея толпой нам не потеряться... Да же пятерых много – двух подготовь... Охрана больше на фашистов будет поглядывать, а мы под это дело и рванём, но об этом никому!

– Зуб даю, Сивый, молчать буду! – решительно заявил мужчина и большим пальцем правой руки звонко чиркнул по своим зубам в подтверждение клятвы.

– Ладно, Колесо, зуб могу дать только я, потому что он у меня есть. – Он широко открыл свой огромный рот в улыбке, показывая себе-седнику длинный, изъеденный кариесом клык. – Но я тебе верю! Ты иди, да только не понтуйся, как ффраер!

После первого допроса вместо двух-трёх дней следователь не вызывал Кузнецова уже месяц, словно забыл о нём. Фёдор даже спать стал плохо по ночам. Поначалу считал, что мешают спать храпуны, и прежде всего Севастьян Малышев. Тот спал с ним голова к голове и засыпал мгновенно, едва ложился на свои нары, подсунув под лысеющую голову свой мощный волосатый кулак. Помаявшись безо сна, Фёдор будил его раз за разом, чем вызвал недовольство последнего.

В одну из осенних ночей, разбуженный в очередной раз Кузнецовым, Малышев поднялся на локте и, оглядевшись в полутьме, прошептал недовольно:

– Фёдор, окстись! Потолок дрожит от храпа, а ты меня одного мучаешь!

Фёдор прислушался, поглядел по сторонам и выдохнул обречённо:

– Прости, Сева! Нервы гуляют, вот и не спит-ся! Хорошо тебе: лёг – и уснул, а тут...

– Что-то ты захандрил, станишник! По жене и сыну, видно, скучаешь? Так зря: они дома, войны там уже нет. Даст бог, и мы отсюда выйдем... Мне следователь так и сказал, мол, если у вас с Кузнецовым не откроются новые факты о службе у немцев, то пойдёте совсем скоро уголёк рубить в шахту.

– Так и сказал?

– Так и сказал. Вообще, он странный мужик! Вон, нашего урядника его следак уже дважды колотил как сидорову козу! Чего добивается от пацана? Все про отца его выспрашивал – как же, полковник царской армии! А я Ключеву про нашу школу рассказал, про наших инструкторов... и про тебя тоже...

– Про меня? – Теперь и Фёдор привстал на локоть. – Мы же вроде договорились молчать?

– Нам нужно не молчать, а говорить в одну строчку, выручать нужно друг друга. Ну разошлёт он свои запросы на тебя, на меня, пока они будут ходить, а мы здесь будем гнить. А на спецпоселении будем жить в городе, без конвоя и раз в неделю отмечаться в спецкомендатуре, да ещё на работу ходить – всё лучше, чем здесь на голых нарах лежать да жрать пустую баланду. Там даже жениться, говорят, можно, Федя!

– Да, господин есаул, это сильный аргумент в вашу пользу!

И они негромко рассмеялись, и тут же послышалось недовольное ворчание соседей. Дождавшись, когда они успокоятся, уже шёпотом Малышев добавил:

– Он обещал провести очную ставку между нами, и тут нам надо нарисовать ему ясную картинку с фамилиями, с городами, где мы были. А знаешь, почему он такой странный? Он, оказывается, бывший учитель – интеллигент по жизни, вот и ведёт себя так. Хоть здесь нам повезло... Да, прослышал я, что скоро ещё партию пленных привезут в наше лаготделение – барак-то мы в аккурат к их приезду и закончили. Может, кого знакомых встретим...

– А когда нас на поселение отправят?

– Так кто ж его знает! Когда проверку закончат, но, как я понял, после Нового года нас всех куда-то разбросают...

– Господа, кончайте разговоры! Завтра же в пять подъём! – выказал свое недовольство сотник Быстров, и друзья затихли.

Эшелон с военнопленными прибыл на станцию Прокопьевск после полудня. Паровоз, лениво попыхивая трубой, медленно прокатился мимо вокзала, забрав на ходу офицера охраны, который указал машинистам место в железнодорожном тупике, где должна была состояться выгрузка военнопленных и где уже поджидал состав взвод солдат с автоматами. После остановки поезда солдаты растянулись в цепь вдоль состава, к ним присоединились поездные конвоиры, и только после этого офицер дал команду на выгрузку.

Медленно, опасливо оглядываясь по сторонам, арестанты покидали вагоны, разминая затёкшие за долгую дорогу тела. Сивый, задержавшись на мгновение в дверях вагона, окинул взглядом территорию и прошептал не отходившим от него арестантам:

– Машин нет – пешком поведут вдоль линии, за ней – лесопосадка, а там – лесок. Вот туда и побежим! Уже темнеет – это нам на руку...

– Эй, там, в строю, не разговаривать! – слышался крик охранника.

Колонна двигалась медленно, устало, а от безрадостного молчания, казалось, веяло полной безнадегой. На железнодорожной ветке, рядом с которой они шли, показался состав с углём. Поезд двигался им навстречу, и когда до него оставалось не более сотни метров, начальник конвоя приказал всем сесть на землю. Недовольно ворча, люди стали неторопливо усаживаться прямо в осеннюю слякоть, кое-где уже припорошенную снегом, и никакие крики конвоиров не заставили их двигаться быстрее.

Сивый взглядом собрал своих помощников около себя и процедил сквозь зубы:

– Как паровоз поравняется с белым столбиком – бегом на ту сторону! Я – первый, вы за мной, а Колесо замыкает...

Состав двигался быстро и состоял из полутора десятков полувагонов, гружённых углем. Поравнявшись с головой колонны арестантов, машинист дал предупредительный гудок, и тут же раздалась команда Сивого:

– За мной!

Легко, как бы ненароком, он сбил с ног ближнего конвоира и бросился наперерез летящему поезду. За ним устремились два арестанта, а Колесо, дёрнувшись было вперёд, грузно осел на землю и закрыл голову руками. Ближайший из конвоиров вскинул автомат и дал длинную очередь. Вожак в самый последний момент успел проско-

чить перед окутанным паром паровозом на другую сторону полотна и устремился к спасительной лесополосе. Бежавший вслед за ним уголовник был сбит железной махиной, а другого беглеца перед самым составом остановила пуля охранника.

– Всем лежать! Лежать! – надрывался офицер, выхватив у одного из охранников автомат, опустил на колено и стал целиться в бегущего по ту сторону полотна человека. В просветы между колесами несущегося мимо поезда он видел, что тот уже в нескольких шагах от кустов лесозащитной полосы, и хотя большая часть кустов уже сбросила листву, укрыться в них можно было, а там и лесок рядом. А составу, что отделял их от беглеца, казалось, не будет конца. Офицер стрелял короткими очередями. Пули рикошетили от колёс и со свистом летели в сторону лежащих арестантов. Не обращая на них внимания, офицер продолжал стрелять. Какая-то пуля всё же настигла беглеца, он споткнулся на бегу, упал вниз лицом, попытался подняться, но уже следующая пуля попала ему в голову. Это был смертельный бросок вора в законе Грачёва Григория Степановича по кличке Сивый.

* * *

90

В бараке было жарко натоплено. Печки-буржуйки, стоявшие в разных углах помещения, нагрелись до красноты и щедро отдавали тепло обступившим их людям. Кто-то сушил одежду и портянки, кто-то на колышках держал промокшие сапоги и ботинки, а кто-то просто курил, по-быстрому расправившись с незатейливым ужином.

– А что это, господа, у нас не было сегодня вечерней поверки? – спросил урядник, скручивая сигарку. – Может, завтра и подъёма не будет, а?

– Это дома тебя твой папа может утром пожалеть и не разбудить, а тут таких сердобольных нет, – хмуро отозвался Малышев. – Не встаешь, так на пинках вынесут!

– Господа, а сегодня ещё партию военнопленных привезли с запада... – сказал Богданов, – наверное, их размещают по баракам и потому им просто не до нас.

– Слава Богу, к нам никого не подсадили, а то опять разборки начались бы...

– Уж наврядняк, – продолжил Богданов, – потому как там не только военнопленные, но и уголовники есть, а эти всегда на горло берут.

– Сообща-то одолели бы, – отозвался Фёдор, – хотя бандеры нам тут не подмога – сами как бандюганы рыскают по лагерю, и ночью покоя от них нет. Как бы снова сапоги не увели...

– А я, господа, сапоги под голову кладу – так надёжнее! – похвалился своей придумкой урядник Стеклов.

– Ох и ароматная у тебя подушка, Аркадий, – пошутил Быстров, чем вызвал хохот у всех сидящих около печки, – или ты разуваешься, когда в уборную ходишь?

– Да я же мою их... иногда ... – смущённо оправдывался тот.

Очередной лагерный день закончился без приключений, но среди ночи вдруг раздался топот и в бараке зажглись все лампы.

– Всем оставаться на своих местах, граждане заключённые! – объявил офицер.

Два автоматчика стояли лицом в глубину помещения, держа оружие наизготовку, а с десяток охранников окружили нары, где лежали бандеровцы, и стали толчками да пинками поднимать их на ноги. А потом начался обыск. Потревоженные хохлы все оказались одетыми и обутыми, у каждого под кроватью лежал небольшой сидор, а при личном обыске у троих нашли заточки. Затем их вывели из барака, а последний охранник выключил свет, оставив дежурную лампочку.

– Что ж, спокойной ночи, господа, – громко объявил Малышев.

– М-да, НКВД работает чётко, – резюмировал Фёдор. – Учсть надо...

На опустевшие после ареста бандеровцев нары к ним в барак подселили полтора десятка венгров и румын, а в соседний, где жили кавказцы, заселили уголовников.

В последние предновогодние дни сорок пятого года обстановка в проверочно-фильтрационном лагере № 0315 стала меняться. Арестантов перестали выводить на работу: строительство бараков было окончено, а новых объектов не предвиделось. За пределы лагеря их выводили только в крайнем случае и под охраной, а не бог весть какая мускульная сила этих доходяг теперь использовалась руководством лагеря только при очистке территории от снега и уборке помещений. Зато стали более интенсивными и долгими допросы.

Всеведущий Богданов в один из декабрьских вечеров, когда военнопленные «офицерского угла» нещадно смолили самокрутки, набитые сушёной травой вместо табака, вдруг сообщил не-

громко и таинственно, оглядываясь на мадьяр и румын:

– Ну что, господа, нашему лагерному благополучию, похоже, скоро придёт конец!

На многочисленные удивлённые вопросы арестантов он ответил также туманно:

– Грядёт день, когда наш лагерь закроют, а нас раскидают по лагерям, хотя не исключено, что кого-то поставят к стенке! Вот из тех бандер, что от нас увезли в Сталинск, троих уже расстреляли. Там такие головорезы оказались!

– Послушайте, поручик, или как вас там, где вы всё это собираете и зачем нам докладываете? Кто вам это поручил делать? – Быстров впился цепким взглядом в Богданова, что сидел на яшике недалеко от него.

Такая реакция сотника, похоже, смутила Богданова, он даже на ноги поднялся:

– Вы, наверное, заметили, господин сотник, что я не сижу сиднем на нарах, как некоторые, а весь день нахожусь на ногах... «Движение – это жизнь» – так всегда говорил наш семейный лекарь... Там услышал, там спросил... Как говорится, с миру по нитке – голому штаны...

– Так вы бы их сами и носили, эти штаны, господин поручик, а не забивали нам голову всякой ерундой, – язвительно произнёс Малышев. – А то мы можем подумать, что вы работаете осветителем у охраны лагеря! Как их тут называют, подсадными утками или клухами? Не уподобляйтесь им!

Обида и испуг отразились на лице Богданова. Ему явно хотелось ответить резко на отповедь Малышева, но он понимал, что все присутствующие при этом разговоре были не на его стороне, и потому он перевёл разговор на другую тему:

– Не знаю, будет ли вам интересно это, господа, но в соседний барак подселили какого-то мужичка, контуженного, который, похоже, ничего не помнит, даже своего имени...

– Ну?! – одновременно полтора десятка человек задал этот вопрос, и все взоры устремились на Богданова.

– Истинный Бог, господа! Вчера, говорят, уголовники весь вечер его били за что-то...

– Так за что, поручик?

– А хрен его знает, господа!

– М-да, это достойный ответ настоящего офицера и дворянина! – иронично проговорил Быстров.

– А что? У них свои дела, у нас – свои...

– Так, видно, всё же не добились, а то бы нам такой шмон устроили! – вступил в разговор Кузнецов. – А вам не жалко, Богданов, этого несчастного?

– Да, заступились бы за несчастного!.. – с едкой улыбкой посоветовал Малышев.

– Чеченцы, говорят, пытались вступиться, да где там: их там всего пятеро, а уголовников десятка полтора...

– Жалко, господа, если погубят человека... – печально произнёс урядник.

– Каждому своё и... как говорится, все там будем!.. – поспешил закончить неудобный разговор поручик.

Но Малышев не преминул в очередной раз уколоть его:

– Мы-то точно будем, Богданов, а вот вы-то, наверное, не скоро туда попадёте...

– Почему так?

– Уж больно вы ловкий, господин поручик, нагрянет к вам эта баба с косой, так вы и от неё улизнёте, в другой барак хотя бы, а?..

Все сидящие вокруг печки громко рассмеялись, вслед за ними хохотнул и сам Богданов. В это время входная дверь широко распахнулась, и в клубах морозного пара показался невысокого роста человек, лицо которого густо заросло чёрным волосом. Он что-то стал быстро говорить сидевшим кружком около печки венграм и румынам, но те замахали руками, посылая его в дальний угол, к другой печке, где находились русские, офицеры и другие арестанты.

– Муса, эй! – окрикнул гостя Богданов. – Что случилось? Ступай сюда!

Мужчина торопливо подбежал, схватил за руку поручика:

– Богдана! Тама опять звери бьют этого дурачка! Шибко бьют!

– А ты что в крови?

– Мой говорил этим шакалам не бить человека, а они меня бить стали...

Все арестанты вскочили на ноги. Быстров оглядел всю компанию и сказал:

– Пора наказать эту мразь! Нас столько же, сколько их, пойдут трое или даже половина – не одолеём. Три минуты на раздумье, господа!

– Нечего думать! – решительно сказал Фёдор. – Идём все, вперёд, господа!

Обитатели «офицерского угла» кинулись к выходу, ведомые Мусой. Уже в дверях к ним присоединись несколько румын и мадьяр. Распахнув настежь широкие двери соседнего барака, так всей толпой они и ворвались в него.

Второй час в бараке уголовники пытали контуженного.

Весь окровавленный, он лежал около горячей печки и, оглядывая обступивших его людей, не говорил, а стонал:

– Не помню... не помню, кто я, ничего не помню! Голова! Больно!

Последние слова он уже не говорил, а кричал из последних сил.

Здоровенный уголовник наклонился над ним и, тыча кулаком в лицо, шипел:

– Ты же сука, Кузнецов! Никита Кузнецов! Ну вспоминай, а то замочу! Ты притворяешься, гад, что ничего не помнишь!

– А может, он и правда ничего не помнит, Колесо? Что с него тогда возьмёшь? Может, хватит мучить дурачка этого? – спросил главаря один из уголовников.

– Нет, врёт, сука, притворяется, а потом настучит про меня охранке! Вас-то оставят на поселении, а я – «в законе», у меня такая биография, что и к стенке могут поставить!

Видя, что избитый уже не стонет, а внимательно разглядывает его, амбал пнул его ногой и, наклонившись, спросил:

– Что, забыл Нарымский край?! Забыл свою мамочку, Алёну Ивановну?! Жену свою забыл?! Может, рассказать тебе, как мы её там, в сарае, на хор поставили?!

– Ого, Колесо, расскажи про бабу его, а мы вместе с ним послушаем! Ха-ха!..

Окровавленный, обессиленный, человек с трудом сел на полу и, не сводя с жоака широко раскрытых и полных ненависти глаз, не прокричал, а простонал:

– Я вспомнил! Я всё вспомнил! Да, я – Кузнецов, а ты убил мою жену, мою Марту!.. И я тебя убью!

Он попытался встать на ноги, но жоак пнул его в лицо, уронив навзничь.

– Ну вот, я же говорил, что он притворялся, что ничего не помнит, а завтра побежал бы к операм... Мочить его, а потом утопить в уборной!

– Колесо, на улице мороз, все го...но уже застыло...

– Ничего не застыло, я сам смотрел! В нём и утопим! Удавку сюда!

Избитый мужчина, лёжа на спине, протянул трясущуюся руку в сторону своего палача:

– Я вспомнил, что ты никакой не вор, а председатель...

Колесо не дал ему договорить и с силой ударил ногой по голове. Громко охнув, Никита потерял сознание.

– Колесо, о чём базар? – обступили его арестанты, недоумённо поглядывая на затихшего человека. – Какой председатель?

– Да почудилось вам, братцы! Он сказал «предатель». Он думает, что я, как те бандеровцы и власовцы, родину-маму предал! Когда? Ведь всю войну мы с вами шухарили на Урале и в Сибири, или забыли, сучары?

– Нет, что ты, Колесо! Конечно помним! Врёт всё, сучонок! Кончать его надо быстрее!

В это самое время дверь барака распахнулась, и более двадцати человек ворвались в помещение.

Стоявший ближе всех к двери уголовник резко обернулся на вошедших и заорал истошным голосом:

– Атас, братва! Ссученные взбунтовались! На нож их!

Он рванул на себе телогрейку и сунул руку в карман, но уже в следующую мгновение мощный удар Малышева отбросил его на печку, едва не повалив её. Поднялся дикий ор, из открывшейся печки брызнули искры, и в воздухе запахло палёным. Этих мгновений было достаточно, чтобы пришедшие окружили блатных, кто-то даже успел оттащить от печки пришедшего в себя Никиту Кузнецова. На подмогу офицерам прибежали кавказцы и азиаты, что располагались в другом конце барака и которым надоели издевательства уголовников.

Блатные и арестанты из «офицерского» барака встали друг против друга стеной, с тыла уголовников окружали около десятка кавказцев и азиатов. Понимая, что сила теперь не на их стороне, Колесо предложил разобраться. Фёдор стоял в первом ряду с Малышевым и Быстровым и никак не мог видеть избитого арестанта, около которого хлопотал урядник. Одним из последних в барак забежал Богданов и к началу разговора опоздал. Он помог Стеклову посадить избитого, прислонив к нарам, а когда разглядел его окровавленное лицо, то спешно попятился, чувствуя на себе его горячий взгляд. В это время блатные громко закричали, кинулись на «гостей», но тут же их оттеснили к боковой стене.

Случилось так, что Богданов оказался лицом к лицу с главарём. Они, испепеляя друг друга ненавидящими глазами, схватились за грудки и вы-

дохнули почти одновременно только одно слово, вложив в него всю силу злости, ненависти и удивления:

– Т-ы-ы!!!

Со стороны казалось, что встретились два друга после долгой разлуки и сейчас на глазах у всех арестантов трепали друг друга за грудки и что-то говорили сдавленными голосами.

– Попался, гад! – задыхаясь, шептал Богданов.

– Это ты попался, паскуда! На нож тебя посажу! – грозил в ответ Колесов. – Щас хлопцам дам команду, и они тебя на ленточки порежут, легавый!

– Молчи, сука!

– Щас ты у меня навеки замолчишь! Братва...

Это было последнее слово вожака. Опустив на мгновение телогрейку своего противника, Богданов, казалось, совсем легонько ткнул его кулаком в живот. Охнув, бандит стал медленно оседать, но поручик, чуть подтолкнул его назад и аккуратно усадил на нары.

– Отдохни, куманёк! – эти слова Богданов сказал уже громко, чтобы слышали все блатные. – Друг старый встретился! Забыл, видно, как «законников» надо приветствовать! Ничего, посидит минуточку-другую, очухается, а потом и поговорим!

93

– В натуре, падло, чё за беспредел?! Колесо – вор в законе! Ты чё понтуешься, сучара! – заорали приспешники Колесова, с недоумением наблюдая, как их вожак, согнувшись, сидит на нарах.

Богданов, в руках которого был нож с выкидным лезвием, незаметно для окружающих нанёс уголовнику смертельный удар в солнечной сплетение. Именно таким ударом в нарымской тайге когда-то сам Колесо убил Яшку Чуваша. Невольно история повторилась с точностью до наоборот. Он не мог говорить, не мог встать, он стремительно умирал.

Воспользовавшись секундами, отпущенными ему, Богданов дрожащим голосом (от негодования или от страха) объявил блатным:

– Я – вор в законе! Сегодня ночью здесь объявляю сходняк! Я делаю предьяву этому гондону! Всех блатных собрать сюда! А сейчас все расходятся по своим углам, потому что опера уже бегут сюда! А ты, Колесо, посиди и подумай, что будешь говорить своим корешам!

Незаметно сунув в карман окровавленный нож и руку, он стал пятиться к двери. Закрывавшие проход арестанты из «офицерского

барака» беспрепятственно пропустили поручика Богданова.

– Понятно, братва? – снова обратился Богданов к блатным. – Через пять минут он встанет, – кивок в сторону скорчившегося главара, – если на сходянке вы решите, что я был не прав, он при вас мне морду в кровь разобьёт, век воли не видать!

С интересом слушавшие странную речь новоявленного вора в законе уголовники сдержанно засмеялись, даже раздалась шутки и угрозы в его адрес:

– Ну, Богдан, ежели ты зря нашего пахана щас затарил, мы ему поможем, а тебя вообще опустим! Ха-ха, девочкой сделаем!

– Сделаете, конечно, сделаете! Спешу я, братцы, до вечера!

Высочив из барака, Богданов стремглав кинулся к воротам, к охраннику... Через пять минут он уже был в кабинете начальника лагеря.

Пока в бараке разыгрывалась эта драма, урядник Стеклов и Муса подняли с пола Никиту и осторожно повели его к выходу. За ними стали выходить остальные арестанты «офицерского барака», вслед потянулись и кавказцы – они понимали, какая опасность им угрожает, если останутся в этом бараке, и потому решили провести ночь в соседнем, тем более что там оставались свободными несколько нар.

Когда все посторонние покинули барак, один из блатных подошёл к своему главарю и потрепал его по спине:

– Колесо, в натуре, хватит сидеть! Неужто он так больно тебя саданул? Вставай!

Он легонько толкнул его в плечо, и Колесо медленно повалился на бок, а потом рухнул на пол. Крови было мало, но уголовники её заметили и заревели, как сотня рассвирепевших быков.

А из казармы на территорию лагеря уже бежали вооружённые охранники...

* * *

Начальник лаготделения майор Конев больше походил на лавочника, повара или доброго волшебника из детских сказок. Полный, если не сказать толстый, с редкой рыжеватой шевелюрой на большой круглой голове и огромным мясистым носом, который имел такую особенность, что в разное время суток был разного цвета. С утра, как правило, это был обычный человеческий нос, даже слегка бледный, как и само лицо хозяина. К обеду он розовел и уже напоминал

молодую редиску на весенней грядке, а к вечеру мог тягаться по цвету с кумачовым знаменем, что стояло в ленинской комнате проверочно-фильтрационного лагеря № 0315. Все штатные работники отделения знали, что вся причина такой трансформации носа их начальника находится в большом металлическом сейфе, что стоит в углу его кабинета, в той литровой бутылки самогона, что имела там постоянную прописку. Даже прозвище придумали Коневу только из уважения к его носу – Майор Нос. Вышестоящее начальство неоднократно предъявляло ему претензии из-за пьянства на рабочем месте, но больших ЧП не было, и потому его терпели. Такая лояльность, видимо, объяснялась тем, что к концу войны во многих гарнизонах внутри страны дисциплина среди офицерского состава оставляла желать лучшего.

Однако осенью сорок пятого года судьба Майора Носа сделала такой кульбит, что он мог бы потерять не только должность, но и погоны вкуче со всем вещевым довольствием. Возвращаясь из управления в лагерь, он крепко заправился в одном ресторанчике и потерял табельное оружие. За такое могли бы уволить из органов, но высокое начальство проявило гуманность: всё равно в новом, сорок шестом году ПФЛ подлежали закрытию, и майора-залётчика оставили в должности, объявив ему неполное служебное соответствие.

Охранник, что привёл Богданова к начальнику лагеря, приоткрыл дверь:

– Товарищ майор, тут к вам один... гражданин просится...

– Проситься можно на горшок! – раздалось в ответ из кабинета. – Ко мне являются по вызову, а не таскают кого попало!

Богданов легко потеснил в дверях охранника и вошёл в кабинет:

– Не горячитесь, Иван Степаныч, а позвоните лучше вашему оперативнику и скажите: «Грачи прилетели».

– Ты, что ли, грач, твою мать?!

– Майор Конев, позвоните майору и отправьте во второй барак взвод охраны, иначе там начнётся резня!

В это время в кабинет стремительно вошёл высокий худощавый человек с усиками а-ля Берия:

– Вы сказали: «Грачи прилетели»?

– Так точно, – по-военному чётко доложил Богданов.

– Что во втором бараке?
– Детали я вам объясню позднее и наедине, а сейчас надо срочно нейтрализовать уголовников. Их главарь Колесо убит, и блатные пойдут резать всех подряд...

– Конев, слышали?! Тревога!

Уже через несколько минут уголовники были блокированы в бараке, а позднее размещены в трёх камерах карцера.

Поздним вечером того же дня Богданов и «кум» сидели в кабинете последнего и разговаривали, попивая крепкий чай. Сторонний человек, кто услышал бы их, наверное, не понял бы, был ли это разговор старых товарищей, или допрос.

– Борис Иванович, вы так хорошо отработали в Сталинске и здесь помогли предотвратить побег бандеровцев, а сейчас такая неувязка!

– Верно говорят, что и на старуху бывает проруха! Кто бы знал, что знакомцев встречу? Да не одного, а двоих сразу!

– А теперь поподробнее...

– Вам это надо?

– Это моя работа, я буду отчёт писать в управу о ваших делах. Если я что-то не так пойму, то и меня не поймут. А тут всё-таки убийство! Понятно, что на Колесе клейма негде ставить, что он в розыске много лет, но всё же...

Тон и темп беседы майор взял в свои руки, и Богданову оставалось только принять его условия. Он говорил неторопливо, без надрыва, обходя вниманием детали, которые касались лично его. Слушая Богданова, майор поднялся с дивана, вынул из сейфа початую бутылку водки, два стакана, блюдце, на котором лежали два больших куса чёрного хлеба и высилась горка соли.

– Работа у вас была нервная, значит это, – он указал на своё угощение, – лишним не будет...

Когда они выпили и закусили, оперативник продолжил задавать вопросы.

– Ведь вы не Богданов?

– Нет...

– А поручик?..

– Это моя легенда. Был такой поручик, но его давно уже нет на этом свете...

– Вам поручили это дело по...

– ...линии НКВД, из Новосибирского УНКВД...

– Я понимаю, что вы не профессиональный подсадной агент, вы были оперативником?

– Этого я вам не могу сказать... Поймите меня, товарищ майор.

– Кто вас узнал?

– Уголовник Колесов и тот контуженный, Кузнецов. Колесов хотел расправиться со мной, но я его опередил, я защищался, а второй, контуженный... Он тоже меня узнал. Его так избили блатные, что он и говорить-то не мог, но по глазам его я понял, что и он узнал меня. Я был на грани провала!

– Хорошо, Колесов – бандит, а Кузнецов?

– Сын кулака, во время коллективизации был сослан в Нарым. Под видом болезни смог вернуться домой, а когда им снова заинтересовались органы, он позорно сбежал на фронт!

При этих словах майор даже сморщился от неудовольствия, а взгляд его на собеседника сделался отстранённым. Похоже, беседа старых знакомых закончилась, а дальше пошёл допрос.

– Позорно бегут не на фронт, а с фронта, Богданов. Вы сами-то были на фронте?

– Я был там, где мне было поручено быть, товарищ майор! Кстати, там же, в бараке, есть ещё один Кузнецов, Фёдор, его брат. Я его раньше не знал, но слышал, что он в девятнадцатом бежал с Колчаком на Дальний Восток, эмигрировал, а в войну воевал за Гитлера. Два сапога – пара. Надеюсь, их покарают по всей строгости закона, товарищ майор?

– Я тоже надеюсь, но после тщательной проверки и... без вашей помощи.

– Почему так?

– Вас рассекретили, вас нельзя использовать в прежней роли, к тому же вы явно настроены против этих людей, и вам трудно будет принять справедливое решение в отношении них.

– Это в благодарность за всю мою работу?

– Те, кто вас посылал сюда, наверное, оценят ваши труды, но, согласитесь, ведь почему-то вы оказались в роли «клухи» в лагере? Я не спрашиваю о причинах вашего... погружения, но и вы не забывайте! Наверное, переусердствовали в конце тридцатых?

Богданов нервно дёрнул плечами и отвернулся от собеседника.

– Меня куда сейчас?

– Было бы правильно вернуть вас в барак, на нары, да, боюсь, вы там и останетесь навсегда, так или нет?

– Издеваетесь?

– Шучу! Так и быть, сегодня ночуете в моём кабинете, а завтра вас отвезут на вокзал. Пока будете добираться до Новосибирска, все необ-

ходимые документы в отношении вас я отправлю телеграфом.

– После вашего отчёта меня не арестуют?

– Вы всегда, Богданов, думаете о людях только плохо? Наверное, за это вы и пострадали в своё время и никаких выводов для себя не сделали.

Он встал и холодно кивнул, но в дверях остановился:

– Из кабинета никуда не выходить, здесь вы найдёте всё что нужно. Помните, что вас будут охранять...

Никита лежал на нарах Фёдора, лицо его кровило, а Фёдор сидел рядом и время от времени промокал полотенцем сочащуюся кровь.

– Федя! Братка! Как давно мы тебя не видели! А мама никому не верила и всегда говорила: «Жив мой Федя! Отзовётся в своё время»...

– Жив, Никита, да не отозвался, покуда не знал, где вас искать. Неужто всё в Урском живёте?

– В Белово мы теперь с мамой и сынишкой моим, с Егором. Я работал на шахте «Пионерка»... Ежели опять пути наши разойдутся – ищи нас там.

– А как же отец? Где твоя жена?

– Отец умер, жену мою Марту убили в ссылке... Тот самый Колесов и убил... А ты ничего не знал о нас? Нам же, брат, с тобой говорить не переговорить!

– Ничего, Никита, время у нас есть... А ведь мою жену тоже зовут Марта!

В это время около их барака раздались громкие голоса и строгие окрики, зазвучали выстрелы. Невольно все в бараке упали, кто – на свободные нары, а кто – просто на пол. Когда всё стихло, Быстров отправил урядника разузнать обстановку.

Через несколько минут он вернулся и с довольной улыбкой доложил всей компании:

– Охрана увела всех блатных – барак свободен!

– А что за стрельба?

– Один бандит с ножом кинулся на охрану, вот его и пристрелили. Их-то увели, а его труп лежит у входа... Небольшого роста, рыжий, лохматый...

– Неужто Зубастик? – слабым голосом проговорил Никита. – Кажется, я его видел в толпе...

– Что? Какой Зубастик? – Фёдор ближе наклонился к Никите. – Ты его знал?

– Если это он, то я его знал ещё в нарымской ссылке... Верный шакал Колесова...

– А Колесов-то кто?

– Братка, дай воды – в горле пересохло, а потом я тебе попробую всё рассказать...

О многом успели поговорить братья в тот зимний вечер в арестантском бараке в центре Сибири. Свой рассказ Никита иногда прекращал, со стоном сжимал рукой левую часть головы, изуродованной свежими шрамами, и на какое-то время терял сознание. Когда в барак принесли вечернее варево, они подкрепились и хотели продолжить разговор, но пришли двое охранников и потребовали Никиту Кузнецова на допрос к начальнику оперчасти.

Когда арестанты поднялись на его защиту, старший заявил холодно:

– Это приказ! Если он ранен, то его отправят в лагерный госпиталь!

Увидев сидящих на свободных нарах кавказцев и азиатов, он приказал всем перебираться в свой барак и успокоил напоследок:

– Блатных не бойтесь! Им кранты перекрыли наглухо!

Когда Никита, поддерживаемый одним из охранников, пошёл к выходу, Фёдор направился было вслед, но был остановлен старшим конвоя.

– Братка, Федя, если не увидимся больше, то помни, где нас искать! Прощай, братка!

До полуночи допрашивал майор Никиту Кузнецова. Много он успел рассказать ему: где и как воевал, о плене, о школе абвера, о разговоре в землянке с офицерами Смерша. Видя, как тают силы Кузнецова, оперативник угощал его крепким чаем с водкой, а когда Никита совсем обессилел и потерял сознание, вызвал врачей и приказал поместить его в госпиталь. Уже на следующий день в срочном порядке его отправили в Томск, в тыловой госпиталь, где ему должны были сделать операцию: черепные кости, сращённые с металлической пластиной, от нанесённых в лагере побоев воспалились, и требовалась срочная операция. Впереди его ждали долгие годы скитаний по госпиталям и больницам. Первый послепобедный год разлучал братьев Кузнецовых, не давая ни малейшей надежды на новую встречу.

Продолжение следует